
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание
Основано в 2009 г.
№ 4-2(28)
2016

Главный редактор – канд. пед. наук **В.Н. Абросимов**
Зав. редакцией – **Т.А. Магсумов**
Ответственный секретарь редакции – **Я.А. Максимов**
Технический редактор, администратор сайта – **Ю.В. Бяков**
Компьютерная верстка, дизайн – **Р.В. Орлов**

MODERN RESEARCH OF SOCIAL PROBLEMS

Printed Scientific Periodical Edition
Founded in 2009
№ 4-2(28)
2016

Editor-in-Chief – **V.N. Abrosimov**, PhD
Deputy Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**
Executive Secretary – **Ya.A. Maksimov**
Support Contact – **Yu.V. Vyakov**
Design and Layout – **R.V. Orlov**

Красноярск, 2016
Научно-Инновационный Центр

Кrasnoyarsk, 2016
Science and Innovation Center Publishing House

Современные исследования социальных проблем, № 4-2(28), 2016, 244 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Modern Research of Social Problems, № 4-2(28), 2016, 244 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

Modern Research of Social Problems is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI).

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088, «SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2016

Члены редакционной коллегии

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», член Президиума АН РТ

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г.Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филалиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе, Россия

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в. ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет»

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики детства, иностранных языков, информатики и частных методик Филиала Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева в г. Железногорске

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Филиала ФГБОУ ВПО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии и истории ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет»

Копцева Наталья Петровна – доктор философских наук, профессор, декан факультета Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Корнилова Ирина Валерьевна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и методики ее преподавания ФГБОУ ВПО «Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов»

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии, культурологии и туризма Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, начальник научного отдела ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры»

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и антропологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарного знания ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса»

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургское ГАОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы»

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена»

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия»

Editorial Board Members

Valeev Nail Mansurovich – Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Doctor of Philology, professor; Honored Scientist of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan; member of the Writers' Union of Russia and the presidium of the Union of Russian ethnographers; Vice-President of the Republic of Tatarstan; Academician-secretary of the Department of Humanities of the Republic of Tatarstan

Galieva Farida Gabdulkaevna – Senior Researcher, Institute of Ethnological Studies Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Candidate of History, Associate Professor of Moscow State Pedagogical University, Branch in Ufa

Gasanov Magomed Magomedovich – Vice-Rector for Academic Affairs (Dagestan State University), Doctor of History, Professor

Gotvtseva Anastasiya Gennadevna – Doctor of Philology, Associate Professor, assistant professor of literary criticism of the Faculty of Journalism of the Institute of the media «Russian State University for the Humanities»

Dotsenko Dmitry Vasilevich – Candidate of Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva, Zheleznogorsk Branch

Zubova Yana Valerevna – Doctor of Social Sciences, Department of Management, Ukhta State Technical University, Branch in the city of Usinsk

Zulyar Yuriy Anatolevich – Head of the Department of Political Science and the Faculty of History of Russian history, Irkutsk State University, Doctor of History

Koptseva Natalia Petrovna – Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Humanities Institute, Siberian Federal University

Kornilova Irina Valerevna – Doctor of History, Assistant Professor, Naberezhnye Chelny Institute of Socio-Educational Technologies and Resources

Litvin Aleksandr Alterovich – Doctor of History, Professor, Head of the Department of Museology, culture and tourism, Kazan (Volga) Federal University

Matsievskiy German Olegovich – Head of the Scientific Department of the Krasnodar State University of Culture and Arts, Doctor of History, Associate Professor

Mostitskaya Natalya Dmitrievna – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Moscow State University of Culture and Arts

Pokrishchuk Dmitriy Vladimirovich – Candidate of Political Sciences, Lecturer, Department of humanitarian and socio-economic disciplines Russian State Humanitarian University

Popovkin Andrey Vladimirovich – researcher in the Department of Ethnography, ethnology and anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (IIAE FEB RAS), associate professor of the philosophy of the Far Eastern State Technical University, Candidate of Philosophy

Popovkina Galina Sergeevna – Senior Fellow of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of RAS (Vladivostok), Candidate of History

Pulkin Maksim Viktorovich – Candidate of History, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural, Petrozavodsk State University

Saenko Natalya Ryafikovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Volgograd State Pedagogical University

Serov Nikolay Viktorovich – Doctor of Cultural Studies, Professor of Philosophy and Cultural Studies St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

Sudovikov Mikhail Sergeevich – Doctor of History, Assistant Professor, Head of the department of national history, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Vyatka State University of Humanities»

Shirokalova Galina Sergeevna – Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-7-24
УДК 947.084.5

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И КИТАЙ (1920–1923 гг.)

Емельянова Е.Н.

Цель. Рассматривается проблема становления российско-китайского сотрудничества в начале 20-х годов XX в., роль Коминтерна в этом вопросе и попытка оказания интернациональной помощи национально-освободительному движению в Китае. Анализируется политика советского руководства в период до Вашингтонской конференции и после нее. Новизна исследования – в использовании в работе широкого круга новых архивных материалов и недавно опубликованных документов.

Методологическая основа. В основе исследования лежат принципы историзма, критического подхода к используемым источникам и всестороннего анализа проблемы.

Результаты. Доказывается, что на первом этапе позиция большевиков характеризовалась стремлением военным путем поддержать революционное движение в Монголии, Корее и Китае, расширить зону «мировой революции». Задачей было установление народных республик, объединение Китая, проведение буржуазных преобразований силами коммунистических партий в блоке с национальной демократией и интеллигенцией и заключение союза с Советской Россией.

Вашингтонская конференция зафиксировала новое соотношение сил на Дальнем Востоке. Это заставило советское правительство постепенно изменить приоритеты. Произошел поэтапный отказ от открытой поддержки антияпонского движения в Корее, осуществилась переориентация на демократическую организацию Гоминдан в Китае и фактическое подчинение ей китайской компартии. Провозглашалась политика единого антиимпериалистического фронта.

Большое внимание уделяется проблеме дуализма внешнеполитической деятельности большевистского руководства. Это выразилось в противостоянии Коминтерна и Народного комиссариата иностранных дел по международным вопросам. Противоречие между интернациональными планами Коминтерна и национальными интересами России по установлению дипломатических отношений с великими державами разрешилось в пользу последних. Национальная революция в Китае должна была победить самостоятельно, без прямой военной поддержки извне.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть использованы в ходе преподавания в вузе истории России и всеобщей истории.*

Ключевые слова: *история; Россия; Китай; Коминтерн; внешняя политика; политические партии.*

SOVIET RUSSIA AND CHINA (1920–1923)

Emelyanova E.N.

Purpose. *The article deals with the problem of formation of Russian-Chinese cooperation in the early twenties of XX century, the Comintern role in this issue and attempt to provide international assistance to the national liberation movement in China. On the basis of a wide range of sources and archival materials, policy of the Soviet leadership is analyzed in the period up to the Washington Conference and beyond.*

Methodological basis. *The study is based on the principles of historicism, a critical approach to the sources used and comprehensive analysis of the problem.*

Results. *At the first stage the Bolshevik position was to keep support of the military revolutionary movement in Mongolia, Korea and China, to expand the area of “world revolution”. The objective was to establish the People’s Republics, association of China, provision of bourgeois transformation held by forces of the of communist parties in alliance with the national democrats and intellectuals and an alliance with Soviet Russia.*

Washington Conference recorded a new balance of forces in the Far East. This forced the Soviet government gradually change priorities. Open support for the anti-Japanese movement in Korea was gradually denied and Soviet Russia reoriented to the democratic movement of the Kuomintang in China and submission of the Chinese Communist Party to it. The policy of the united anti-imperialist front was proclaimed.

Substantial attention is paid to the problem of dualism of the foreign policy of the Bolshevik leadership. This was reflected in confrontation of the Comintern and the People’s Commissariat (People’s Commissariat for Foreign Affairs) on international issues. Controversy between international plans of the Comintern and the national interests of Russia on the establishment of diplomatic relations with great powers was resolved in favor of the latter. The national revolution in China had to overcome on their own, without direct foreign military support.

Practical implications. *Results of the study can be used in teaching of the Russian history and the world history in high school.*

Keywords: *history; Russia; China; the Comintern; foreign policy; political parties.*

История и современность теснейшим образом взаимосвязаны. Это в полной мере относится к российско-китайским отношениям, которые имеют давние традиции. Особенно плодотворным сотрудничество между двумя государствами было в 20-е гг. XX в., когда китайский народ боролся против полуколониальной зависимости

за политическую и экономическую самостоятельность своего государства.

Тема российско-китайского сотрудничества и глобализации политических процессов в последнее время особенно актуальна и активно изучается российскими и зарубежными историками [1; 8; 9; 19]. Но в связи с публикацией новых архивных документов начальный период отношений, роль Советской России в поддержке различных направлений национально-освободительного движения Китая нуждается в дальнейшем изучении. Этой проблеме и посвящена данная статья.

В первые десятилетия XX века Китай, благодаря выгодному геополитическому положению и слабости власти, представлял собой узел многих международных проблем и противоречий. За преобладание в этом регионе боролись ведущие государства мира: Англия и Соединенные Штаты Америки. Страна была практически поделена на сферы влияния. Япония хозяйничала в Манчжурии и Северном Китае, Англия – в Центральном и Южном. США не имели своей сферы влияния в Китае, но проникая в его экономику, гораздо эффективнее эксплуатировали это государство, чем все остальные империалистические державы. В данной ситуации Россия не могла оставаться безучастной, поскольку усиление позиций великих держав на Дальнем Востоке угрожало ее границам.

Внешнеполитическая деятельность Советской государства в первые годы его существования велась по двум принципиально различным направлениям: по линии Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) и по линии Коминтерна. Несмотря на кажущиеся различия оба ведомства осуществляли единую задачу – расширение сферы влияния Советской России, укрепление ее внешнеполитических позиций. Но методы были противоположными. НКВД проводил политику мирного сосуществования. Коминтерн ориентировался на форсирование «мировой революции» [6, с. 1341]. Часто тактические планы этих двух структур противоречили друг другу, и действия Коминтерна мешали налаживанию дипломатических отношений [5, с. 66–70; 16, с. 10–16]. Но иногда

мировое коммунистическое движение способствовало укреплению международных позиций большевистского руководства, играло роль «мягкой силы». Особенно это касалось полуколониальных и колониальных государств Азии [4, с. 2434–2439]. В этом отношении Советская Россия действовала в рамках внешнеполитического курса Российской империи, стремясь через активную политику на Востоке добиваться уступок от великих держав в международных вопросах.

Идея революции нашла особый отклик в восточных государствах, причем не только среди нарождающихся азиатских коммунистических партий, но и среди наиболее радикально мыслящей интеллигенции, которая увидела в опыте большевиков пример для подражания, а в Советской России союзника в борьбе с империалистическим гнетом [7, с. 65–88].

Период с 1920 по 1921 гг. очень важен в истории становления взаимоотношений между Советской Россией и Китаем. Это время, когда сферы влияния на Дальнем Востоке еще не были окончательно поделены после первой мировой войны, что создавало условия для активной военной политики в этом регионе. Общая политическая линия большевистского руководства и Коминтерна в начале 1920-х гг. была определена следующими задачами: 1) использование столкновения интересов Японии, Америки и Китая и форсирование этого столкновения всеми возможными средствами; 2) пробуждение сознательного движения широких масс Китая, Монголии, Кореи к освобождению их от гнета иностранного капитала; 3) стремление к поддержке революционных движений народов Восточной Азии; установление прочной связи с революционными организациями Японии, Китая и Кореи, а равно усиление агитационной работы путем издания печатных органов, брошюр и листовок; 4) активная помощь партизанским образованиям корейцев и китайцев [3, с. 37].

В проведении данной политики большевистское руководство столкнулось с целым комплексом проблем. В патриархальном Китае, раздираемом гражданской войной, фактически не было еди-

ного правительства. Несколько военных группировок, поддерживаемых различными империалистическими государствами, вели между собой борьбу за объединение страны под своей властью. Часть из них обратилась за военной поддержкой к РСФСР. Однако советское руководство до конца 1922 г. последовательно пыталось помирить и объединить три наиболее влиятельные национальные силы (поддерживаемое Японией правительство Чжан Цзолина, направляемое Англией и США центральное правительство У Пейфу и пророссийски настроенное южное правительство Сунь Ятсена) с тем, чтобы усилить российское влияние и организовать общий отпор странам Антанты. Убедившись в бесперспективности этих попыток, большевики переориентировались на Сунь Ятсена, не прекращая при этом мирных переговоров с центральным пекинским правительством.

Сложности возникли также во взаимоотношениях коммунистической партии Китая (КПК) с лидерами буржуазного национально-освободительного движения. Молодая и очень немногочисленная китайская компартия, ставя перед собой задачу немедленного осуществления социализма в Китае, не хотела идти на союз с милитаристскими правительствами, ограничивавшими задачи китайской революции созданием единого национального государства. В этом отношении перспектива договориться у Коминтерна была только с Гоминьданом (ГМД), лидер которого Сунь Ятсен допускал возможность построения полу социалистического общества в Китае.

Третий комплекс проблем был связан с идеей самоопределения народов северного и северо-восточного Китая и приходящими в противоречие с этим национальными интересами китайской буржуазии. В военном плане существовала возможность с помощью войск Красной Армии поддержать революции в Монголии, Маньчжурии и Корее, используя антияпонское и антикитайское движение народов этих территорий. Однако против их политической самостоятельности резко выступали даже наиболее радикальные представители китайской интеллигенции. Сунь Ятсен писал В.И. Ленину: «Я узнал, что Советские вооруженные силы концен-

трируются на маньчжурской границе и готовятся занять Северную Маньчжурию. Я опасаясь, что эта оккупация будет иметь тяжелые последствия для дальнейших русско-китайских отношений» [3, с. 151].

И, наконец, четвертый комплекс проблем сводился к тому, что слишком активная политика в Китае неизбежно сталкивала Советскую Россию с Японией, Англией и Америкой. С одной стороны, это могло привести к нежелательному для РСФСР осложнению отношений со странами-победительницами, с другой, становилось средством давления на позиции великих держав в международной политике.

Исходя из сложившейся ситуации, российское руководство параллельно работало над двумя возможными вариантами развития событий: мирным и военным. С одной стороны, НКВД настойчиво предлагал китайскому правительству в Пекине заключить мирный договор, с другой, не исключалась возможность военной поддержки антиимпериалистических сил и компартии Китая в установлении советской власти на части его территорий.

Под давлением Англии правительство У Пейфу затягивало переговоры с РСФСР.

В то же время Красная Армия вела успешное наступление на подступах к Внешней Монголии. Еще осенью 1919 г. социальное недовольство, нараставшее здесь долгое время, достигло своего апогея. Связано это было с ликвидацией Китайскими властями в ноябре автономии Внешней Монголии. Одновременно в Угре создаются подпольные революционные кружки, которые в июне 1920 г. объединились в Монгольскую народную партию. Летом же 1920 г. в Москву была послана делегация с тем, чтобы получить помощь и поддержку Советской России.

В августе 1920 г. в составе Секции Восточных народов при ЦК РКП(б) в Иркутске был образован Монголо-Тибетский отдел. В него вошли многие популярные лидеры Народно-революционной партии Монголии (Бодоо, Сухэ Батор, Чагдаржав и др.). Отдел принял самое активное участие в подготовке интернациональных

частей Красной Армии к революционному походу в Монголию [14, с. 42–43].

В марте 1921 г. состоялся I съезд Монгольской народной партии (МНП), который взял курс на вооруженное восстание, создал временное революционное правительство и утвердил штаб Монгольской Народно-революционной Армии во главе с Сухе-Батором. Уже в апреле 1921 г. по просьбе Временного революционного правительства в Монголию были введены части Красной Армии для совместной борьбы с белогвардейцами. В июле 1921 г. после освобождения Угры было сформировано постоянное народное правительство. Революция в Монголии победила. Был взят курс на некапиталистическое развитие страны при поддержке Советской России. Пятого ноября в Москве было подписано советско-монгольское соглашение о дружбе и сотрудничестве. В том же году МНП была принята в Коминтерн на правах сочувствующей организации. И хотя, по советско-китайскому договору 1924 г. СССР признавал Внешнюю Монголию составной частью Китайской Республики, на деле представители Исполнительного Комитета Коминтерна (ИККИ) зорко следили за тем, чтобы руководство Монголии не поменяло свою внешнеполитическую ориентацию и способствовали отстранению тех лидеров, которые имели намерение отказаться от дружеских отношений с Советской Россией [15, с. 63–68].

Успешное наступление Красной Армии на Востоке и ее помощь победе Монгольской революции способствовали активизации национально-освободительного и коммунистического движения в Корее и Китае.

Весной 1921 г. у левых в руководстве ИККИ созрел план создания в Иркутске революционной армии и подготовки революционного похода в Маньчжурию и Корею. Целью его должно было стать освобождение местного населения от японских захватчиков и установление там Советской власти. В этом районе проходила КВЖД и сосредоточились белогвардейские отряды. Поэтому Маньчжурия, также как Монголия и Корея, представляла собой

регион, где интересы Коминтерна, казалось, совпадали с государственными интересами РСФСР, коммунистическое правительство которой еще надеялось на возможность создания единого социалистического содружества стран Европы и Азии. Советское руководство не могло не учитывать антияпонских настроений в этом регионе.

Коммунистические организации Китая и Кореи также уповали на военную помощь Советской России. Корея по-прежнему оставалась под оккупацией японских войск. Образованное в Шанхае в апреле 1919 г. эмигрантское правительство Кореи во главе с Ли Синманом не ставило социалистических задач, но пять его членов из девяти были коммунистами [3, с. 28]. В конце 1920 – начале 1921 г. оно приступило к организации Корейской Армии Независимости. В то же время Ли Синман достиг соглашения с советским представителем в Китае И. Юриным о содействии советских войск борьбе его правительства с японцами. При этом Ли Синман согласился устроить свое правительство по советскому образцу, что, как полагали большевистские политики, могло бы послужить первой ступенью к восстановлению независимости Кореи [10, с. 83]. Между корейскими вооруженными силами на территориях Китая, Кореи и Советской России существовала реальная связь и согласованность действий [3, с. 28]. Все корейское партизанское движение на Дальнем Востоке было подчинено Дальневосточному секретариату Коминтерна во главе с уполномоченным ИККИ Б.З. Шумяцким.

Однако революционные планы Дальневосточного секретариата ИККИ вновь пошли в разрез с ближайшими задачами НКВД по улучшению отношений с великими державами. Наркоминдел РСФСР выступил резко против них. В записке от 8 июня 1921 г. на имя секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова отмечалось, что «открыто и даже демонстративно готовить таковое (восстание – Е.Е.) с нашей стороны непредусмотрительно и не своевременно, ибо абсолютно вредными являются всякие действия, могущие быть истолкованными как агрессивные, как вызов Японии, как подготовка

к нападению на то, что японское правительство считает для себя жизненным. Нападение с нашей стороны на Японию в Корее и попытка вырвать последнюю из рук Японии будет тем вызовом, который поднимет весь Японский шовинизм, послужит поводом в глазах Антанты для оправдания нового японского наступления и послужит причиной нового торжества крайних милитаристов в Японии. Эту авантюру надо ликвидировать, и возможно скорее» [10, с. 83]. Однако В.И. Ленин и В.М. Молотов не отреагировали на записку НКИД.

Намеренья ИККИ по ведению революционной войны в дальневосточном регионе встретили поддержку не только со стороны китайских и корейских коммунистов, но и со стороны некоторых лидеров национально-освободительного движения Китая, стремящихся использовать советские войска в своих целях. План совместных военных действий на весну 1921 г. был предложен советскому правительству лидером Гоминьдана Сунь Ятсеном. Он предполагал наступление Красной Армии со стороны русского Туркестана на Синьцзян в направлении на главный город юго-западной китайской провинции Сычуань – Чэнду [3, с. 24]. Таким образом, наступление могло осуществляться с двух сторон: с северо-запада и с северо-востока. Но этот план не был осуществлен.

Ситуация на Дальнем востоке кардинально изменилась в конце 1922 г. В ноябре начала свою работу Вашингтонская конференция, которая завершила послевоенный передел мира на Дальнем Востоке. Был провозглашен принцип «открытых дверей» в отношении Китая, и соотношение сил на Дальнем Востоке изменено в пользу США. Англия была вынуждена расторгнуть договор с Японией, позволявший последней вести более активную политику в этом регионе. Расторжение данного договора заставило Японию быть более осторожной, и объективно способствовало поиску ею взаимоприемлемых соглашений с Советской Россией. Начались мирные переговоры между советским и японским правительствами. При посредничестве США, благодаря успешным действиям советских войск, поддержке коммунистического и социалистического движе-

ния в самой Японии в октябре 1922 г. японские войска покинули российский Дальний Восток, КВЖД оставалась за Россией.

С одной стороны, создавалась реальная основа для заключения мирного договора между СССР и Китаем, с другой, правительство Сунь Ятсена и компартия Китая не оставляли надежд на осуществление национальной революции с помощью военной поддержки российской армии.

Но советское руководство не хотело обострения отношений со странами-победительницами, а это было бы неизбежно в случае начала военных действий на территории Китая. Поэтому НКВД и Коминтерн перешли к более осторожной политике в дальневосточном регионе. Активизировались переговоры с Японским и китайским правительствами. В феврале 1922 г. началось постепенное расформирование Отдельной корейской стрелковой бригады в Иркутске [10, с. 82–89]. В соответствии с внешнеполитическими интересами России, руководство Коминтерна дало первоначально указание КПК на поддержку У Пейфу [3, с. 241]. А в августе 1922 г. ИККИ были подготовлены директивы китайским коммунистам, работающим на юге Китая, о необходимости всемерной поддержки революционной партии Гоминьдан. В письме Г.Н. Войтинского в ЦК КПК, датированном августом 1922 г., говорилось: «В вопросах, имеющих теперь в Китае первостепенное значение – 1) уничтожение дущюната и 2) *самоопределение провинций и объединение их на федеративных началах* – вы должны держаться следующей линии: не только быть, безусловно, за уничтожение дущюната, о чем неустанно писать во всех своих органах, но и также разоблачать правительство и те группы и партии национальной буржуазии и национальной интеллигенции, которые нерешительно и с оглядкой на некоторых милитаристов против него борются. Трудовые массы Китая, радикальная интеллигенция и прогрессивная буржуазия должны знать и чувствовать, что вы являетесь действительными поборниками демократизма в стране» [3, с. 241].

Изменилась политика советского руководства и в отношении Кореи. Она характеризовалась: а) отказом от поддержки Времен-

ного революционного правительства; б) окончательным расформированием корейских отрядов на территории Дальнего Востока; в) подчинением Корейской коммунистической партии Японской компартии, что, видимо, отражало признание Советским правительством де-факто Кореи за Японией. В самой Японии Коминтерну не удалось широко распространить свое влияние.

До 1922 г. Коминтерн не исключал возможности победы социалистической революции в странах Азии и рассматривал национально-освободительное движение в Китае, а вместе с ним и Гоминьдан, как временного союзника в революции. Теперь промежуточной целью на Востоке признавалась буржуазно-демократическая революция и предпринималась попытка путем вхождения КПК в ГМД, максимально революционизировать последнюю и превратить ее в организацию якобинского толка, способную осуществить радикальные демократические реформы и проводить внешнюю политику, ориентированную на СССР.

Эта точка зрения проводилась ответственным работником ИККИ в Китае Г. Марингом на II съезде КПК. В отличие от I съезда КПК (июль 1921 г.) II съезд (июль 1922 г.) принял резолюцию о временном союзе с националистами. Однако он проигнорировал предложение Г. Маринга о вступлении коммунистов в Гоминьдан.

Коминтерн все же продолжал настаивать на своем. III Съезд КПК (июнь 1923 г.) по указанию руководства ИККИ принял решение о вступлении в ГМД. Однако данное решение переориентации только на Гоминьдан далось китайским коммунистам не просто. В своем письме заведующему Восточным отделением ИККИ Г.И. Сафарову от 8 марта 1923 г., выступая против поворота в политике руководства ИККИ, Г. Войтинский писал: «По-видимому, лидеры Гоминьдана продолжают надеяться, главным образом, на военные успехи в союзе с известной милитаристской группировкой, и с помощью не менее известной милитаристской страны (намек на Японию – Е.Е.). Может ли наша партия безоговорочно поддерживать суньятсеновский союз? Я утверждаю, что нет» [13, с. 32–33].

Протест против подчинения коммунистического движения внешнеполитическим интересам СССР содержался и в письме заместителя заведующего Восточным отделом ИККИ С.И. Слепака от 23 августа 1923 г. «Нужно покончить с взглядом на партию, как на служанку НКИД, – писал он. – . . . Пусть партия останется партией, развивает свою работу во всю, пусть никакие маринги, проводящие точку зрения Йоффе, или других представителей НКИД, не втягивают партию в метаяющиеся калейдоскопические кивания то в сторону одного генерала, то другого. НКИД это и нужно, но не путайте партию в это дело» [3, с. 241].

Поддержка Коминтерном Гоминьдана, помимо осуществления задачи национальной революции, являлась средством давления на Англию, Японию и США.

Последней попыткой подтолкнуть советское руководство к революционной войне стал приезд в Москву осенью 1923 г. делегации от партии Гоминьдан с широкими полномочиями для обсуждения возможных совместных военных действий в Китае. На заседании Исполкома Коминтерна 26 ноября 1923 г., глава китайской делегации Чан Кайши, указав на заинтересованность СССР в победе революции в Германии, Польше и Китае с точки зрения безопасности восточных и западных границ Советского Союза от нападения империалистов, заявил: «Партия Гоминьдан предлагает, чтобы Россия, Германия (конечно после успеха революции в Германии) и Китай (после успеха китайской революции) образовали союз трех крупных государств для борьбы с капиталистическим влиянием в мире. С помощью научных знаний немецкого народа, успеха революции в Китае, революционного духа русских товарищей и сельскохозяйственных продуктов этой страны мы смогли бы легко добиться успеха мировой революции, мы смогли бы свергнуть капиталистическую систему во всем мире. Мы думаем, что товарищи из Коммунистического Интернационала должны помочь революции в Германии с тем, чтобы она добилась огромного успеха, как можно раньше. В то же время мы также надеемся, что Коммунистический Интернационал обратит особое внимание

на Дальний Восток, в особенности на китайскую революцию» [3, с. 299–300]. Но Советское правительство отказало Гоминьдану в немедленном формировании новой революционной армии в Монголии, и вместе с руководством Коминтерна предложило перейти к длительной подготовке национальной революции. При этом советская сторона обещала помощь Сунь Ятсену в подготовке военных кадров. Был принят проект обучения китайских революционеров военному делу. В Кантон был направлен советский политический советник, ответственный работник ИККИ М.М. Бородин.

Причины отказа от непосредственных боевых действий в Китае заключались в событиях в Германии летом – осенью 1923 г. и в возможности для России оказаться в состоянии войны на два фронта, а также в ослаблении позиций Сунь Ятсена в Китае (летом 1922 г. его правительство в Кантоне было временно свергнуто). В своем письме Г.В. Чичерину по этому поводу Л.Д. Троцкий писал, что для партии Гоминьдан «наступает длительный подготовительный период, военные планы, а, следовательно, и чисто военные требования, обращенные к нам, откладываются до прояснения положения в Европе и до завершения хоть некоторой политической подготовки в Китае» [3, с. 278].

Планы коммунистического и гоминьдановского руководства заключить союз между Германией, Россией и Китаем свидетельствуют о знании их лидерами основ геополитики и попытке их реализации в жизнь. Но на тот момент объективные обстоятельства не позволили осуществить эти намерения. Государственные интересы России по сохранению мира, в который раз, оказались выше интернациональных задач. Деятельность Коминтерна была постепенно подчинена внешнеполитическим приоритетам СССР. Опыт создания единого антиимпериалистического фронта имел положительные результаты. Китайская революция середины 1920-х гг., победившая благодаря этой тактике, способствовала дальнейшему экономическому развитию Китая. Был сделан значительный шаг вперед в вопросе объединения страны. Правда, вскоре произошел разрыв между Гоминьданом и КПК, и началось вооруженное про-

тивостояние между ними. Но выработанная российским руководством политика единства всех прогрессивных политических сил применялась еще раз в 1937–1945 гг. в борьбе с японской агрессией. Она привела к окончательному освобождению Китая. Впоследствии между Советским Союзом и Китайской Народной республикой были установлены дружественные отношения, которые сегодня переживают новый подъем.

Список литературы

1. Алексеев Г.М. Культурологические аспекты экономической глобализации // Взаимодействие культур в условиях глобализации: сборник. М.: Канон+, 2010. С. 191–195.
2. Большевистское руководство. Переписка, 1912–1927 / Ин-т гос. упр. и соц. исслед. Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова и др.; Редкол.: А.В. Квашонкин и др. (с рос. стороны), A. Verelowitch и др. (с фр. стороны), E. Cinella и др. (с итал. стороны). М.: РОССПЭН, 1996. 423 с.
3. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы: в 5 т. М.: АО «Буклет», 1994–2007. Т.1. 792 с.
4. Емельянова Е.Н. Национально-освободительное движение в Индии и политика Советской России в Азии // В мире научных открытий. 2015. № 11.7 (71). С. 2433–2443.
5. Емельянова Е.Н. Несостоявшаяся революция 1923 г. в Германии // Клио. 2015. № 10 (106). С. 66–70.
6. Емельянова Е.Н. РСФСР и Советская Венгрия: попытки военного сотрудничества // В мире научных открытий. 2015. № 7.4 (67). С. 1331–1354.
7. Емельянова Е.Н. Революционная война или мирное сосуществование? К истории Коминтерна (1919–1923 гг.): монография. Колонна, 2002. 237 с.
8. История Коммунистического Интернационала 1919–1943: Док. очерки / Институт всеобщей истории РАН. М.: Наука, 2002. 412 с.
9. Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гомиьндан, 1919-1929: монография. М.: РОССПЭН, 1999. 375 с.

10. Пак Б.Д. Амурский инцидент // Восток. 1995. №5. С. 82–89.
11. Пак Б.Д. СССР, Коминтерн и корейское освободительное движение: 1918–1925: очерки, документы, материалы. М.: ИВ РАН, 2006. 415 с.
12. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М.: РОССПЭН, 2004. 906 с.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 18. Д. 204.
14. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 27.
15. Рошин С. Они возглавляли революцию // Азия и Африка. 1995. № 9. С. 63–68.
16. Сергомасов М.Ю. Политические аспекты советско-польской войны 1920 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., МПГУ, 1997. С. 10–16.
17. Broué, Pierre. Histoire de l'Internationale communiste, 1919–1943. Paris: Fayard, 1997. 1120 p.
18. Carr E. The Bolshevik Revolution. 1917–1923. London: Macmillan, 1953. Vol.3. 352 p.
19. Roy M.N. Revolution and counter-revolution in China. Delhi: Ajanta publ., 1986. 576 p.

References

1. Alekseev G.M. Kul'turologicheskie aspekty jekonomicheskoy globalizacii [Cultural aspects of economic globalization] *Vzaimodejstvie kul'tur v uslovijah globalizacii: sbornik* [Interaction of cultures in a globalizing world: the collection]. М.: Kanon+, 2010, pp. 191–195.
2. *Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska, 1912–1927* [The Bolshevik leadership. Correspondence, 1912–1927]; Institute of state management and social researches of Moscow state university of M.V. Lomonosov: edit. board of A.V. Kvashonkin and other (Russian part), A. Berelowitch (French part), E. Cinella (Italian part). Moscow: ROSSPEN Publ, 1996. 423 p.
3. *VKP(b), Komintern i natsional'no-revoljutsionnoe dvizhenie v Kitanii. Dokumenty* [VKP(b), the Comintern and the national-revolution-

- ary movement in China. Documents]. Moscow: JSC «Booklet» Publ, 1994–2007. Vol.1. 792 p.
4. Emel'yanova E.N. Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Indii i politika Sovetskoj Rossii v Azii [The national liberation movement in India and policy of Soviet Russia in Asia]. *V mire nauchnykh otkrytij*, 2015, no 11.7 (71): 2433–2443.
  5. Emel'yanova E.N. Nesostojavshajasja revoljucija 1923 g. v Germanii [Cancelled revolution of 1923 in Germany]. *Klio*, 2015, no 10 (106): 66–70.
  6. Emel'janova E.N. RSFSR i Sovetskaja Vengrija: popytki voennogo sotrudnichestva [RSFSR and the Soviet Hungary: attempts to military cooperation]. *V mire nauchnyh otkrytij*, 2015, no 7.4 (67): 1331–1354.
  7. Emel'yanova E.N. *Revoljutsionnaja vojna ili mirnoe sosushchestvovanie? K istorii Kominterna (1919–1923 gg.)* [The revolutionary war or peaceful coexistence. The history of Comintern (1919–1923)]. Kolomna, 2002. 237 p.
  8. *Istoriya Kommunisticheskogo Internatsionala 1919–1943: Dok. Očerki* [History of the Communist International, 1919–1943: Doc. Essays]; Institute of World History, Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka Publ, 2002. 412 p.
  9. Mamaeva N.L. *Komintern i Gomin'dan, 1919–1929* [KMT and the Communist International, 1919–1929]. Moscow: ROSSPEN Publ, 1999. 375 p.
  10. Pak B.D. *Amurskij intsident* [Amur incident.] *Vostok*, 1995, no 5: 82–89.
  11. Pak B.D. *SSSR, Komintern i koreiskoe osvoboditel'noe dvizhenie: 1918–1925: očerki, dokumenty, materialy* [USSR, the Comintern and the Korean Liberation Movement: 1918–1925: essays, documents, materials]. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2006. 415 p.
  12. *Politbyuro TsK RKP(b)–VKP(b) i Komintern: 1919–1943 gg. Dokumenty* [Politburo of Central Committee of RCP (b) – VKP (b) and the Comintern: 1919–1943. Documentation]. Moscow: ROSSPEN Publ, 2004. 906 p.
  13. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. Fund 495. Description 18. File 204.

14. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. Fund 495. Description 154. File 27.
15. Roshchin S. Oni vozglavlyali revolyutsiyu [They led the revolution]. *Aziya i Afrika*, 1995, no 9: 63–68.
16. Sergomasov M.Ju. *Politicheskie aspekty sovetsko-pol'skoj vojny 1920 g.* [Political aspects of the Soviet-Polish war of 1920]. Moscow: State Pedagogical University, 1997. 16 p.
17. Broué, Pierre. *Histoire de l'Internationale communiste, 1919–1943*. Paris: Fayard, 1997. 1120 p.
18. Carr E. *The Bolshevik Revolution. 1917–1923*. London: Macmillan, 1953. Vol.3. 352 p.
19. Roy M. N. *Revolution and counter-revolution in China*. Delhi: Ajanta publ., 1986. 576 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Емельянова Елена Николаевна, доцент кафедры философии, истории, политологии и права, кандидат исторических наук
Государственный социально-гуманитарный университет (Коломна)
ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Московская обл., 140410, Российская Федерация
e.n.emelyanova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Emelyanova Elena Nikolaevna, Associate Professor at Department of Philosophy, History, Political Science and Law, Candidate of Historical Sciences
State University of Social and Humanitarian Science
30, Zelenaya Str., Kolomna, 140410, Moscow region, Russian Federation
e.n.emelyanova@mail.ru
SPIN-code: 2887-4198
ORCID: 0000-0002-6394-1364
ResearcherID: C-2241-2015

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-25-33

УДК 908

**ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ НЕМЕЦКОГО
НАСЕЛЕНИЯ КАЗАНСКОЙ И ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИЙ
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ
НАСЕЛЕНИЯ 1897 г.**

*Крапоткина И.Е., Салимова Д.А.,
Данилова Ю.Ю.*

В статье дан анализ численности и занятости немецкого населения Казанской и Вятской губерний в конце XIX в. Авторы выявляют уровень профессиональной занятости и род занятий российских немцев, опираясь на статистические данные Всероссийской переписи населения 1897 г.

Цель – выявить численный состав и уровень профессиональной занятости российских немцев Казанской и Вятской губерний в конце XIX в.

Метод или методология проведения работы. При написании статьи использовались такие общенаучные методы исследования, как анализ, сравнение, обобщение. Кроме того применялись специальные методы исследования, в частности сравнительно-исторический метод.

Результаты. Настоящее исследование показывает, что численный состав немецкого населения, проживавшего на территории Казанской и Вятской губерний в конце XIX в., не превышал 0,1% основной массы населения. При этом в Казанской губернии немцев было больше, чем в Вятской губернии. Уровень профессиональной занятости показывает, что немцы, жившие в Казанской губернии, были представлены в системе вооруженных сил, администрации, суде и полиции. Немецкое население Вятской губернии было занято в таких сферах, как учебная, воспитательная, вра-

чебная и санитарная. Кроме того, немцы, проживавшие в уездных городах, были заняты в сельском хозяйстве, в производстве пищевой продукции, винокурении. Таким образом, сфера деятельности немецкого населения Казанской и Вятской губерний в конце XIX в. была разнообразной, традиционные для немецких колонистов занятия (в частности, отрасли сельского хозяйства) продолжали свое развитие.

Область применения результатов. Результаты могут быть положены в основу дальнейшего исследования, выявляющего преемственность и семейные традиции профессиональной занятости российских немцев.

Ключевые слова: немецкие колонии; российские немцы; численность; профессиональная занятость; Казанская губерния; Вятская губерния; Всероссийская перепись населения 1897 г.

**THE NUMBER OF MEMBERS
AND PROFESSIONAL EMPLOYMENT
OF THE GERMAN POPULATION OF KAZAN
AND VYATKA PROVINCES ON THE RESULTS
OF THE NATIONAL POPULATION CENSUS OF 1897**

*Krapotkina I.E., Salimova D.A.,
Danilova Y.Y.*

The article analyzes the number and employment of the German population of Kazan and Vyatka provinces in the late XIX century. The authors reveal the level of professional employment and occupation of the Russian Germans, relying on the statistical data of Russian population census of 1897.

Purpose – *to compare the number of members and the level of professional employment of Russian Germans in Kazan and Vyatka province in the late XIX century.*

Method and methodology of work: *analysis, comparison, generalization, comparative-historical.*

Results. *The present study shows that the number of the German population that lived on the territory of the Kazan and Vyatka province in the late XIX century, did not exceed 0.1% of the general population. The number of Germans in the Kazan province was more than in the Vyatka province. The level of professional employment shows that the Germans living in the Kazan province, were represented in the armed forces, administration, courts and police. The German population of the Vyatka province was employed in such fields as training, educational, medical and sanitary. In addition, the Germans living in district cities, were engaged in agriculture, food production, distilling. Thus, the scope of activities of the German population of Kazan and Vyatka province in the late XIX century was varied and traditional for German colonists activities (particularly in the agricultural sector) continued its development.*

Practical implications. *The results can be the basis for further study, which identifies the continuity and family traditions of professional employment of Russian Germans.*

Keywords: *German colonies; Russian Germans; number; professional employment; Kazan province; Vyatka Province; National Population Census of 1897.*

В современной исторической науке вопросы, относящиеся к профессиональной занятости населения, вызывают интерес исследователей. Их анализ позволяет определить особенность специализации региона. Небезынтересны факты, связанные с определённым родом занятий представителей той или иной народности, проживающих в регионе. Актуальность и научная значимость исследования связаны с изучением численности, профессиональной занятости и профессионального состава немецкого населения, проживавшего на территории Казанской и Вятской губернии на рубеже XIX–XX в. Исследование степени вовлечённости российских немцев в определённые отрасли производства и сферы услуг позволит понять в исторической ретроспективе, как менялись их профессиональные интересы, насколько разнообразнее стали виды занятости.

Использование статистических данных позволяет определить не только количественный состав населения, но и выделить его качественное содержание. В настоящее время историко-демографические исследования продолжают оставаться актуальными [1; 2; 6; 7], так как статистический материал позволяет проиллюстрировать аспекты социально-экономической деятельности немецкого населения Российской империи, выявив особенности и специфику организации хозяйственной жизни.

Согласно указу Екатерины II, во второй половине XVIII в. Российскую империю для хозяйственного освоения ряда губерний были приглашены немецкие колонисты. Интерес вызывают вопросы, изменился ли род занятий немецких колонистов на рубеже XIX–XX вв.? Как изменилась профессиональная занятость немецкого населения? Сумели ли они сохранить или развить свои первоначальные виды хозяйственной деятельности? В каких сферах профессиональной деятельности были заняты потомки первых колонистов? На эти вопросы мы постарались найти ответы в результатах Первой Всеобщей переписи населения Российской империи, проведённой Статистическим комитетом в 1897 г. Для сравнения взяты статистические сведения по Казанской и Вятской губерниям, так как они дают возможность исследовать профессиональную мобильность немецких колонистов.

Казанская губерния относилась к числу Средне-Волжских губерний Европейской части России, где преобладали пахотные земли, было много лесов. На территории Казанской губернии проживали разные народности, большая часть которых была занята сельским хозяйством. Немцев насчитывалось 1155 чел. обоёго пола, что соответствовало 0,1% от всего числа населения [4; V].

Распределение населения по группам занятий и по народностям представлено в Таблице XXII «Первой Всеобщей переписи населения Российской империи» [4; 186–187]. Необходимо отметить, что таблица учитывала количество самостоятельных членов и чле-

нов их семей. Нами проиллюстрировано общее число записанных в той или иной группе занятых.

Организаторы переписи выделили 65 групп занятий. Однако не во всех указанных видах деятельности были задействованы немцы. Мы выделили те сферы профессиональной занятости, где немецкое население было представлено в большей степени. Немцы, проживающие на территории Казанской губернии, были заняты такими видами деятельности, как:

- административная, судебная и полицейская – 55 чел.;
- военная – 47 чел.;
- учебная и воспитательная – 96 чел.;
- научная, литературная – 53 чел.;
- врачебная – 91 чел.;
- частная служба и деятельность – 123 чел.;
- земледелие – 39 чел.;
- обрабатывающая промышленность – 108 чел.;
- винокурение – 34 чел.;
- почта, телеграф, телефон – 20 чел.;
- торговля зерном и продуктами сельского хозяйства – 19 чел.;
- торговля промышленными товарами – 75 чел.;
- содержание трактиров, гостиниц, клубов – 14 чел. [4; 186–187].

Статистические данные показывают, что на рубеже XIX – XX в. немецкое население Казанской губернии в большей степени было занято в работе государственных структур и являлись чиновниками, это были так называемые «непромысловые занятия». Затем выделяются сфера услуг, торговля и предпринимательство, это так называемые «промысловые занятия». По-сравнению с первыми колонистами, которые были заняты в сельском хозяйстве, последующее поколение намного расширило сферу своих интересов и занятий.

Немецкое население Вятской губернии, которая граничила с Казанской, составляло всего 281 чел. [5; 92–93]. При этом статистические материалы свидетельствуют о том, что немцы выделялись наибольшим числом грамотных. Среди мужской части насе-

ления грамотных насчитывалось – 88,2%, среди женской – 87,7% [5; IX].

Род деятельности немцев Вятской губернии был представлен следующими видами занятий:

- не промысловые занятия – 55,2% немецкого населения;
- обрабатывающая промышленность – 31,3%;
- земледелие – 6,4%;
- торговля – 5,0%;
- остальные – 2,1% [5; XII].

В группах занятий населения Вятской губернии немецкое население было представлено следующим образом:

- администрация, суд и полиция – 22 чел.;
- учебная и воспитательная деятельность – 35 чел.;
- врачебная и санитарная деятельность – 24 чел.;
- частная служба и деятельность – 32 чел.;
- земледелие – 16 чел.;
- обрабатывающая промышленность – 30 чел. [5; 172–173].

Как видно из приведённых статистических данных, немцы, проживавшие на территории Вятской губернии на рубеже XIX–XX в., также заметно расширили сферы профессиональной деятельности.

Статистические данные Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. свидетельствуют о том, что немецкое население Казанской и Вятской губерний в конце XIX – начале XX в. сумело значительно разнообразить сферу занятости. При этом в большей степени стали выделяться интеллектуальные виды деятельности.

На основании Манифеста Екатерины II, первые немецкие колонисты стали осваивать территорию Тобольской, Астраханской, Оренбургской и Белгородской губерний [3; 316]. При этом российское правительство преследовало цель развития сельского хозяйства, а прибывшие переселенцы уже обладали определенными навыками, как правило, ремесленными. Поэтому первые колонисты столкнулись с серьезными трудностями – природно-

климатические условия, освоение новых видов хозяйствования. Ремесленные профессии оказались невостребованными, и чтобы прокормить себя и свои семьи, мастера были вынуждены осваивать труд хлебопашцев, а ремесленное производство находилось на стадии домашнего промысла. В течение XIX в. ситуация заметно изменилась: немецким колонистам была предоставлена большая свобода не только в выборе рода деятельности, но и в свободе передвижения. На рубеже XIX–XX в. немецкое население Казанской и Вятской губерний успешно освоило новые профессии, которые позволяли достичь больших успехов и заложили основы дальнейшей профессиональной мобильности.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект 15-04-00011а «Язык и культура русских немцев в миграции: проблемы самопрезентации и самоидентификации».

Список литературы

1. Дизендорф В. Историческая демография немецкого населения России и СССР (XVIII – начало XXI в.). Роттенбург, 2010. 241 с.
2. Кабузан В.М. Немецкоязычное население в Российской империи и СССР в XVIII – XX веках (1719–1989 гг.): историко-статистическое исследование. М., 2003. 218 с.
3. Манифест 4 декабря 1762 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XVI. СПб., 1830. С. 313–316.
4. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XIV. Казанская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1903. 284 с.
5. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.Х. Вятская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. 268 с.
6. Dahlmann, Dittmar/Tuchtenhagen, Ralph (Hg.): Zwischen Reform und Revolution. Die Deutschen an der Wolga 1860–1917. Essen 1994.
7. Stricker Gerd (Hg.): Deutsche Geschichte im Osten Europas. Rußland. Siedler Verlag Berlin 1997.

References

1. Dizendorf V. *Istoricheskaya demografiya nemetskogo naseleniya Rossii (XVIII – nachalo XXI v.)* [Historical demography of Russia and the Soviet Union of the German population (XVIII – beginning of XXI century.)]. Rotteburg, 2010. 241 p.
2. Kabuzan B.M. *Nemetskoyazychnoe naselenie v Rossiyskoj imperii I SSSR v XVIII – XX vekakh (1719–1989 gg.): istoriko-statisticheskoye issledovanie* [German-speaking population in the Russian Empire and the USSR in the XVIII–XX centuries (1719–1989 gg.): Historical and statistical research]. Moscow, 2003. 218 p.
3. Manifest 4 dekabrya 1762. [Manifesto of December 4, 1762]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoj imperii s 1649 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. Vol. XVI. St. Petersburg, 1830, pp. 313–316.
4. *Pervaya Vseobschaya perepis' naseleniya Rossiyskoj imperii, 1897 g. T. XIV. Kazanskaya guberniya* [The first national census of the Russian Empire, 1897 V. XIV. Kazan Province] N.A. Troiynitsky (ed.). St. Petersburg, 1903. 284 p.
5. *Pervaya Vseobschaya perepis' naseleniya Rossiyskoj imperii, 1897 g. T.X. Vyat'skaya guberniya* [The first national census of the Russian Empire, 1897 T.X. Vyatka Province] / N.A. Troiynitsky (ed.). St. Petersburg, 1904. 268 p.
6. Dahlmann, Dittmar/Tuchtenhagen, Ralph (Hg.): *Zwischen Reform und Revolution. Die Deutschen an der Wolga 1860–1917*. Essen 1994.
7. Stricker, Gerd (Hg.): *Deutsche Geschichte im Osten Europas. Rußland*. Siedler Verlag Berlin 1997.

ДАНИЕ ОБ АВТОРАХ

Крапоткина Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей и отечественной истории
Казанский федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, Республика Татарстан, 420000,
Российская Федерация
ikrapotkina@mail.ru

Салимова Дания Абузаровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и контрастивного языкознания
Казанский федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, Республика Татарстан, 420000, Российская Федерация
daniya.salimova@kpfu.ru

Данилова Юлия Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и контрастивного языкознания
Казанский федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, Республика Татарстан, 420000, Российская Федерация
JJDanilova@kpfu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Krapotkina Irina Evgenjevna, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of General and National History
Kazan Federal University
18, Kremlevskaya Str., Kazan, Tatarstan, 420000, Russian Federation
ikrapotkina@mail.ru

Salimova Daniya Abuzarovna, Ph.D., Professor of Russian Language and Contrastive Linguistics
Kazan Federal University
18, Kremlevskaya Str., Kazan, Tatarstan, 420000, Russian Federation
daniya.salimova@kpfu.ru

Danilova Yulia Yrjevna, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of Russian Language and Contrastive Linguistics
Kazan Federal University
18, Kremlevskaya Str., Kazan, Tatarstan, 420000, Russian Federation
JJDanilova@kpfu.ru

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ STUDIES IN PHILOSOPHY

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-34-50

УДК 179.7:575.616

ПРОЕКТЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Введенская Е.В., Ляуш Л.Б.

Цель. Рассмотрение, сопоставление, концептуализация проектов по усовершенствованию человека мыслителей второй половины XIX века Н. Федорова, К. Циолковского и современного британского трансгуманиста Дэвида Пирса. Выявление истоков и анализ перспектив данных проектов.

Метод и методология проведения работы. Методологическую основу статьи составляют методы историко-философского анализа, предполагающие реконструкцию и систематизацию основных концептов проектов преобразования человека, их сравнительное рассмотрение и последующую интерпретацию. Прежде всего это методы дескрипции, контекстного анализа источников, метод сравнительного анализа, а также герменевтический метод.

Результаты. В рассмотренных проектах Н. Федорова, К. Циолковского и Д. Пирса выявлена тенденция превращения человека в обезличенную машину. Анализ данных проектов преобразования человека позволяет заключить, что их реализация сопряжена с экзистенциальными рисками биологического, генетического, молекулярного и кибернетического произвола. Существует реальная опасность исчезновения человека в его наличном виде. Люди в их традиционном понимании, с их душевными склонностями, слабо-

стями, рефлексией, свободой выбора и моральными ценностями оказываются вытесненными биороботами, с отлаженным генетическим кодом и искусственно измененными эмоциями, лишенными рефлексии и свободы выбора.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при проведении семинарских занятий по биоэтике со студентами и аспирантами. В перспективе материал данной статьи может быть применен в сфере этической экспертизы биомедицинских технологий в целях «улучшения» человека.

Ключевые слова: русский космизм; трансгуманизм; аболиционизм; биомедицинские технологии; геновая инженерия; проект усовершенствования человека; страдание; бессмертие.

HUMAN ENHANCEMENT PROJECTS: ORIGINS AND PERSPECTIVES

Vvedenskaya E.V., Lyaush L.B.

Purpose. Consideration, comparison and conceptualization of the human enhancement projects of such thinkers of the second half of the 19 century as N. Fedorov, K. Tsiolkovsky and contemporary British transhumanist David Pearce is presented in this article. What is more, the revealing of the origins and analyses of the perspectives of these projects is described in the article.

Methodology. Methods of the historical and philosophical analyses that suppose reconstruction and systematization of the key projects on human enhancement concepts, their comparative consideration and further interpretation involve the methodological base of the article. First of all, these are the methods of description, context analyses of the origins, the method of comparative analyses and hermeneutic analysis.

Results. The tendency of the transformation of a human in an impersonalized machine is revealed in the considered projects of N. Fedorov and K. Tsiolkovsky. Data analyses of the projects on human enhancement let us make a conclusion that their realization is associated with

existential, genetic, molecular and cybernetic based outrage. There is the up-close opportunity of human extinction in its present form. People in their traditional understanding with their emotions, weakness, reflection, freedom of choice and moral values are forced out by biorobots that have well-adjusted genetic code and artificially changed emotions which are free of reflection and freedom of choice.

Practical implications. *The research results can be used during the discussion class on bioethics conducted with the students and post-graduate students. In the future the content of this article can be used in the field of ethical expertise of biomedical technologies that has the purpose of human “enhancement”.*

Keywords: *Russian cosmism; transhumanis; abolitionis; biomedical technologies; gene engineering; human enhancement project; suffering; immortality.*

«Опасностью прошлого было, что люди станут рабами.

Опасность будущего – что они станут роботами».

Эрих Фромм

Революционный сдвиг в традиционных представлениях о возможностях и перспективах развития человеческой природы, возникший в связи с расшифровкой генома человека, породил полные оптимизма ожидания, что новые знания приведут к созданию совершенного во всех отношениях человека и откроют возможности для построения идеального общества. Стремительное развитие генетики и новых биомедицинских технологий в начале XXI века способствовало усилению интереса к проектам усовершенствования человека, выдвинутым еще во второй половине XIX века такими мыслителями как Н. Федоров, К. Циолковский, В. Вернадский и другие, названными «русскими космистами» по главной идее их учений: человек – существо космическое и цель его – выйти за пределы Земли, преобразовать жизнь во Вселенной.

Человек воспринимается космистами как разумное существо, образовавшееся из живого вещества нашей планеты, и он предназначен стать активным фактором в космической эволюции, которая

связана с действиями человека, направленными на самосовершенствование. Согласно «русскому космизму», мир сейчас, по выражению В. Вернадского, находится в фазе перехода от «биосферы» (сферы жизни) к «ноосфере» (сфере разума). Во время этой фазы должно произойти объединение всего человечества в единый организм, что приведет к образованию более высокого «планетарного сознания», способного разумно направлять дальнейшее развитие, изменяя и улучшая Вселенную, преодолевая болезни и смерть, и наконец, приведет к появлению бессмертного человечества.

Родоначальник философии космизма в России Н. Федоров впервые в истории философской мысли создал грандиозный по своим масштабам проект преобразования человека. Критикуя современное ему мироздание, в котором торжествует слепая сила природы и «неродственность» в межличностных отношениях (т.е. не братское, враждебное состояние общества), он утверждает, что никакими общественными перестройками улучшить жизнь и судьбу людей нельзя. Последователи идей русского космизма – трансгуманисты XXI века также убеждены, что ни экономический рост, ни технический прогресс, ни усовершенствование внешней среды не избавят человека в полной мере от страдания. Люди всегда «будут становиться жертвами всего спектра дарвиновских эмоций, от тяжелейших страданий до легких разочарований и неудовлетворенности...», – пишет, в частности, один из адептов трансгуманизма, Дэвид Пирс.

Для коренного изменения жизни во Вселенной, считал Н. Федоров, необходимо устранить смертность человеческой природы. Эта задача – основополагающая для всех проектов преобразования человека. Н. Федоров различает две причины смерти, которые, по его мнению, должны быть преодолены. Одна, связанная с материальной организацией человека, неспособной к бесконечному самообновлению, может быть преодолена «психофизиологической регуляцией организма» (которая, по существу, сводится к евгенике), вторая, являющаяся следствием стихийности и разрушительного характера окружающей среды, может быть устранена познанием, трудом и регуляцией природы.

Победить смертность, согласно учению Н. Федорова, может только объединенное одной целью и общим делом человечество, которое займется «регуляцией природы», то есть, внесением в нее воли и разума. Это, в свою очередь, приведет к овладению природой в противоположность ее эксплуатации. Регуляция предполагает и переустройство самого организма человека, и управление космическими процессами, а главной ее целью является установление бессмертного порядка бытия. Разумное управление всем мирозданием позволит естественной силе достичь бессмертия, возродить все разрушившееся, воскресить всех умерших, преобразовать физическую и духовную природу человека. «Только регуляция естественного процесса, или слепой силы природы, есть истинное отношение разумного существа к неразумной силе; регуляция же – это значит обращение рождающей и умертвляющей силы в воссозидающую и оживляющую» [4, с. 464].

Достижение бессмертия и воскрешения всех поколений людей непосредственно связано у Н. Федорова с освоением Вселенной, так как без обладания небесным пространством невозможно одновременное существование всех живших на Земле поколений, а полное обладание небесным пространством, соответственно, невозможно без воскрешения. Только объединив все поколения людей и расселив их во Вселенной, человечество преодолеет границы времени и пространства и станет не только всезнающим и всемогущим, но и вездесущим и бессмертным.

Будучи религиозным философом, Н. Федоров, однако, в своем проекте преобразования человека отступает от христианских догм. Мысль его полностью обращается к миру, к деятельной реализации проекта воскрешения мертвых силами человека. Божественный план переводится в человеческий.

Для его осуществления, по мнению Н. Федорова, необходима «новая наука», которая станет не только залогом технического прогресса, способствующего улучшению качества жизни, но и средством для физического и нравственного совершенствования человека. Научные расчеты, применяемые для развития техники,

должны быть обращены на человека, на улучшение его органов, их развитие и конечное радикальное преобразование (так, чтобы человек сам мог летать, видеть далеко и т.д.). Человек должен научиться обновлять свой организм, строить для себя новые органы, овладеть естественным тканетворением. Заметим, что эти высказывания, сделанные во второй половине XIX века, актуальны и сегодня, а наука достигла такого уровня, что стало возможным выращивание органов и создание их искусственных аналогов, стимулирование физической и психической деятельности с помощью средств психофармакологии, электрического воздействия, а также вмешательство в сам процесс зарождения новой человеческой жизни в целях улучшения генных характеристик. Что же касается внутреннего мира человека, то его переориентацию русский мыслитель связывает с обращением всей души живущих к умершим отцам и предкам. Идея всеобщего воскрешения рождается из сердечного требования и диктуется глубоким чувством морального долга. Нужно, чтобы «все рожденные поняли и почувствовали, что рождение есть принятие, взятие жизни от отцов, т.е. лишение отцов жизни, откуда и возникает долг воскрешения отцов, который сынам дает бессмертие» [3, с. 476]. Всеобщее воскрешение означает морализацию всей Вселенной. Воскрешение воспринимается Н. Федоровым как «глубоко интимный, любовный процесс», в ходе которого потомки рождают из себя с помощью сосредоточения и напряжения своих энергий вместе с материей и силами внешнего мира, своих предков. «Всеобщее воскрешение — не художественное только творение из камня, на полотне и т.п.; не бессознательное рождение, а воспроизведение из нас, как огонь из огня, при посредстве всего, что есть на небе и на земле, всех прошедших поколений» [4, с. 102].

Н. Федоров, прозревая будущее развитие науки, разрабатывает три пути воскрешения.

1. Собираение рассеянных частиц вещества праха умерших и сложение их в тела на основе «познания и управления всеми молекулами и атомами внешнего мира».

2. Восстановление оптических образов умерших. Этот путь представляет собой воскрешение в памяти.

3. Извлечение живущими из себя наследственно-генетического кода предков. Это предполагает нахождение каждым человеком своего места в генеалогической описи человечества. При наличии собранного генетического кода предка можно говорить о теоретической возможности его воспроизведения. Н. Федоров пишет, что потомок должен стать нерожденным, «восстановляя из себя тех, от коих рождён сам». Через потомка происходит восстановление предка, сначала ближайшего (отец, мать), а через них и их отца и матери и так вплоть до первоотца и первоматери. Здесь речь идет уже не просто о собирании частиц умерших, а о нахождении определенной формулы организма, той наследственной информации, которую он передал своим потомкам.

Под полным воссозданием прежде живших, предложенным Н. Федоровым, следует понимать не буквальное их возвращение к прежней физической природе, а претворение в самосозидаемую, управляемую сознанием, способную к бесконечному самообновлению, природу. Человеческий организм станет неким «космическим аппаратом», превращающим космические вещества в минеральные, затем в растительные и далее – в ткани.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что воссозданный по федоровскому принципу организм будет представлять собой не человека, а, скорее, машину или робота, иными словами, лишь потенцию личности, сосуд личности, а не саму личность.

В утопическом проекте Н. Федорова воскрешение мертвых в целом сводится к механическому собиранию частиц умерших и воссозданию определенной комбинации элементов. Очевидно, что органическим процессам Н. Федоров противопоставляет технические, а естественному рождению – человеческий труд и расчет. Смысл в космос привносится только трудом, человек не столько творец, сколько «небесный механик».

Последователи Федорова, отходя от религиозно-нравственной обоснованности своих положений, на первое место выдвигают

их естественнонаучное обоснование и инженерно-технический расчет.

Так, К. Циолковский, вслед за Н. Федоровым критикуя несовершенную природу человека, выражающуюся в слепом эгоизме, в страстях, жадности, жестокости и ограниченности, разрабатывает свой проект улучшения общественного устройства и совершенствования человека, при этом преследует главную цель – счастье человечества в настоящем и будущем. Общественное устройство, предлагаемое им, должно удовлетворять всем разумным естественным потребностям людей. Не вдаваясь в подробности организации благополучного общества у К. Циолковского, отметим лишь, что в нем, в отличие от федоровской концепции всеобщего равенства в участии в «общем деле», существует разделение. Есть «высшие» и «низшие» формы жизни, есть общественная элита и те, кто лишен определенных прав. «Низшие формы» жизни должны уничтожаться как на Земле, так в будущем во Вселенной. Вообще, по идее К. Циолковского, должно быть уничтожено все, что мешает жизнедеятельности человека и развитию разумных форм жизни. На Земле не должно быть места ни диким лесам, ни хищным животным, ни «бесперспективным» растениям, под интеллектуальный контроль берутся все ресурсы природы. На всем должна лежать печать разумности. Разумным К. Циолковский считает такое общество, в котором проживающие в тесном контакте люди отыскивают в своих рядах гениев, способных избавить людей от несчастий и горестей, и выделают из своей среды «наиболее великодушных, общественных, талантливых, здоровых, долголетних, плодовитых людей» [6, с. 18]. Эти люди становятся избранными «первого порядка». Таким же образом определяют избранных «второго порядка», «третьего порядка» и так далее. Для улучшения природы человека К. Циолковский предлагает ограничить деторождение. Люди должны иметь тем меньше потомства, чем менее совершенны и менее способны вести общественную жизнь.

В процессе эволюции человек, согласно К. Циолковскому, теряет свои привычные качества, избавляется от страстей и становит-

ся «бесстрастным существом, подобным машине, которая «силою ума машиниста или особенностями своего устройства ... сохраняется и действует очень долго» [9, с. 133].

К. Циолковский так же, как и Н. Федоров, считает, что, осваивая Космос, люди овладеют временем и пространством. С помощью творчества и огромного труда они придут к мысли, что человек – не венец творения, а промежуточная форма на пути к идеалу, и начнут работать над «метаморфозой» вещества своего организма на уровне атома и его частей.

Аналогично Н. Федорову, К. Циолковский считает, что человек имеет право вмешиваться в ход эволюции Вселенной, изменяя как облик мира, так и свой собственный облик. Человек, совершенствуя себя, овладевая Вселенной, становится силой, оформляющей, создающей мир, он выступает как Бог, имеющий представление обо всем.

В книге «Будущее Земли и человечества» К. Циолковский пытается представить, что ожидает человечество на «пути разума, свободы и могущества». Во Вселенной, считает он, действуют «высшие формы жизни», зародившиеся на высших планетах, которые «ликвидируют зачаточную жизнь на иных планетах и заселяют их своим потомством» [5, с. 18]. Право на насилие, обусловленное биологической необходимостью и высшими целями эволюции Вселенной, рассматривается им как общий закон развития. Отрицание права на жизнь «низших форм», оправдание насилия по отношению к ним обосновывается целесообразностью эволюционного процесса, сверхразумностью Вселенной.

В своих представлениях о будущем человеке К. Циолковский пошел дальше Н. Федорова. Согласно взглядам К. Циолковского, наступит время, когда человеческий организм принципиально химико-биологически перестроится. Люди преобразуются в разумных «животных-растений», существующих независимо от среды обитания. Жители планет, в том числе и Земли, ассимилируются с обитателями Вселенной, и сложится особый тип жителей Космоса. Это «особенное животное. В него не проникают ни газы, ни жидкости,

ни другие вещества. Из него также они не могут и удалиться... Оно живет только солнечными лучами, не изменяется в массе, но продолжает мыслить и жить как смертное или бессмертное существо. Такое сформированное существо уже может обитать в пустыне, в эфире, даже без тяжести, лишь была бы лучистая энергия» [8, с. 21–22]. Через миллиарды лет, – прогнозировал ученый, – «из лучей возникнет материал высшего класса и появится, наконец, сверхновый человек, который будет разумом настолько выше нас, насколько мы выше одноклеточного организма» [7, с. 426]. Сверхновый человек, которого К. Циолковский называет «совершенным существом», перешедший в «лучевое состояние» будет все знать и ничего не желать, то есть, перейдет в такое состояние сознания, которое разум человека считает прерогативой Богов. Новый человек станет бессмертным, а Космос превратится в великое совершенство.

Подытоживая рассмотрение двух проектов преобразования человека, отметим, что общим основанием для них является признание как Н. Федоровым, так и К. Циолковским незавершенности современного вида человека, его «промежуточности», по выражению В.И. Вернадского. Несмотря на все различия в учениях этих философов, они едины в нацеленности на достижение всеобщего счастья, которое они связывают с усовершенствованием человека, избавлением его от страданий, болезней и, в итоге, с достижением им бессмертия.

В настоящее время идеи русских философов-космистов продолжают развивать их последователи трансгуманисты. Хотя трансгуманисты и значительно отдалены во временном отношении от русских космистов и формируют свои концепты на базе новой научно-технической революции, существует очевидная идейная связь между ними – неудовлетворенность наличным существованием и сущностью человека и требование радикального изменения всего порядка вещей. Проекты преобразования человека, предложенные Н. Федоровым и К. Циолковским, перешли из сферы метафизических мечтаний в материальную область, что делает возможность их реализации как никогда актуальной.

Так, трансгуманист, Дэвид Пирс разработал «Аболиционистский проект», имеющий своей целью «уничтожить страдания во всем мире», радикально изменив человека.

«Аболиционизм» (abolition, от *лат.* abolitio – уничтожение, отмена), первоначально обозначает «общественное движение, добивающееся отмены какого-либо закона. Дэвид Пирс понимает под аболиционизмом освобождение от страданий. В основе его проекта лежит гедонистический императив (этическая система, основанная на необходимости с помощью технологии уничтожить страдание для всей разумной жизни и удовлетворить потребность в получении максимально возможного удовольствия – физического, психологического и интеллектуального). Предлагается преобразование человека с помощью токовой стимуляции мозга, совершенных дизайнерских наркотиков и генной инженерии (репродуктивной революции) для достижения человечеством одновременно сверхсчастья и сверхразума.

«Токовая стимуляция – это прямое воздействие на центры удовольствия головного мозга с помощью имплантированных электродов» [9]. Уже при современном уровне развития медицины возможно вживить электроды, обеспечивающие состояние перманентной радости. Однако и это следует подчеркнуть особо, новые способы получения удовольствия, связанные с развитием виртуальной реальности (прямые нейрональные имплантанты) могут стать новыми возможностями и для проведения изошренных пыток.

Д. Пирс понимает, что если все человечество будет постоянно испытывать блаженство в результате токовой стимуляции мозга, то это, вероятно, положит конец его существованию в связи с нарушением информационной восприимчивости к раздражителям среды. В будущем, вместо грубого вмешательства в центры удовольствия человеческого мозга, предлагается переложить все неприятности на «плечи неорганических суперкомпьютеров, протезов и роботов, в то время как человечество будет наслаждаться всеобщим оргазмическим блаженством» [9]. Здесь речь идет о загрузке сознания в компьютер, что избавит человека от страданий,

связанных с бременем тела. Возможность соединить нервную систему человека и электронные приборы уже не является фантастикой. Здесь возникает закономерный вопрос: «Будет ли подобный человек человеком в привычном смысле этого слова, не принесет ли он вред остальным людям, какими нравственными нормами он будет руководствоваться при общении с другими людьми?».

Другим техническим решением полного уничтожения страдания является применение идеальных, «дизайнерских наркотиков», обеспечивающих «всеобъемлющее благополучие» (мозговое, чувственное, эстетическое, духовное) на протяжении всей жизни, без опасных побочных эффектов. Д. Пирс пишет о том, что можно избрести такие наркотики, от которых человек испытывает удовольствие, без нарушения когнитивных функций.

Наиболее перспективным решением проблемы страдания человека является отладка генетического кода, чтобы люди уже рождались с генетической предрасположенностью к психологическому сверхздоровью. «Наши потомки будут наслаждаться оттенками благополучия, запрограммированными на генетическом уровне, богатство которых превзойдет наиболее яркие ощущения из доступных нам сейчас», – пишет Д. Пирс во введении к своему проекту [9].

Эволюция не будет «слепой» и «случайной»: естественный отбор сменится неестественным. «Мы будем определять генетическую конструкцию своих будущих отпрысков, выбирая и разрабатывая аллели и аллельные комбинации *в предвосхищении* их результатов. Давление отбора будет направлено против опасных аллелей или аллельных комбинаций, которые были адаптивны в среде обитания наших предков» [9].

Остановимся на этом предложении Д. Пирса и задумаемся: не вызывает ли опасение такое грубое вторжение в геном человека посторонних лиц? Нет ли здесь большого риска, что сконструированный подобным образом пост-человек полностью утратит свободу как по отношению к своему телу, так и к своей личности?

По нашему мнению, создатель аболиционистского проекта посягает и на радикальное изменение архитектуры предпочтений че-

ловечества и овладение биологией эмоций. «Эволюция, посредством естественного отбора, наделила нас предрасположенностью к образованию различных наборов дисфункциональных предпочтений, которые, ради наших генов, вредят как нам самим, так и окружающим» [9]. Овладение биологией эмоций через выявление их биохимических основ позволит усилить способность человека к сопереживанию и общительности.

Казалось бы, какие многообещающие технические решения предлагает нам Д. Пирс, преследуя благую цель освобождения человечества от страданий! Но какую цену человечеству придется заплатить за это? Что станет собственно с человеком?

Открытие генома человека, основ биологии эмоций, возможность загрузки сознания в компьютер ставят нас перед мучительным вопросом «кто мы есть». «Кто я? Код, который можно сжать до объема одного компакт-диска? Разве мы – «никто и ничто», простая иллюзия самосознания, реальность, состоящая из сложного взаимодействия сети нейрональных и других связей?», – справедливо вопрошает словенский культуролог и социальный философ С. Жижек [11].

Пост-человек вынужден проецировать себя согласно принципу «органопроекции» в машинную среду, которая становится для него средством реализации потребностей. «Но в этом же процессе техногенная среда проецирует себя в психосоматическое существо самого человека, задавая для него программу преобразования для чувственности и рациональной деятельности, приноровленной к действию всевозможных технических устройств» [2, с. 64].

В таком случае у человека будущего, подчиненного технике и обслуживающего ее, появится «технологический геном» в соответствии с которым психические и соматические преобразования пост-человека будут происходить согласно унифицированному машинному стандарту. Впрочем, не отрицая вероятность создания широкого спектра программного реагирования, необходимо учитывать и весь спектр возможных различных последствий и результатов технического воздействия на человека.

Очевидно, что в этом построенном с помощью технических средств обществе всеобщего благоденствия, все у потомков людей будет детерминировано: эмоции, чувства, интеллект. Сверхсчастье и сверхразум будут запрограммированы на генетическом уровне. Такое радикальное изменение человека приведет к появлению биоробота с отлаженным генетическим кодом и искусственно измененными эмоциями, лишённого рефлексии и свободы выбора.

Можно сказать, что реализация аболиционистского проекта, задуманного для освобождения людей от страданий, на самом деле освободит их от человеческой сущности, редуцирует ее к техническим параметрам и характеристикам. Пост-человек действительно станет роботом, что ничуть не лучше, чем быть рабом.

В рассмотренных проектах Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского и Д. Пирса заметна тенденция превращения человека в машину. «Омашинивание» свойственно и современной цивилизации, обезличивающей человека, медленно стирающей его с лица Земли. Как метко заметил Н. Бердяев еще в начале прошлого столетия, – «...все болезни современной цивилизации порождаются несоответствием между душевной организацией человека, унаследованной от других времен, и новой, технической, механической действительностью, от которой он никуда не может уйти. Человеческая душа не может выдержать той скорости, которой от нее требует современная цивилизация. Это требование имеет тенденцию превратить человека в машину» [1, с. 29].

Опасность осуществления проектов преобразования человека состоит в реальном исчезновении человека в его наличном виде. Получается, что будущему люди в их традиционном понимании, с их душевными склонностями, слабостями, рефлексией, свободой выбора и моральными ценностями, не нужны. Предполагается, что все физические потребности людей будут удовлетворены, все дети будут выращены в стерильных психологических и гигиенических условиях, чтобы у каждого было необходимое обществу занятие, с целью заставить всякого напряженно трудиться, а любой несогласный будет подвергнут «обработке». Человеческая жизнь станет

настолько обесцененной и бессмысленной, «что людей придется в биологическом, либо в психологическом отношении проектировать, чтобы или обработкой устранить их потребность во власти, или заставить «засушить» это влечение до некоторого безопасного хобби. Подобные спроектированные люди могут даже испытывать счастье в таком обществе, но, конечно, они будут максимально не-свободны. Фактически, их статус будет уменьшен до домашнего животного» [10].

Мы входим в такой период истории нашей планеты, когда человеческий вид стоит на пороге биологического, генетического, молекулярного и кибернетического производства, что становится угрозой для самого себя и Земли.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-03-00581 «Биоэтика в России: опыт концептуализации и сравнительного анализа».

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники// Путь. 1933. № 38. С. 3–38.
2. Тищенко П.Д. Технологии инженсмента (ЕТ): истолкование смысла // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 19: Биотехнологическое улучшение человека: гуманитарная экспертиза, сб. науч. ст. под ред. Б.Г. Юдина. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2014. С. 147–160.
3. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений в 4-х тт. Т.2. М, 1995. 498 с.
4. Федоров Н.Ф. Философия общего дела. В 2 т. Т.1. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 699 с.
5. Циолковский К.Э. Воля Вселенной. Неизвестные и разумные силы. Калуга, 1928. 23 с.
6. Циолковский К.Э. Космическая философия / Под редакцией академика В.С. Авдуевского. М., 2001. 480 с.
7. Циолковский К.Э. Грезы о земле и небе. Научно-фантастические произведения. Тула, 1986. 447 с.

8. Циолковский К.Э. Растение будущего. Животное космоса. Самозарождение. Калуга, 1929. 32 с.
9. Дэвид Пирс. Доклад Аболиционистский проект, 2007 г. URL: <http://www.abolitionist.com/russian/> (дата обращения 30.11.2016).
10. Билл Джой. Почему будущему не нужны...? URL: <http://alternathistory.com/bill-dzhoi-pochemu-budushchemu-my-ne-nuzhny-perevod-k-gordeeva> (дата обращения 23.11.2016).
11. Славой Жижек. Обойдемся без секса, ведь мы же пост-люди! URL: http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2002_12.htm (дата обращения 25.11.2016).

References

1. Berdjaev N.A. *Put'*. May 1933. №38, pp. 3–38.
2. Tishhenko P.D. *Rabochie tetradi po biojetike. Vypusk 19: Biotehnologicheskoe uluchshenie cheloveka: gumanitarnaja jekspertiza, sb. nauch.* [Workbooks on Bioethics. Issue 19: Biotechnology improving human: human expertise, coll. scientific.] / B.G. Judin (ed.). M.: Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2014, pp. 147–160.
3. Fedorov N.F. *Sobranie sochinenijv* [Works]. V.2. M., 1995. 498 p.
4. Fedorov N.F. *Filosofiya obshchego dela* [Philosophy of the common cause]. V. 1. M.: ООО “Publisher AST”, 2003. 699 p.
5. Ciolkovskij K.Je. *Volja Vselennoj. Neizvestnye i razumnye sily* [Will the universe. Unknown and reasonable force]. Kaluga, 1928. 23 p.
6. Ciolkovskij K.Je. *Kosmicheskaja filosofija* [Space philosophy] / B.C. Avduevsky (ed.). M., 2001. 480 s.
7. Ciolkovskij K.Je. *Grezy o zemle i nebe. Nauchno-fantasticheskie proizvedenija* [Dreams of the earth and the sky]. Tula, 1986. 447 p.
8. Ciolkovskij K.Je. *Rastenije budushhego. Zhivotnoe kosmosa. Samozarozhdenie* [the future plant. Animal cosmos. Spontaneous]. Kaluga, 1929. 32 p.
9. Djevid Pirs. *Doklad Abolicionistskij projekt, 2007* [Report of the abolitionist project, 2007]. <http://www.abolitionist.com/russian/>
10. Bill Dzhoj. *Pochemu budushhemu ne nuzhny...?* []. <http://alternathistory.com/bill-dzhoi-pochemu-budushchemu-my-ne-nuzhny-perevod-k-gordeeva>

11. Slavoj Žižek. *Obojdemlja bez seksa, ved'my zhe post-ljudi!* [Why the future does not need ...?] http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2002_12.htm

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Введенская Елена Валерьевна, доцент кафедры философии, старший преподаватель кафедры биоэтики лечебного факультета, кандидат философских наук
Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова Минздрава России
ул. Островитянова, 1, г. Москва, 117997, Российская Федерация
vvedenskaya.elena@gmail.com

Ляуш Лев Брунович, старший преподаватель кафедры биоэтики лечебного факультета
Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова Минздрава России
ул. Островитянова, 1, г. Москва, 117997, Российская Федерация
lyaush-lev@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vvedenskaya Elena Valerievna, Assistant Professor, Department of Philosophy, Senior Lecturer, Department of Bioethics of the medical faculty, Ph.D. in Philosophy
Pirogov Russian National Research Medical University (RNRMU)
Ostrovityanov Str., 1, Moscow, 117997, Russian Federation
vvedenskaya.elena@gmail.com

Lyaush Lev Brunovich, Senior Lecturer, Department of Bioethics of the Medical Faculty
Pirogov Russian National Research Medical University (RNRMU)
Ostrovityanov Str., 1, Moscow, 117997, Russian Federation
lyaush-lev@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-51-62

УДК 130.2:2

СПЕЦИФИКА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX СТОЛЕТИЯ

Вознякевич Е.Е.

Цель. Целью статьи является выявление базовых компонентов представлений о специфике профессиональной деятельности ученого с точки зрения отечественной философской традиции.

Результаты. Проанализированы работы влиятельных отечественных философов XIX – начала XX века. Делается вывод о том, что процесс научного познания предполагает добровольное ограничение познавательных возможностей человека. Как следствие, научное знание не обладает эпистемологическим приоритетом.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы для объяснения отечественной традиции взаимодействия научного сообщества и других социальных групп.

Ключевые слова: русская философия; ученый; научное знание.

SPECIFICS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN PROFESSIONAL ACTIVITY OF SCIENTIST IN RUSSIAN PHILOSOPHY OF XIX CENTURY

Vozniakovich E.E.

Purpose. The aim of the article is to identify the basic components of representations of the specifics of the professional activity of the scientist from the perspective of Russian philosophical tradition.

Results. The works of influential domestic philosophers XIX – early XX century was analyzed. The conclusion is that the process of scien-

tific knowledge involves the voluntary limitation of human cognitive capabilities. As a consequence, scientific knowledge does not have the epistemological priority.

Practical implications. *The results can be used for explanation of the domestic tradition of interaction of the scientific community and other social groups.*

Keywords: *Russian philosophy; scientist; scientific knowledge.*

Попытки осмысления места и роли ученого в интеллектуальной жизни общества начинаются в России довольно рано. Уже в XIX веке возникает вопрос о том, кого следует называть ученым. Пожалуй, можно согласиться с теми специалистами [2, 8], которые считают, что наиболее известной концептуальной схемой становится та, которая была разработана А.И. Герценом в его статье «О дилетантизме в науке». Он вводит четкое разделение ученых, дилетантов в науке и людей дела. Каждый из них, так или иначе, связан с научным знанием. Просвещенческий пафос, разделяемый А.И. Герценом, находит свое отражение в восторженном отзыве о возможностях науки, которая имеет все средства для изменения мира к лучшему. Но, парадоксальным образом, ученый оказывается выключенным из социальной жизни. Они увлечены поиском истины больше, чем реальным преобразованием жизни. Высокое доверие к научному знанию сопровождается недоверием к ученому. «Люди отворачиваются от науки, так, как ученые от людей» [5, с. 46]. Дилетанты же склонны искать в научных теориях ответы на все вопросы, но не понимают сущности научного поиска, принимая научное знание как догмат. Такое отношение, как пишет А.И. Герцен, убивает мысль. Есть и третья категория, которую он называет людьми дела. Их главной отличительной чертой оказывается наличие образования, дающего им возможность сформировать цельное мировоззрение. Именно они, в отличие от дилетантов, владеют знанием, а владея знанием, в отличие от ученых, действуют. Одной из важных черт ученого А.И. Герцен считает его узкую специализацию. «Ученые разобрали по ключ-

ку поле науки и рассыпались по нем; ... они утратили широкий взгляд и сделались ремесленниками, оставаясь при мысли, что они пророки. На их поте, на их утомительном труде целых поколений возросла истинная наука – и работники, как всегда бывает, всего менее воспользовались результатом своего труда» [5, с. 50]. Как видим, с одной стороны, специализированное знание лишает ученого возможности это знание применить, поскольку его главной целью является не преобразование мира, а поиск истины, с другой – такое положение вынуждает ученых замыкаться в своем профессиональном сообществе. А.И. Герцен называет научное сообщество «кастой», подчеркивая восприятие данной профессиональной группы общественным сознанием. Их знание не доступно большинству, в силу этого выступает как сакральное. Хуже всего, что и само сообщество отчасти воспринимает его именно так. «Никак не можно думать, чтоб специально ученый имел большие права на истину; он имеет только большие притязания на нее. ... цеховой ученый вне своего предмета за что ни примется, примется левой рукой. Он не нужен во всяком живом вопросе. Он всех менее подозревает великую важность науки; он ее не знает из-за своего частного предмета, он свой предмет считает наукой» [5, с. 54].

Таким образом, кастовый характер существования научного сообщества обусловлен спецификой производимого им знания, но, в то же время, воспроизводится самими учеными (подробнее об этом см.: [4]). Данное обстоятельство создает условия для развития такого явления как дилетантизм. В этом смысле, ученый рассматривается А.И. Герценым как, своего рода, ущербный социальный субъект, не обладающий полнотой собственно человеческого бытия. Такая ущербность определяется не свойствами субъекта, а характером научного знания, производством которого занят исследователь. Здесь Герцен следует в русле уже более или менее оформившейся установки. Такую же ущербность научного разума подчеркивает и П.Я. Чаадаев, который во многом определяет основной вектор рефлексивного отношения

русской философской мысли к науке. В «Философических письмах» он пишет: «... человеческий разум не достигает самых положительных своих знаний чисто внутренней своею силой, а направляется непременно извне. Следовательно, настоящая основа нашей умственной мощи в сущности не что иное, как своего рода *логическое самоотречение*, однородное с самоотречением нравственным и вытекающее из того же закона» [14, с. 71–72]. Как видно из приведенной выше цитаты, П.Я. Чаадаев рассматривает деятельность ученого как благородную, но ущербную. Но в отличие от А.И. Герцена, эту неполноценность знаний ученого он объясняет скорее в духе Ф. Шеллинга. Дело в том, что эти знания обусловлены факторами, внешними по отношению к человеческому сознанию. Не будучи осмысленными в более широком мировоззренческом контексте, знания, добываемые наукой, имеют предел и сами ограничивают свободу человека, его творческий потенциал. Оставаясь в рамках познавательных практик, развитых наукой, мы ограничиваем себя как человеческое существо, становимся не вполне людьми. «Как видите, все положительное в науках, называемых точными, исходит из того, что они занимаются *количествами*; иными словами, предметами ограниченными. Естественно, что ум, имея возможность полностью объять эти предметы, достиг в познании их высочайшей достоверности, ему доступной. Но вы видите также и то, как ни значительно прямое наше участие в создании этих истин, мы их все же не из себя извлекаем. Первые идеи, из которых истекают эти истины, даны нам извне» [14, с. 84]. П.Я. Чаадаев, таким образом, указывает на зависимость ученого в своем научном поиске, на обусловленность его знания тем, что является внешним по отношению к нему. Доступная уму ученого достоверность отличается от истинности, поскольку сама специфика познавательных процедур, используемых ученым, делает неизбежным признание границ. Границы эти являются, согласно П.Я. Чаадаеву, не результатом методологического ограничения, носящего условный характер, а заданы как объективно непреодолимые. Но они, в то же время, не

обладают онтологическим статусом. Ум ученого, дойдя до этих границ, не достигает полноты знания. П.Я. Чаадаев не указывает прямо на источник такой ограниченности, но приводимое им описание способов функционирования подобных границ дает основание предположить, что само речь идет о конвенциональных границах, которые произвольно устанавливаются познающим разумом. Но они, как отмечают многие авторы [9; 16], не подчинены индивидуальной воле познающего субъекта, который, в свою очередь, воспринимает их как принудительные. Занимая позицию ученого, познающий субъект принимает те ограничения, которые исторически сложились в рамках научного сообщества на данном этапе развития науки. Таким образом, ученый, в силу того, что имеет дело с предпосылочным знанием, обречен иметь дело не с истиной, а лишь с доступной для него степенью достоверности.

Схожую позицию занимают и многие славянофилы. Например, И.В. Киреевский утверждает, что результаты труда ученого могут быть приняты как общезначимые только после прохождения ими процедуры философского осмысления. «Каждое явление в общественной жизни и каждое открытие в науках ложится в уме человека далее пределов своей видимой сферы и, связываясь с вопросами общечеловеческими, принимает рационально-философское значение» [6, с. 315]. В этом смысле, ученый, занятый только поиском научных истин, не достигает полноты мысли. Но И.В. Киреевский идет дальше, чем П.Я. Чаадаев и А.И. Герцен, указывая на то, что такая неполнота лишает смысла умственную деятельность как таковую. Точно так же, как религиозные размышления не могут вести нас к постижению истины без целостного осмысления мира. И науку, и религию мыслитель рассматривает как крайности, которые могут обрести свое единство только в рациональной философии. Именно в ней они получают свою цельность, завершенность, смысл. «Ибо развитие мышления, дающее тот или другой смысл всей умственной жизни, или, лучше сказать, развитие философии, условливается соединени-

ем двух противоположных концов человеческой мысли: того, где она сопрягается с высшими вопросами веры, и того, где она прикасается развитию наук и внешней образованности» [6, с. 345].

Так же, как и А.И. Герцен, И.В. Киреевский обвиняет ученых в том, что их оторванность от цельного знания, его односторонность, ведет к тому, что научное знание становится для широких масс людей догмой, предметом веры. Более того, подменяя собой религию, научное знание лишает человека шанса достичь цельности, осмысленности своей познавательной, и, шире, мыслительной деятельности. Ученые, по его мнению, должны быть более других заинтересованы в поиске философского осмысления собственных результатов. Обращение ученого к философии является, в некотором смысле, его моральным и профессиональным долгом. «... что нынче вывод кабинетного мышления, то завтра будет убеждением масс; ибо для человека, оторванного от всех других верований, кроме веры в рациональную науку, и не признающего другого источника истины, кроме выводов собственного разума, судьба философии делается судьбой всей умственной жизни. В ней не только сходятся все науки и все житейские отношения, и связываются в один узел общего сознания; но из этого узла, из этого общего сознания, снова исходят правительственные нити во все науки и во все житейские отношения, дают им смысл и связь, и образуют их по своему направлению» [7, с. 72]. Выходом из такой односторонности должна стать связь между универсализмом науки и подлинно народным духом. Как отмечает Ю.Ф. Самарин: «Мы приходим к убеждению, что именно народность мысли, определяя как бы специальное ее назначение в области науки, наводит ее на пути к открытиям, постепенно раздвигающим пределы общечеловеческого знания» [10, с. 406].

Подчеркивает неполноту научного знания и Вл. Соловьев. Но, в то время как И.В. Киреевский принимает стремление к постижению истины в качестве подлинного мотива деятельности ученого, Вл. Соловьев ставит под сомнение декларируемую цель научного исследования. В этом смысле, в отличие от И.В. Киреевского,

который предлагает ученому дополнительный инструмент для достижения его собственных профессиональных целей, Вл. Соловьев указывает на то, что сам характер профессиональной деятельности ученого не предполагает его самостоятельности в постановке таких целей. Условно говоря, ученый всегда имеет дело с предпосылочным знанием, что делает его несвободным в поиске истины. Ученый – человек, который добровольно ставит предел своему мышлению. «Наука имеет дело с веществами и силами, но что такое в сущности вещество и сила – этот вопрос не входит в ее задачу, и если ученый услышит от метафизика, что вещество в сущности есть представление, а сила в сущности есть воля, то он, в качестве ученого, не может ничего сказать ни за ни против этого утверждения» [11, с. 53].

Попытка разобраться с целью и смыслом деятельности ученого предпринимает и П.А. Флоренским. Принимая во внимание формирующуюся от П.Я. Чаадаева традицию рассмотрения научного знания как в чем-то ущербного, П.А. Флоренский признает, что в этом случае речь не может идти о поиске истины. Такое позиционирование учеными своей деятельности оказывается некоторой формой лукавства или заблуждения. Если это заблуждение воспроизводится самими учеными, не только в силу теоретических и эпистемологических, но и социальных мотивов, то наука утрачивает саму себя, начинает подменять религию. Но такая подмена сама по себе разрушительна, поскольку ученый не способен сделать то, что должен делать священник. Каждый из них имеет свои задачи, владеет инструментарием для достижения собственных целей, которые не являются взаимоисключающими. С целью сохранения возможности движения к истине необходимо разобраться с подлинными функциями науки. П.А. Флоренский внимательно анализирует, что именно делают люди, за которыми закрепился статус ученых. Он приходит к выводу, что деятельность исследователя может быть описана как работа по формированию специфического языка описания мира. Именно описание действительности есть подлинная цель науки. Ученый

не открывает тайн природы, а создает язык, позволяющий эти тайны выразить, сделать явными. «Но всегда останется общее основаноначало всех наук – именно то, неотделимое от существа их, что все они суть описания действительности. А это значит: все они суть язык и только язык» [12, с. 62]. Схожие идеи разделяют и такие, казалось бы разные, авторы, как С.Л. Франк [13, с. 145–156] и Б.Н. Чичерин [15, с. 26–39].

Интересно, что даже такие сторонники естественных наук, как В.И. Вернадский, утверждают некоторую несамостоятельность научного поиска, зависимость ученого. «Наука и научная работа отнюдь не являются, взятые в целом, результатом *только* работы отдельных ученых, их сознательного искания научной истины» [3, с. 47]. В.И. Вернадский подчеркивает, что ученый не является единственным создателем научного знания. Он живет среди людей, которые, не будучи вовлечены в сам процесс исследования, тем не менее являются не менее важным источником новых, собственно научных знаний. Ученый не свободен и зависим в своей деятельности. С одной стороны он ограничен собственным предметом познания, с другой – своей социальной средой. Такая ограниченность его способности к индивидуальному самовыражению через творчество не лишает его если не человеческой сущности, то чего-то важного, связанного с индивидуальностью, с его самостью. Профессия ученого жертвенна, но отчасти бесчеловечна. Как отмечает Бердяев, речь не идет о том, что ученый лишен свободы, скорее следует различать степени свободы. «Активный характер научного познания объективированного природного мира выражается прежде всего в практическом, техническом воздействии на природу. Но в ученом, делающем открытие, неизбежно действует свобода. Дух организует материю, и по нисходящим ступеням от духа к материи происходит ущербление его свободы. Поэтому нужно говорить о разных ступенях свободы, о метаморфозах самой свободы. То, что на высших ступенях есть творческое вдохновение, само себя оправдывающее, на низших ступенях, более близких к материи, есть труд» [1, с. 262].

Таким образом, как мы видим, на протяжении XIX века в русской общественной мысли формируется довольно специфический образ ученого. Пожалуй, самым существенным в нем является некоторое заблуждение по поводу подлинных целей собственной деятельности. Декларируя в качестве содержания собственной деятельности поиск истины, ученый игнорирует свою неспособность ее достигнуть. Такой образ действия способен породить подозрение в своеобразной корысти, стремлении монополизировать истину сохранить свой статус избранности. Но эти же авторы отменяют это подозрение, подчеркивая общественную полезность производимого учеными знания, а так же благородство ученого, добровольно жертвующего творческой свободой во имя решения стоящих перед ним задач. Такое самоограничение Н.А. Бердяев именуется трудом, более низкой степенью свободы. Но отказ от собственной свободы происходит во имя общества. В этом смысле ученый – особый персонаж, который будучи достоин уважения и признания, тем не менее, рассматривается как ущербный субъект, неспособный к полной реализации себя в своем деле. Такое амбивалентное отношение к фигуре ученого, формировавшееся в отечественной философии может служить признаком специфической иерархии познавательных практик, которая присутствует в отечественной философской традиции.

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ 16-13-40003 а(р).

Список литературы

1. Бердяев Н. Дух и реальность: Основы богочеловеческой духовности. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Хранитель, 2007. 381 с.
2. Бурова М.Л. Образы науки в русской философии XIX–XX веков: текст лекций. Санкт-Петербург: ГУАП, 2013. 53 с.
3. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.

4. Вознякевич Е.Е. Герцен о социальной функции науки: от науки к образованию // Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России: материалы Международной научной конференции к 200-летию А.И. Герцена (20–21 июня 2012 г.). Москва: Канон+, 2013. С. 362–370.
5. Герцен А.И. Дилетантизм в науке // Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 3. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 5–88.
6. Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 293–332.
7. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2006. 112 с.
8. Мамчур Е.А. А.И. Герцен о философии, науке и реализме // Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России: материалы Международной научной конференции к 200-летию А.И. Герцена (20–21 июня 2012 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т философии; [ред.-сост.: А.Ф. Яковлева, В.Л. Шарова]. Москва: Канон+, 2013. С. 380–386.
9. Нугаев Р.М. Смена развитых научных теорий: ценностные измерения // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 124–135.
10. Самарин Ю.Ф. Два слова о народности в науке // Самарин Ю.Ф. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 399–408.
11. Соловьёв Вл.С. Чтения о богочеловечестве Статьи; Стихотворения и поэма; Из «Трех разговоров...»: Краткая повесть об Антихристе. СПб.: «Худож. Лит.», 1994. 528 с.
12. Флоренский П.А. У водоразделов мысли: т. 2. М.: Правда, 1990. 448 с.
13. Франк С. Религия и Наука в современном сознании // Путь. 1926. № 4. С. 145–156.
14. Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. 623 с.
15. Чичерин Б.Н. Наука и религия. М.: Республика, 1999. 495 с.
16. Hedley D. Coleridge, philosophy and religion. Aids to Reflection and the Mirror of the Spirit. Cambridge: University Press, 2000. 328 p.

References

1. Berdyaev N. *Dukh i real'nost': Osnovy bogochelovecheskoy dukhovnosti. Ya i mir ob'ektov: Opyt filosofii odinochestva i obshcheniya* [Spirit and Reality: The Basics of the divine-human spirituality. I and the world of objects: Experience the philosophy of solitude and communion]. Moscow.: AST : AST MOSKVA: Khranitel', 2007. 381 p.
2. Burova M.L. *Obrazy nauki v russkoy filosofii XIX–XX vekov: tekst lekt-siy* [Images of science in the Russian philosophy of XIX–XX centuries: the text of the lectures]. St. Petersburg: GUAP, 2013. 53 p.
3. Vernadskiy V.I. *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow: Nauka, 1991. 271 p.
4. Voznyakevich E.E. *Aleksandr Ivanovich Gertsen i istoricheskie sud'by Rossii: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii k 200-letiyu A.I. Gertsena (20–21 iyunya 2012 g.)* [Alexander Herzen and the historical fate of Russia: Materials of the International Scientific Conference on the 200th anniversary of A.I. Herzen (June 20–21, 2012)]. Moscow: Kanon+, 2013, pp. 362–370.
5. Gertsen A.I. *Sobranie sochineniy*. V 30 t. T. 3 [Collected Papers. The 30 V. V. 3]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1956, pp. 5–88.
6. Kireevskiy I.V. *Kritika i estetika* [Criticism and Aesthetics]. Moscow: Iskustvo, 1979, pp. 293–332.
7. Kireevskiy I.V. *O kharaktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii* [The nature of Europe's education and its relation to the Russian education]. St. Petersburg: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii, 2006. 112 p.
8. Mamchur E.A. *Aleksandr Ivanovich Gertsen i istoricheskie sud'by Rossii: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii k 200-letiyu A.I. Gertsena (20–21 iyunya 2012 g.)* [Alexander Herzen and the historical fate of Russia: Materials of the International Scientific Conference on the 200th anniversary of A.I. Herzen (June 20–21, 2012)]. Moscow: Kanon+, 2013, pp. 380–386.
9. Nugaev P.M. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy]. 2002. № 11, pp. 124–135.

10. Samarin Yu.F. *Izbrannye trudy* [Selected papers]. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 399–408.
11. Solov'ev V.I. *Chteniya o bogochelovechestve Stat'i; Stikhotvoreniya i poema; Iz «Treh razgovorov...»: Kratkaya povest' ob Antikhriste* [Reading about God-manhood Article; Poetry and poems; From «Three Conversations ...»: A brief story about the Antichrist.]. St. Petersburg: Khudozh. Lit., 1994. 528 p.
12. Florenskiy P.A. *U vodorazdelov mysli: V. 2.* [At the watershed of thought]. Moscow: Pravda, 1990. 448 p.
13. Frank S. *Put'* [Way]. 1926. № 4, pp. 145–156.
14. Chaadaev P.Ya. *Stat'i i pis'ma* [Articles and letters]. Moscow: Sovremennik, 1989. 623 p.
15. Chicherin B.N. *Nauka i religiya* [Science and Religion]. Moscow: Respublika, 1999. 495 p.
16. Hedley D. Coleridge, philosophy and religion. *Aids to Reflection and the Mirror of the Spirit.* Cambridge: University Press, 2000. 328 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Вознякевич Екатерина Евгеньевна, доцент, к.ф.н

Обнинский институт атомной энергетики – филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

*Каширское шоссе, 31, г. Москва, 115409, Российская Федерация
rinav@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Vozniakevich Ekaterina Eugenievna, Senior Lecture, PhD

*Obninsk Institute for Nuclear Power Engineering
31, Kashirskoe shosser, Moscow, 115409, Russian Federation
rinav@mail.ru*

SPIN-code: 4865-8802

ORCID: 0000-0001-6595-0769

ResearcherID: H-8928-2016

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-63-79

УДК 94(47)+167.5

«РУССКАЯ ИДЕЯ» И. ИЛЬИНА КАК УТОПИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Митина Н.Г.

Цель. Статья посвящена социокультурному проекту И. Ильина «Русская идея». Поскольку социокультурная действительность в каждый конкретный исторический период представляет собой уже сложившуюся и достаточно устойчивую структуру, возникшую в результате развития общества в ходе исторического процесса, а утопия рассматривается в предлагаемой статье в качестве явления социокультурной действительности, включающего в себя характерные черты той цивилизации, на базе которой она формируется, представляется возможным выявить специфику проекта – духовность.

Метод или методология проведения работы. Методологическую основу исследования составляет феноменологическая концепция «жизненного мира».

Результаты. В статье обоснована мысль о том, что «Русская идея» выступает в качестве тематического ядра утопии И. Ильина. Определено, что особенности социокультурной действительности связывают проект философа с русской классической утопией XIX в. Проект строится на духовной основе и является метафизическим.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере социокультурного проектирования и философского прогнозирования.

Ключевые слова: проект; русская идея; духовность; «жизненный мир»; христианская культура.

“RUSSIAN IDEA” I. ILYIN AS UTOPIAN PROJECT

Mitina N.G.

Purpose. The article is devoted to the socio-cultural project of Ilyin «Russian idea». The article explores the phenomenon of the proletariat,

which acts as a social body of utopian projects of Marxism. Because the socio-cultural reality in any given historical period is already established and sufficiently stable structure that has arisen as a result of the development of society in the course of the historical process, and the utopia considered in the present paper as a phenomenon of socio-cultural reality, including the characteristic features of the civilization on the basis of which it is formed, it is obviously possible to reveal specifics of the project – spirituality.

Methodology. *The methodological basis of the study is a phenomenological concept of “life-world”.*

Results. *The article substantiates the idea that the “Russian idea” acts as a thematic kernel of a utopia I. Ilyin. It has been determined that the particular socio-cultural reality of the philosopher associated with the project of Russian classical utopia of the XIX century. The project is based on a spiritual basis and is metaphysical.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the sphere of socio-political planning and forecasting.*

Keywords: *project; russian idea; spirituality; «life-world»; christian culture.*

Утопия занимает важное место в русской философии как один из способов тематизации «жизненного мира», образный, эмоционально-чувственный и символический способ его означивания. Источником утопии является мир повседневности, т.е. дорефлексивный опыт мирозерцания, чувств, переживаний людей, реальность, интерпретируемая людьми. Специфические черты русской культуры (религиозность, эсхатологизм, мессианство, стремление к социальной справедливости, правдоискательство, общинность, соборность, вера в чудо, опора на сон как повествовательный прием и др.) наложили отпечаток на особенности утопии и позволяют нам определить утопию как культурную форму, как продукт «жизненного мира» человека, в том числе русского «жизненного мира».

Важным аспектом русской утопии является ее религиозность и нравственная сущность. Данная черта отличает русскую философию

фию от западной, имеющей рациональный характер. Эта черта коренится в особенностях русского самосознания, в приоритете духа над формой. Утопия, таким образом, выражает христианский идеал Царства Божьего, но как земного, созидаемого людьми без Бога, где реализуется ответственность человека за историю; вера в свою провиденциальную миссию: указать людям путь правильного жизнеустройства, спасти человечество. Для русской утопии – цель заключается в преобразении общества в соответствии с законами социальной правды, заключающейся в единстве истины и справедливости [24, с. 49–63]. Выделенная специфика русской утопии позволяет определить концепцию И. Ильина как утопический проект. Проект будущей России И.А. Ильина вобрал в себя специфику русского «жизненного мира», философ формулирует его как «Русская идея» или «Творческая идея России».

Можно выделить несколько утопических проектов рассматриваемого периода, связанных единством «жизненного мира» с утопией И. Ильина. Это проекты Н. Бердяева, С. Франка и Дм. Мережковского. Н. Бердяев выстраивает свою концепцию в пределах религиозного осмысления вопросов пола. Смысловым ядром утопии является тематизация «жизненного мира» через телесность – андрогинный Эрос. Это попытка создания нового общества через духовное преобразование человека. Концепция всеединства, предложенная С. Франком, представляет собой утопический проект, направленный на гармоничное развитие человечества по пути к будущему всеединству Богочеловечеству. Системообразующим фактором «жизненного мира» в утопии философа является идея всеединства. «Мы-философия» становится космическим началом человеческого бытия, с помощью которого появляется возможность совершенствования мира. Утопия Дм. Мережковского так же значительное внимание уделяет духовному совершенствованию. Ядром тематизации «жизненного мира» в проекте выступает имперскость – Третье Царство, объединенное человечество. Главная цель утопии – достижение Царства Божьего [23, 24]. Таким образом, данные утопические проекты предполагают перестрой-

ку «жизненного мира» с помощью духовного преобразования, что связывает их с рассматриваемым проектом. Обратимся к концепции И. Ильина.

Для определения будущего России И.А. Ильин останавливается на характеристике российской цивилизации, особенностях ее исторического пути, выделяя причины этих особенностей: своеобразие дано свыше от Провидения, оно происходит от славянской крови и души, обусловлено спецификой исторического пути и православной верой [3, с. 399–405; 6; 8]. Дальнейшая судьба России, ее призвание, национальная идея, культура, приходит к заключению философ, определяются следующей целью: «создать *новую восточнохристианскую культуру, новую русско-национальную творческую идею и новое русско-национальное самосознание*» [3, с. 406–409]. На пути решения цели стоят две задачи: воспитание «творчески христианского характера и правосознания» и создание новой «христиански-иоанновской» светской культуры [3, с. 410].

Философ подчеркивает, что России необходима «ответственная идея», которая должна определить главное в русских, и формулирует ее следующим образом: «идея воспитания в русском народе национального духовного характера». В этом заключается творческая идея нашего будущего, заключает И.А. Ильин [5, с. 457–485]. Новая идея, способная создать новую будущую Россию, должна быть «**религиозная** по истоку и **национальная** по духовному смыслу». Она способна определить отбор новой русской элиты – новой русской национальной интеллигенции, которая должна будет укрепить авторитет государственной власти [17]. Люди «**высокой духовной силы**», как называет их И.А. Ильин, «люди **первого ранга**», требуются для подготовки будущей России, чтобы в будущем государство имело «**аристократическую**» (в духовном смысле) природу [14, с. 405–406]. Таким образом, в основе проекта будущей России лежит идея создания высокодуховной цивилизации на основе христианских ценностей и национальных традиций.

По мнению В.И. Копалова, концепция творческой идеи и русской культуры И.А. Ильина стала «итогом его историософских исканий» и прослеживается во всех сочинениях философа, а концептуально оформилась в работе «Сущность и своеобразие русской культуры» [18, с. 15–16]. В данной работе философ останавливается на процессе формирования российской цивилизации, выделяет ее особенности и обосновывает ценностные характеристики русской культуры, отмечая: «Сердечна работа, сострадание, дух самопожертвования и определенное стремление к совершенству играют здесь решающую роль» [8, с. 402].

Стремление к совершенству подкрепляется воображением и художественной фантазией, свойственными русскому «*созерцанию*», указывает философ, подчеркивая, что русская культура построена не только на чувстве, сердце, свободе, но и на созерцании, более того, из любви и созерцания возникает «*воля к совершенству*» [8, с. 405–411, 419]. Данное стремление к совершенству мы можем рассматривать и применительно к проектам нового общества, что еще раз подчеркивает наличие в глубинах русской культуры тенденций к созданию будущего лучшего общества, то есть утопий. На эти особенности указывают Н. Бердяев, С. Франк, Н.О. Лосский, В.Н. Муравьев и другие философы, что свидетельствует о свойственной русской ментальности утопичности. Следовательно, утопия, как продукт нашей повседневной жизни, включает в себя особенности культурных и социальных отношений конкретной человеческой общности [23, с. 31–32; 24, с. 49–63].

Творческая идея, определенная И.А. Ильиным как «Русская идея», дала название его социальному проекту. Концепция изложена в трудах «Путь духовного обновления» и в двухтомнике «Наши задачи» [4; 12; 13], написанных в эмиграции. В работе «О Русской идее» он формулирует основные положения своей утопии. Философ подчеркивает, что творческая идея может быть только национальной, так как выражает особенности национальной общности, отсюда и название «Русская идея». Исходя из специфики России, идея формулирует то, что «русскому народу **уже прису-**

ще» и определяет «нашу историческую задачу и наш духовный путь» [15, с. 312].

«Русская идея» есть «идея свободно созерцающего сердца», созерцания свободного и предметного. «Русская идея», указывает И.А. Ильин, это – **«свободно и предметно созерцающая любовь и определяющаяся этим жизнь и культура»**. Задача заключается в том, чтобы сформировать **«свою особую, новую русскую культуру воли, мысли и организации»** из свободного сердечного созерцания [15, с. 313–317]. Л.К. Круглова пришла к выводу, что триединая формула основ культуры, предложенная философом (свобода, любовь, предметность), имеет глубокий внутренний смысл: любовь – энергетический потенциал человеческой деятельности (культуры), свобода – необходимое условие реализации энергетического потенциала, предметность – определяет направленность энергетических потоков. Следовательно, заключает она, русская культура имеет очень высокий энергетический потенциал, который может быть реализован только при правильном выборе цели – предмета любви, в условиях свободы [20]. Концепция И.А. Ильина, таким образом, строится на системообразующих ценностях, определенных философом.

И.А. Ильин неоднократно подчеркивает, что Россия идет своим особым путем и решает свои специфические задачи: необходимо **«выращивать вторичные силы русской культуры (волю, мысль, форму и организацию) из ее первичных сил (из сердца, из созерцания, из свободы и совести)»**. Разделение их на первичные (определяют и ведут) и вторичные (исходят из первичных), по его мнению, необходимо для успешного достижения цели и определяет самобытность русской культуры [15, с. 318–319]. Свободная христианизация всей культуры посредством свободного созерцания сердцем – в этом и заключается творческая идея для философа [8, с. 617]. Обновление России, подчеркивает И.А. Ильин, произойдет духом сердечного созерцания и предметной свободы, заложенных христианством, «Русская идея» – это **«идея православного христианства»**. Философ неоднократно подчеркивает,

что «Русская идея» (творческая идея) не является выдумкой, это тенденция, заложенная в духовных истоках русской цивилизации, в структуре творческого акта [15, с. 321; 11, с. 2]. Следовательно, в основе предлагаемого проекта «Русская идея» находятся специфические особенности России, базирующиеся на духовности.

Как уже отмечалось, И.А. Ильин строит свой проект будущей России на основе христианских ценностей и национальных традиций, он подчеркивает, что России необходимо покаяние и очищение, чтобы восстановить **«живую христианскую совесть»** [16, с. 397]. На христианских ценностях автор строит и творческую идею России, сформулированную им как **«свободную христианизацию всей культуры»**: **«русский народ должен воспитывать свой национальный характер на основе свободного созерцания сердцем и созерцания совестью»**. На этом духовном уровне реально начинается Божие царство и человек участвует в его создании, философ подчеркивает, что **«Святая Русь»** реальна, «эта святая народная энтелехия, реальнейшая в народном бытии, задающая ему смысл, руководящая им, влекущая, вдохновляющая» [11, с. 2]. Как отмечает Ю.Т. Лисица, эта идея реальна и является имманентной первоосновой русского бытия [22, с. 5]. Эта идея «Святой Руси» легла в основу проекта И.А. Ильина.

Он определяет **«Царство Божие»** как ткань особого измерения – **«живая божественная ткань, к которой человек должен прилепиться душой и телом»**, **«целостный духовный мир»**. Объединенные в нем молитвой, словом и делом христиане, трудятся «в духе Христа ради преображения человека и природы». Это мировоззрение является основой русского православного воззрения, **«настоящей народной верой»**, проявляющейся во всех областях русской культуры, указывает философ [8, с. 464–465].

В концепции И.А. Ильина выделены два жизненных пути, два противоположных мирозозерцания, в которых возможна реализация творческой идеи: **«мироотвержение и мировосприятие»**. Первый путь отрицает возможность для человека творчества и заключается в **«медленном самоумерщвлении»**, а второй – как раз

и предполагает научиться «жить на земле в лучах Царствия Божия», совершать «творческое делание в этом мире». Второй путь – «прियाсть мир вследствие приятия Христа», построить на этом христианскую культуру, в этом заключается идея «православного христианства» [9, с. 500–510]. Однако Церковь в этом процессе не принимает непосредственного участия, поскольку «земная культура творится не государством и не Церковью, а народом», подчеркивает философ. Церковь остается «творческой хранительницей, живым и авторитетным источником того *христианского духа*, из которого народ только и может создавать христианскую культуру на земле» [9, с. 510–517]. Духовная однородность приводит к национальному единению людей, что свидетельствует о том, что «христианская культура осуществима на земле именно как национальная культура». Как указывает философ: «Тот духовный акт, которым народ творит свою культуру, есть акт *национальный...*» [9, с. 517–524]. А.М. Шарипов подчеркивает, что у И.А. Ильина существует неразрывная духовно-душевно-материальная творческая связка культуры и нации в историческом процессе [26, с. 4]. Таким образом, культура является важным компонентом творческой идеи.

Культура связана с творчеством и творческой идеей, ей отводится особое значение в концепции философа. Исходя из творческой идеи, И.А. Ильин определяет религиозность «*живой первоосновой культуры*» [10, с. 298–301; 8, с. 467–469]. Человек будущей культуры должен восстановить в себе «*подлинную религиозность*», ему необходимо обеспечить себе доступ к «*первоначальным основам духа и жизни*». В творчестве человек восходит к Богу, воспроизводя Божию идею. «Новое искусство» станет результатом духовного обновления и принесет «*новые духовные содержания*», новые «*предметно-оригинальные*» формы. Россия, отмечает философ, уже идет по этому пути и здесь важна роль художника, который «*отправляет духовное служение*» [10, с. 341, 354–357].

В произведении искусства И.А. Ильин выделяет три слоя, которые раскрываются «*от поверхности в глубину*»: внешний слой –

«эстетическая материя», второй – *«эстетический образ»*, высший, глубочайший слой – *«главная идея»*, ему подчинены два верхних, не являющимися самостоятельными. Третий слой составляет ядро произведения, *«идея»* постигается *«иррациональным сердце-созерцанием»*. Философ называет ее *«духовным цветком»*, это есть *«духовный «первообраз», «живой способ бытия»*. Эта *«идея»* составляет смысл настоящего искусства, которое должно нести людям *«истинный аромат духа»*. *«Идея»* выступает *«критерием художественности»*, то есть определяет подлинное совершенное произведение искусства. В будущем, отмечает И.А. Ильин, русский народ сможет вернуться на этот духовный путь и сможет создавать новое искусство. Философ подчеркивает: *«Современный человек должен увидеть и убедиться, что его судьба зависит от того, что он сам излучает в мир, и притом во всех сферах жизни... Человеческая культура может быть обновлена только живым, излучающим сердцем, ибо только в нем зарождаются новые творческие идеи, только ему дается очевидность»* [10, с. 354–368, 475].

В работе *«Основы христианской культуры»* И.А. Ильин выделяет духовные истоки культуры: *«культура начинается там, где духовное содержание ищет себе верную и совершенную форму»*. Анализируя кризисные явления культуры, он приходит к выводу о взаимосвязи культуры и христианства, подчеркивая, что историю христианства можно рассматривать как *«единый и великий поиск христианской культуры»* [9, с. 482–492]. Философ выделяет *«путеводную идею»* русской культуры: *«единство через множество и своеобразие, невзирая на единство; ценность малого в большом, самопожертвование личным ради общего и свободное созерцание сердцем как мерило-ориентир и направляющий источник культуры»*. Оставаясь творчески свободной и секуляризованной, культура по содержанию остается *«христиански-истинной»* [8, с. 569, 618]. Для И.А. Ильина, отмечает Ю.Т. Лисица, полнота (*«плэрома»*), цельность культуры, человека, народа, страны и державы, это неразрывная связь религии, нравственности, правосознания, искусства, науки [22, с. 9].

В характеристике культуры философ останавливается на сравнении культуры и цивилизации, указывая на духовные основы культуры, захватывающей глубины человеческой души, в отличие от цивилизации, не требующей полноты душевного участия, противопоставляя эти явления как внутреннее (культура) и внешнее (цивилизация), как духовное и механистичное [9, с. 492–493; 8, с. 590]. Данная оценка соответствует русской философской традиции, что ярко представлено в концепции Н. Бердяева [1; 2]. Бердяев различает основы цивилизации и культуры, отмечая: если культура имеет духовную основу, то цивилизация – машинную. Данное различие свидетельствует о связи между особенностями культуры и особенностями утопии (сакральность, вера в чудо, стремление к вечности, обращенность в будущее). Утопия как культурная форма, как одна из форм рационализации, является продуктом «жизненного мира» человека, соединяет в себе социум и культуру и выступает как социокультурный феномен [23, с. 31–42; 24, с. 24–101]. Следовательно, И.А. Ильин рассматривает культуру как ценностно-смысловой мир человека. Но философ не отрицает и достижений цивилизации, которые выполняют определенные им задачи в сохранении и распространении культуры. А.А. Корж отмечает, что для И.А. Ильина цивилизация является не только отрицательным явлением, но и положительным, поскольку может «служить идеальному в христианском понимании государству» [19, с. 18]. Однако идея приоритета духовного начала – культуры, превалирует и проходит через весь проект.

Философ подчеркивает, что культура является созданием души и духа, а христианскую культуру творит «*только христиански укрепленная душа*», на основе «*молитвенного созерцания*», поскольку дух христианства – это дух «*живого творческого содержания*, а не формы» что исключает формализацию и механизацию культуры, а, следовательно, ее вырождение. Христианство вносит «*дух христианской предметности*» во всю культуру, подчеркивает философ, то есть в повседневность, русский жиз-

ненный мир. В свою очередь, творить культуру может только человек, раскрывший *«глубину своего сердца для Христова Духа»*, и из него обратившийся *«к созерцающему восприятию Бога и Божьего мира, ...к свободным и ответственным волевым действиям в плане Божьего Дела на земле»*. Это позволит ввести христианский дух во все деяния человека и предоставит человеку творить *«живую христианскую культуру»*, но для этого ему необходимо *«принять Божий мир и зажечь им и в нем»* [9, с. 493–500]. Как отмечает И.В. Кулешова, философ рассматривает проблему истоков и реализации творческого акта как *«глубинное религиозное служение своего народа, пронизывающее всю историю России и являющееся основой ее будущей возможной цельности»* [21, с. 223].

Важной составляющей христианской культуры является воля к совершенству [7], именно она отсутствует в современной культуре, что привело к ее формализации. Необходимо восстановить духовность и встать на путь созидания христианской культуры. Это не означает уничтожение и отрицание светской культуры христианской, указывает философ, светская культура должна духовно обновиться и тогда она придет к объективному совершенству [9, с. 524–526]. М.В. Моисеенко считает, что проект И.А. Ильина это *«настоящий гимн духовности»*, созидательная сила которой *«как никогда актуальна и спасительна»* в XXI веке [25, с. 82]. Таким образом, Россия должна вернуться на путь христианской культуры, восстановить духовные основы, что станет началом обновления России. В основе христианской культуры лежит творческая национальная идея, сформулированная И.А. Ильиным *«Русская идея»*.

Таким образом, в рамках феноменологической концепции *«жизненного мира»* тематическим ядром социокультурного проекта И. Ильина выступает *«Русская идея»*. Философ создает утопию, связанную единством *«жизненного мира»* с проектами русской классической утопии второй половины XIX – середины XX вв. Как и проекты Н. Бердяева, Дм. Мережковского, С. Франка, уто-

пия И. Ильина строится на духовной основе и является метафизической, в ней отсутствует опора на «социальное тело» (проекты анархизма и марксизма в русской философии). Утопический проект охватывает различные аспекты бытия, философу удалось показать важность духовного и творческого начала в развития русской цивилизации.

Список литературы

1. Бердяев Н. Воля к жизни и воля к культуре // Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 162–174.
2. Бердяев Н.А. О культуре [Электронный ресурс]. URL: http://miemp.ru/lib_portal/plan/text/kultur/Berd.pdf (дата обращения: 04.03.11). 4 с.
3. Ильин И.А. О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта) // Собрание сочинений: В 10 т. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы; Худож. Л.Ф. Шканов. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 373–450.
4. Ильин И.А. Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 1216 с.
5. Ильин И.А. Творческая идея нашего будущего // Собрание сочинений: В 10 т. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы; Худож. Л.Ф. Шканов. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 453–488.
6. Ильин И.А. Из книги «Сущность и особенность русской культуры» (1944). Душа // Пространство и Время. 2010. № 1. С. 198–205.
7. Ильин И.А. Из книги «Сущность и особенность русской культуры» (1944). Воля к совершенству // Пространство и Время. 2010. № 2. С. 222–226.
8. Ильин И.А. О русской культуре. Сущность и своеобразие русской культуры. Три размышления // Собрание сочинений: В 10 т. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы; Худож. Л.Ф. Шканов. Т. 6. Кн. II. М.: Русская книга, 1998. С. 373–620.
9. Ильин И.А. Основы христианской культуры // Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 476–526.

10. Ильин И.А. Путь к очевидности // Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 282–476.
11. Ильин И.А. Творческая идея России // Собрание сочинений: В 10 т. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы; Худож. Л.Ф. Шканов. Т. 6. Кн. II. М.: Русская книга, 1998. С. 613–620. [Электронный ресурс]. URL: <http://vikent.ru/enc/3480/> (дата обращения: 17.02.16). 4 с.
12. Профессор И.А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Том I. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956. 346 с.
13. Профессор И.А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Том II. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956. 37 с.
14. Профессор И.А. Ильин. Надо готовить грядущую Россию // Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Том II. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956. С. 403–406.
15. Профессор И.А. Ильин. О Русской идее // Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Том I. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956. С. 312–321.
16. Профессор И.А. Ильин. О возрождении России // Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Том II. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956. С. 394–398.
17. Профессор И.А. Ильин. Основная задача грядущей России // Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Том I. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956. С. 201–210.
18. Копалов В.И. Творческая идея России в философии Ивана Ильина // Чиновник. 2006. № 2(42). [Электронный ресурс]. URL: <http://chinovnik.uara.ru/ru/issue/2006/02/07/> (дата обращения: 10.03.16). 30 с.
19. Корж А.А. Феномен духовной культуры в концепции Ильина И.А. [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/77/415/27919.php> (дата обращения: 10.10.15). 20 с.
20. Круглова Л.К. И.А. Ильин о фундаментальных ценностях русской культуры // Материалы международной научно-практической конференции «Ильинские чтения» 28 января 2014 года. СПб.: ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова, 2014. С. 29–48.

21. Кулешова И.В. Предисловие переводчика // Ильин И.А. Из книги «Сущность и особенность русской культуры» (1944) // Пространство и Время. 2010. № 2. С. 222–226.
22. Лисица Ю.Т. Идеи идеалы русской культуры // Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга – XXI век, 2007. С. 3–12.
23. Митина Н.Г. Дискурс будущего в русской социокультурной утопии: Монография / Н.Г. Митина. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. 240 с.
24. Митина Н.Г. Дискурс будущего в русской социокультурной утопии [Электронный ресурс]: Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Н.Г. Митина. М.: РГБ, 2014. 334 с.
25. Моисеенко М.В. Философия культуры И.А. Ильина // Вестник РУДН. Серия Философия. 2003. № 1(9). С. 76–82.
26. Шарипов А.М. Пророк грядущей России. К 130-летию со дня рождения И.А. Ильина (1883–1954) // Новый журнал. 2012. № 269, декабрь. [Электронный ресурс]. URL: <http://drupal.newreview.webfactional.com/a-м-шарипов-к-130-летию-со-дня-рождения-и-ильина> (дата обращения: 04.07.15). 11 с.

References

1. Berdyaev N. *Volya k zhizni i volya k kul'ture* [The will to live and the will to culture]. *Smysl istorii* [The meaning of history]. М.: Mysl', 1990, pp. 162–174.
2. Berdyaev N.A. *O kul'ture* [On culture]. http://miemp.ru/lib_portal/plan/text/kultur/Berd.pdf (accessed: March 04, 2011). 4 p.
3. Il'in I.A. *O natsional'nom prizvanii Rossii (otvet na knigu Shubarta)* [On the national calling Russia (Schubart response to the book)]. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]: V 10 t. Sost. i komment. Yu.T. Lisitsy; Khudozh. L.F. Shkanov. T. 7. М.: Russkaya kniga, 1998, pp. 373–450.
4. Il'in I.A. *Put' dukhovnogo obnovleniya* [The path of spiritual renewal]. Sost., avt. predisl., otv. red. O.A. Platonov. М.: Institut russkoy tsivilizatsii, 2011. 1216 p.

5. Il'in I.A. Tvorcheskaya ideya nashego budushchego [The creative idea of our future]. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]: V 10 t. Sost. i komment. Yu.T. Lisitsy; Khudozh. L.F. Shkanov. T. 7. M.: Russkaya kniga, 1998, pp. 453–488.
6. Il'in I.A. Iz knigi «Sushchnost' i osobennost' russkoy kul'tury» (1944) [From the book “The essence and characteristic of Russian culture” (1944). Soul]. *Prostranstvo i Vremya*. 2010. № 1, pp. 198–205.
7. Il'in I.A. Iz knigi «Sushchnost' i osobennost' russkoy kul'tury» (1944). Volya k sovershenstvu [From the book “The essence and characteristic of Russian culture” (1944). The will to perfection]. *Prostranstvo i Vremya*. 2010. № 2, pp. 222–226.
8. Il'in I.A. O russkoy kul'ture. Sushchnost' i svoeobrazie russkoy kul'tury. Tri razmyshleniya [About Russian culture. The essence and originality of Russian culture. Three reflections]. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]: V 10 t. / Sost. i komment. Yu.T. Lisitsy; Khudozh. L.F. Shkanov. 6. Kn. II. M.: Russkaya kniga, 1998, pp. 373–620.
9. Il'in I.A. Osnovy khristianskoy kul'tury [Fundamentals of Christian culture]. *Put' dukhovnogo obnovleniya* [The path of spiritual renewal] / Sost., avt. predisl., otv. red. O.A. Platonov. M.: Institut russkoy tsivilizatsii, 2011, pp. 476–526.
10. Il'in I.A. Put' k ochevidnosti [Path to the evidence]. *Put' dukhovnogo obnovleniya* [The path of spiritual renewal] / Sost., avt. predisl., otv. red. O.A. Platonov. M.: Institut russkoy tsivilizatsii, 2011, pp. 282–476.
11. Il'in I.A. Tvorcheskaya ideya Rossii [Creative idea of Russia]. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]: V 10 t. / Sost. i komment. Yu. T. Lisitsy; Khudozh. L.F. Shkanov. T. 6. Kn. II. M.: Russkaya kniga, 1998, pp. 613–620. <http://vikent.ru/enc/3480/> (accessed: February 17, 2016). 4 p.
12. Professor I.A. Il'in. *Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg.* [Our Mission. Articles 1948–1954 years]. Vol. I. Parizh: Izdanie Russkogo Obshche-Voinskogo Soyuza, 1956. 346 p.

13. Professor I.A. Il'in. *Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg.* [Our Mission. Articles 1948–1954 years]. Vol. II. Parizh: Izdanie Russkogo Obshche-Voinskogo Soyuza, 1956. 37 p.
14. Professor I.A. Il'in. *Nado gotovit' gryadushchuyu Rossiyu* [It is necessary to prepare the coming Russian]. *Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg.* Vol. II. Parizh: Izdanie Russkogo Obshche-Voinskogo Soyuza, 1956, pp. 403–406.
15. Professor I.A. Il'in. *O Russkoy idee* [About Russian idea]. *Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg.* Vol. I. Parizh: Izdanie Russkogo Obshche-Voinskogo Soyuza, 1956, pp. 312–321.
16. Professor I.A. Il'in. *O vrozhdzenii Rossii* [On the revival of Russia]. *Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg.* Vol. II. Parizh: Izdanie Russkogo Obshche-Voinskogo Soyuza, 1956, pp. 394–398.
17. Professor I.A. Il'in. *Osnovnaya zadacha gryadushchey Rossii* [The main task of the coming Russian]. *Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg.* Vol. I. Parizh: Izdanie Russkogo Obshche-Voinskogo Soyuza, 1956, pp. 201–210.
18. Kopalov V.I. *Tvorcheskaya ideya Rossii v filosofii Ivana Il'ina* [Creative idea in Russian philosopher Ivan Ilyin]. *Chinovnik'*. 2006. № 2(42). <http://chinovnik.uapa.ru/ru/issue/2006/02/07/> (accessed: March 10, 2016). 30 p.
19. Korzh A.A. *Fenomen dukhovnoy kul'tury v kontseptsii Il'ina I.A.* [The phenomenon of spiritual culture in the concept of I.A. Ilyin]. <http://pan-dia.ru/text/77/415/27919.php> (accessed: October 10, 2015). 20 p.
20. Kruglova L.K. I.A. Il'in o fundamental'nykh tsennostyakh russkoy kul'tury [I.A. Ilyin about the fundamental values of Russian culture]: Proceedings of the international scientific-practical conference “Ilyinsky read” January 28, 2014. SPb.: GUMRF imeni admirala S.O. Markarova, 2014, pp. 29–48.
21. Kuleshova I.V. *Predislovie perevodchika* [Translator preface]. Il'in I.A. *Iz knigi «Sushchnost' i osobennost' russkoy kul'tury» (1944).* *Prostranstvo i Vremya*. 2010. № 2, pp. 222–226.
22. Lisitsa Yu.T. *Idei idealy russkoy kul'tury* [Ideas ideals of Russian culture]. *Il'in I.A. Sushchnost' i svoeobrazie russkoy kul'tury* [Ilyin I.A. The essence and originality of Russian culture]. Sost., podgot. teks-

- ta, vstup. st., komment. Yu.T. Lisitsy. M.: Russkaya kniga – XXI vek, 2007, pp. 3–12.
23. Mitina N.G. *Diskurs budushchego v russkoy sotsiokul'turnoy utopii* [The discourse of the future in the Russian socio-cultural utopia]. Vladivostok: Izd-vo VGUES, 2014. 240 p.
24. Mitina N.G. *Diskurs budushchego v russkoy sotsiokul'turnoy utopii* [The discourse of the future in the Russian socio-cultural utopia]. Dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.13. M.: RGB, 2014. 334 p.
25. Moiseenko M.V. *Filosofiya kul'tury I.A. Il'ina* [Philosophy of culture I.A. Ilyin]. *Vestnik RUDN. Seriya Filosofiya*. 2003. № 1(9), pp. 76–82.
26. Sharipov A.M. *Prorok gryadushchey Rossii. K 130-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Il'ina (1883–1954)* [The prophet of the coming Russian. By the 130th anniversary of the birth of Ivan Ilyin (1883–1954)]. *Novyy zhurnal*. 2012. № 269, dekabr'. <http://drupal.newreview.webfactional.com/a-m-sharipov-k-130-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-i-a-il'ina> (accessed: July 04, 2015). 11 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Митина Наталья Георгиевна, профессор кафедры общегуманитарных дисциплин, доктор философских наук, доцент
*Дальневосточный государственный институт искусств
ул. Петра Великого, 3-а, г. Владивосток, Приморский край,
690990, Российская Федерация*
Millkonf@yandex.ru
SPIN-код в SCIENCE INDEX: 7196-2178

DATA ABOUT THE AUTHOR

Miti na Natalia Georgievna, Professor, Department of Humanities Disciplines, Doctor of Philosophy, Associate Professor,
*Far Eastern State Institute of Arts
3-a, Peter the Great Str., Vladivostok, Primorsky Krai, 690990 ,
Russian Federation*
Millkonf@yandex.ru
SPIN-code: 7196-2178

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-80-96

УДК 130.3 +248.1

ГЕРОИЗМ И РЕЛИГИОЗНЫЙ АСКЕТИЗМ КАК ФОРМЫ ПОДВИГА

Неронова М.Ю., Неронов А.В.

В статье производится сравнительный анализ понятий «героизм» и «религиозный аскетизм» как различных видов подвига. Оба понятия рассматриваются как со стороны логического смысла, так и с точки зрения ценностного содержания.

***Цель:** определить общее и выделить специфику героизма и религиозного аскетизма, понять их место в духовной культуре.*

***Метод и методология проведения работы.** При исследовании применялся метод сравнительного анализа, а также этимологический и логический анализ понятий.*

***Результаты.** Выделено понятие подвига, в качестве всеобщего определения действия, требующего неординарных усилий для своего выполнения, а также результатов подобного действия, независимо от этической оценки побудительных мотивов породивших последнее. Героизм и религиозное подвижничество, рассмотрены как особенные проявления подвига. Сформулировано понятие и представление о героизме, подчеркнуто, что героизм является социально детерминированным видом подвига, который выполняет важную роль в процессе культурной идентификации личности. Сформулировано понятие религиозного аскетизма, как духовного проекта по реализации религиозного идеала. Произведено сравнение героизма и религиозного аскетизма как двух видов подвига, имеющих различную ценностно-мотивационную направленность.*

***Область применения результатов:** система общего образования.*

***Ключевые слова:** подвиг; героизм; аскетизм; православный аске-*

тизм; идеал; духовность.

HEROISM AND RELIGIOUS ASCETICISM AS FEAT FORMS

Neronova M. Y., Neronov A. V.

The comparative analysis of the concepts “heroism” and “religious asceticism” as different types of feat has been carried out in the article. Both concepts are considered from the point of view of logical sense or from the point of view of valuable content alike.

Purpose: *to define the general and to mark out the specific features of heroism and religious asceticism, to understand their place in spiritual culture.*

Methodology. *The methods of comparative analysis and also etymological and logical analyses of the concepts have been applied in the research.*

Results. *The concept of feat, as a general definition of the action demanding extraordinary efforts for its performance, and also the results of such action, irrespective of the ethical assessment of the incentive caused the latter have been singled out. Heroism and religious asceticism have been considered as a special display of feat. The concept and idea of heroism have been formulated, and there have been emphasized that heroism is a socially determined type of feat which fulfills an important role in the course of cultural identification of personality. The concept of religious asceticism as a spiritual project of realization of religious ideal has been formulated. The comparison of heroism and religious asceticism as two types of feat having different value-motivational orientation has been made.*

Practical implications: *the system of general education.*

Keywords: *feat; heroism; asceticism; orthodox asceticism; ideal; spirituality.*

Подвиг в русской культуре является одной из важнейших опор

духовной жизни. О нем пишут книги, снимают фильмы, слагают песни и стихи, при этом феномен подвига может принимать разные формы и проявляться в различных сферах жизни. В данной статье мы хотим обратиться к анализу героизма и религиозного аскетизма, учитывая, что нередко именно герои или святые всплывают в сознании, когда заходит речь о подвиге.

За исходную точку исследования мы возьмем допущение, что всеобщим основанием героизма и религиозного аскетизма является подвиг. Действительно, подвиг представляет собой наиболее емкий термин для обозначения выдающихся достижений человека или целого народа в действиях, требующих проявления неординарной воли и исключительного напряжения всех сил. Хотя в обыденной речи довольно часто так обозначают выдающийся поступок, который направлен на благо всех людей, однако по сути это не всегда верно.

Если обратиться к этимологии слова подвиг, то обнаружим лишь указание на процесс некоего «по-двигания», как мощного и, вместе с тем, успешного усилия. Таким образом, сам термин подвиг не содержит в себе этической составляющей, а только подчеркивает феномен некоего неординарного усилия и достижения замечательного результата, независимо от мотива, который побудил субъекта на данное усилие. С самой возможностью использования понятий героизма и святости вне оценок морали соглашается, например, Дж.О. Армсон, он пишет: «Достаточно очевидно, что слова «святой» и «герой» обычно используются в качестве положительной оценки; было бы невозможно заявлять, что такая оценка всегда моральна, так как... можем назвать человека героем игры или атлетического состязания, в которых не проявляются никакие моральные качества...» [1]. В конце концов, достичь выдающейся волевой победы может и неисправимый эгоист, жаждущий обретения личной власти, богатства или славы.

Таким образом, в дальнейшем мы будем рассматривать подвиг в качестве всеобщего понятия для оценки неординарности усилий и результатов, достигнутых человеком или группой людей, безот-

носителю к этической оценке исходных побудительных мотивов, а героизм и религиозный аскетизм будем считать особенными проявлениями подвига, которые также не несут обязательной этической нагрузки. Подобная позиция обусловлена тем, что данная работа посвящена онтологическому анализу, а не моральной оценке изучаемых явлений.

Понятие герой происходит от греч. ἥρως, что означает «богатырь, витязь; полубог». Эллины называли героем воина, отличавшегося непобедимостью и стяжавшего великую славу (например, Гектор, Ахилл и т.д.), или человека, проявившего выдающийся уровень социальных добродетелей, таких как мужество, патриотизм и так далее. Как и в отношении к подвигу, так и в отношении к героизму в литературе нередко применяются определения в духе высоких этических идеалов. Например, Ю. Фучик написал об этом так: «Герой – человек, который в решительный момент делает то, что нужно делать в интересах человеческого общества» [14].

Однако, как и подвиг, героизм не предполагает обязательного наличия высокой морально-нравственной мотивации у субъекта героического поступка. Героизм может пониматься как действие героя, так что именно «герой» является субстанцией понятия «героического», проще говоря, от того, кого считают героем, будет зависеть понимание героического. Например, культ Наполеона в Европе начала XIX века убедительно показал, что могут быть возвеличены такие качества человека, как эгоизм, стремление к славе и власти, коварство и так далее. Образ героя исходно формировался в культуре и посредством культуры, как идеальный тип личности, а потому во многом определялся социальным заказом и историческими потребностями эпохи. В античности представления о герое складывались внутри гражданской общины на основе мифов и эпосов, в средние века большое влияние на них оказывала религия, в Новое время представления о герое возникали под влиянием литературы, поэзии, театрального искусства и произведений философов-просветителей, а сейчас он куда чаще задается средствами масс-медиа, кино, рекламой, а также Интернетом. В наши дни уже

никого не удивляет тот факт, что герой может быть не только индифферентным к обществу субъектом (например, Остап Бендер), но и глубоко асоциальным типом (например, доктор Ганнибал Лектер). Кстати, именно доктор Лектер настолько потряс воображение зрителей, что после знаменитого «Молчания ягнят» потребовалось снять несколько фильмов с участием этого героя. Безусловно, данный персонаж неоднозначен, однако, асоциальность его поступков неотделима от его же личной свободы. Он всегда делает то, чего хочет, даже если это сопряжено с риском для жизни и с обязательным осуждением со стороны общества.

Таким образом, несмотря на все исторические модификации, остается нечто неизменное: герой – это всегда идеальный тип человека, выделенный из множества «не столь выразительных лиц», наделенный психосоциальной характеристикой с обязательным набором таких ценностей, которые выступают как осознанные мотивы, и они (эти мотивы) всегда реализуются на практике, в чем, собственно, и состоит главная черта героизма.

Можно сказать, что любой значимый и востребованный в современном мире тип социального действия имеет свое воплощение в представлении о герое, поэтому человек всегда может найти культурный образ, соответствующей принятой им системе ценностей, ориентируясь на которую, он будет строить собственную идентичность. Если во главу угла поставлена борьба за родину и с моральной стороны все «в полном порядке», то недостатка в прототипах не возникнет, будь то бесстрашные одиночки-мстители, или отряды дерзких партизан, подразделения отважных солдат и так далее. Если основной ценностью становится справедливость, то герой будет бороться за торжество справедливости, выбирая в качестве объекта подражания, например, Зорро. Если ценность лежит в плане авантюрной романтики, то появляется тот самый Остап Бендер или киногерой Мишка Япончик, имеющий реального прототипа среди криминальных авторитетов Одессы начала XX века.

Таким образом, можно сказать, что современный герой – это со-

циокультурный идеальный тип человека, рассматриваемый в контексте его деятельности по реализации ценностно определенных мотивов. Не все люди способны сделать законом своей жизни реализацию каких-либо выделенных ценностей как целей. Но герои как раз именно этим и заняты. В определенном смысле герои являются абстрактными личностями, поскольку почти все их время и все их силы направлены на реализацию их «геройских целей», а все прочее содержание жизни, как «несущественное», попросту отсутствует за редкими исключениями:

Заметим, что представление о герое далеко не всегда адекватно выражает реальный героизм. Героем на войне может стать убежденный патриот, криминальный тип, любящий насилие, или простой человек, живущий в рамках традиций. На поступки людей влияют душевные состояния, обстоятельства, окружение и так далее. Часто действительный героизм настолько уникален, что требует конкретного рассмотрения независимо от принятых в культуре представлений о героях и героизме. В рамках данной статьи мы не станем исследовать соответствие между героем как идеальным типом и образцом для подражания, и героем, как конкретным человеком, который совершил нечто поистине героическое. Чтобы реальный герой преобразовался в идеального героя, придется прибегнуть к «методам абстракции и лакировки». Сорок семь ронинов превратились в символ героизма и верности долгу в Японии лишь тогда, когда стали героями повествований, книг и фильмов, создавших знаменитый миф о сильных духом самураях, до конца сохранивших верность своему господину.

А теперь подведем первые итоги и дадим определение понятию героя и представлению о герое. Герой как понятие – это человек, который актуализирует собственную личностную свободу в обществе через практическую реализацию мотивов, определенных принятыми им ценностями. Особенно подчеркнем, что героя делает героем именно способность к актуализации своей личной свободы внутри общества. Таким образом, в содержании понятия о герое помимо реализуемой цели, входит необходимость прео-

доления препятствий на пути ее реализации. Однако, несмотря на личностный аспект присутствующей в понятии героизма, герой, по большей мере, явление социальное. Он обязательно должен иметь свидетелей своего героизма, или хотя бы тех, кто что-то слышал о нем. Если о герое никто ничего не знает, то это уже не герой, а неизвестный подвижник, свидетельствующий только себе о себе самом.

Герой как представление – это и есть тот самый идеальный тип, образец для подражания, культурный образ, миф и архетип, ориентируясь на который человек строит себя. Здесь мы уже имеем дело не с конкретной личностью, а с образно-эстетическим выражением идеала. В тяжелые времена войн и других социальных потрясений героями становятся люди с крепкими нравственными устоями, великие полководцы, смелые солдаты и не сломленный врагами народ. В мирные и сытые времена, как писал один из основателей теории элит Вильфредо Парето на место «львов» приходят «лисы» и тогда такие ценности как нравственность или патриотизм теряют популярность и воспринимаются в виде «наивных заблуждений» [6]. Таким образом, мы можем сказать, что героизм является социально-детерминированным видом подвига, который играет важную роль в процессе культурной идентификации личности.

Теперь обратимся к анализу понятия религиозного аскетизма и попытаемся рассмотреть его в качестве особенного вида подвига. Несмотря на то, что религиозный аскетизм чаще всего упоминают в контексте христианства, представление о нем возникло задолго до появления этой религии. Слово «аскезис» (от греч. *ασκησις* – «упражнение»), означало упражнение в чем-либо или практическое изучение чего-либо, и, в первую очередь, оно употреблялось для обозначения физических упражнений, закаливания, подчеркивая момент методичного повторения [10]. В религиозно-философских учениях древней Греции, таких как орфизм и пифагореизм, этот термин начали применять в переносном значении. Аскетизм здесь стал обозначать систему предписаний,

имеющих целью достижение духовно-нравственного совершенства посредством отказа от внешних чувственных удовольствий и полной сосредоточенности на жизни духа [2]. В сходном значении он продолжал свое существование в античной и позднеантичной литературе, где данное слово приобрело три основных значения: 1) смысл «физический» (то есть упражнения тела); 2) смысл нравственный (упражнения ума и воли); 3) смысл религиозный [8, с. 9]. Таким образом, в рамках классического подхода термин «аскезис» имел как более широкий, так и более узкий смыслы, и обнимал как чувственную, так и духовную сферу, но, во всяком случае, предполагал наличие напряжения, усилия и труда для осуществления какой-либо цели [4, с. 5].

Особ о отметим, что в наше время понятие аскетизма может быть релевантно применено лишь по отношению к аскетизму религиозному. Как отмечалось выше, аскетизм предполагает не только отказ от внешних чувственных удовольствий, но и полную сосредоточенность на жизни духа с применением некоего «лонгированного усилия» или систематически повторяющейся практики. Конечно, определенное ограничение чувственных удовольствий мы можем наблюдать, например, в спорте больших достижений или в жизни протестантов, работающих ради чистого роста капитала, о чем в свое время писал М. Вебер [5]. Однако, подобное ограничение есть не более чем необходимая форма дисциплины в рамках движения к непростой, но вполне мирской и материальной цели.

У индийских йогов, следующих по собственному пути духовного аскетизма, такая форма отказа происходит на первом этапе духовного пути, именуемом «яма». Здесь ученик оставляет все привычки и качества, «что препятствует йоге», тем самым демонстрируя свою готовность следовать по избранному пути, который продолжается следующей ступенью – «нияма», где ученик начинает приобретать качества, «способствующие йоге» [12]. Таким образом, отказ от мирских соблазнов и привычек в религиозной аскезе является необходимым, но не достаточным условием аскетической практики; отказ сам по себе не раскрывает сути того, чем заняты аскеты.

Если попытаться определить аскезу, безотносительно к ее религиозной форме, то речь пойдет об образе жизни, который предполагает наличие в себе следующих существенных и необходимых черт: намеренность, постоянная самодисциплина, подавление чувственных влечений, отказ от излишеств, воздержанность во всем, четкая осознанность собственных мотивов аскета, постоянная целенаправленная мистическая практика, что, в свою очередь, предполагает очень стабильную и сильную форму личности.

Можно сказать, что аскетизм представляет собой действие по воплощению в жизнь некоторой идеальной формы суверенного личного существования, сознательно избранной человеком (или группой людей) для достижения «высшего духовного состояния». В свое время Н. Бердяев писал о том, что сущностью аскезы является выявление и охранение форм личности при активном сопротивлении ее власти мира. Но где мы сейчас найдем такую «чистую аскетику» без истинной религиозной мотивации? Поэтому тот же Н. Бердяев подчеркивал, что аскетика есть техника религиозного опыта, его формальная методология [3, с. 107–109].

Есть немало религиозных и духовных практик, в которых мы можем видеть отдельные элементы религиозного аскетизма, или даже ряд подобных элементов. Например, если рассматривать индийскую йогу, практику тантрического буддизма, или исламского суфизма. Однако в качестве примера религиозной аскезы в данной статье будет выбран православный аскетический подвиг, который, наиболее полно воплощает в себе как понятие религиозного аскетизма, так и представление о «типичном религиозном аскетизме». В данном случае мы берем православный религиозный аскетизм как духовный проект, имеющий в себе теорию, идеальную цель и практические методы ее достижения. Здесь и далее, понятия православный аскетизм и религиозный аскетизм будут пониматься как синонимы, если, конечно, не возникнет необходимости в их различении.

С.С. Хоружий четко выделяет специфические черты православного аскетизма, которые отличают его от аналогичных форм

религиозной практики в других религиях (прежде всего в католичестве). Сутью религиозного аскетического подвига является обожение, то есть становление человека богом по благодати, что представляет собой самую радикальную из всех возможных форм реализации религиозного идеала. А центральной духовной практикой православного религиозного аскетизма является «умная молитва» как средство синергийного объединения аскета-подвижника с богом, что, согласно установкам православных отцов, должно способствовать преобразению человеческой природы и актуальному соединению ее с Христом.

Таким образом, православное аскетическое подвижничество представляет собой самую полную и одну из самых радикальных форм религиозного аскетического подвижничества, которую отличают следующие специфические черты: духовный демократизм (аскетический подвиг был открыт для мирян и не считался прерогативой священства); радикализм и абсолютность поставленной цели (в качестве цели подвижника выступает его реальное обожение как преобразование человеческой природы в божественную); необыкновенная простота и эффективность мистических практик (это особенно касается практики умной молитвы, сочетающей в себе не только технику концентрации ума, но и практику тапаса, известную в индийской йоге) [7, с. 32–33].

В то же самое время католическое монашество и католическая молитва не знают подобной мистики обожения. Для них благодать тварна, а подвиг является «лишь подражанием Христу», то есть только нравственному уподоблению ему, без качественного преобразования своей исходной человеческой природы [9, с. 236–239].

Поясним некоторые моменты, связанные со спецификой православного аскетизма. Выше было сказано о радикализме и абсолютности поставленной цели, которая сводится к духовному преобразению всей человеческой природы. Речь тут идет о реальном претворении души и тела человека в новое, сверхъестественное состояние, что в терминах современной парадигмы описания мира относится к бытию в рамках так называемой «антропологической

гран ицы», о чем писал С.С. Хоружий. К практикам антропологической границы он относил предельные формы человеческого опыта, ведущие к качественной трансформации человеческого существа, например, изменения перцептивных модальностей человека, которые могут интерпретироваться, как появление новой системы средств восприятия [11].

Можно без сомнения утверждать, что православный религиозный аскетизм находится в области антропологической границы, поскольку предполагает реальное приобщение человека к предельным формам опыта и обретение качественного нового уровня существования.

Далее, если обратиться к православным мистическим практикам то становится ясным, что все аскетические методы воздержания (от чревоугодия, похоти и так далее), в православной аскетике, как и в йоге, являются вспомогательными и «способствующими основной практике», которая именуется «умной молитвой» [7]. Она проста по форме, и призвана аккумулировать в душе аскета силу божественной благодати. Особо отметим, что данная техника предусматривает концентрацию внимания аскета на уме, объединенном с сердцем. В результате можно говорить о соединении в центральной практике православного аскетизма метода концентрации сознания с методом так называемой тапасы (от «тапас» – букв. «жар», «рвение», «психический огонь»).

Термин тапас употребляется в древнеиндийской ведической традиции и означает особую духовную силу и практику, что ведет к её обретению. Осуществляя тапас, адепт формирует ядро целеустремленности, избавляется от заблуждений и обретает сверхчеловеческие возможности (в индийской традиции это «сиддхи» или «сидди»). Тапас как практика означает преодоление трудностей ради осуществления духовных целей. Этим термином в Индии (в частности, в классической йоге) по сей день обозначают духовное усилие в целом. Тапас упоминается в «Ригведе». Там он выступает в качестве универсальной творческой силы, посредством которой возникает мир. В данном тексте также говорится, что посредством

тапаса аскет становится ясновидящим и даже воплощается среди богов [12, с. 107–110].

Действительно «умная молитва» православных аскетов, творимая посредством ума, опущенного в сердце, объединяет в себе мысленный и эмоционально-волевой психические процессы, что ведет к состоянию мощного экстатического слияния с объектом, на который направлена умная молитвенная практика. Это не просто практика концентрации ума на объекте, которую можно видеть в классической индийской йоге, а практика соединения концентрации ума с психическим усилием, где к сосредоточению мысли прибавляется и феномен намеренного «возжигания психического жара».

Теперь, основываясь на проведенном кратком анализе и полученном представлении, попробуем дать определение религиозного аскетизма как логического понятия. Религиозный аскетизм представляет собой проект реализации духовного идеала. Как способ воплощения идеи, религиозный аскетизм содержит в себе концептуально-теоретическую, методологическую, и духовно-практическую части, и предполагает реальное достижение высшей религиозной цели аскетом, практикующим в рамках проекта, свидетельством чего и становится достижение качественного иного духовного состояния существа адепта. В данном контексте слово «духовный» означает то, что религиозный аскетизм нельзя определять как чисто культурный феномен. Не все духовное можно отнести к культуре. Например, феномен шаманизма в классической его форме не может быть включен в жизнь людей, как часть человеческой культуры, поскольку главное в шаманизме это не одежда, бубен и танец, а диалог между шаманом с реально существующими духами. А духи шаманов – это не культурные артефакты и не объект веры. Шаману необходимо верить в то, с чем он постоянно сталкивается в непосредственном восприятии, также как нам не нужна вера, чтобы разговаривать с коллегами по работе. Чтобы стать шаманом, необходимо практически войти в контакт с духами, а не просто по-

верить в их существование [13]. При этом мир духов, также как и мир религиозного аскета, лежат в сфере уже упомянутой нами антропологической границы, хотя это разные формы проявления духовного опыта.

Напомним, что рассмотренный ранее героизм всегда остается в рамках нормативного жизненного горизонта. Герой это всегда один из нас, тот, на кого можно равняться, кому следует подражать. Даже умирая за родину, героический воин оказывается в сфере жизнеутверждающей драмы, ибо смерть героя дает возможность жить другим.

В то же время религиозный аскет выходит за границы нормы, и потому он – либо демон, либо святой (в зависимости от позиции оценивающего), но в любом случае он «ненормальный». Более того, сами его мотивы – оставить жизнь земную, будучи живым, и, через тернии аскезы устремиться к жизни небесной, могут вызвать замешательство или резкое отторжение у людей, живущих обычной земной жизнью. Герой вызывает у таких людей восхищение и преклонение, зато подвижник потрясает, изумляет и даже пугает своими действиями, лишая привычных для светской жизни культурно-мировоззренческих опор.

Заведя исследования понятий, выражающих разные виды подвига, мы приходим к выводу, что основное отличие героического подвижничества от религиозно-аскетического лежит в ценностно-мотивационной сфере, а именно, в той ее части, где решаются вопросы жизни и смерти, смысла жизни и возможного посмертного бытия. Это область, где пролегает уже упомянутая антропологическая граница.

Герой избирает свой жизненный путь в пределах социокультурной реальности, очерченной антропологической границей, в то время как аскет стремится выйти за ее пределы. Герой разделяет основные ценности обычных людей и не собирается разрывать свои связи с обществом. Даже если он ниспровергает существующие порядки, то делает это ради обновленной жизни в обществе. Герой любит жизнь, как отрезок существования между

рождением и смертью и именно здесь стремится проявить себя. Для него, как и для всякого нормального обывателя, человеческая жизнь есть подобие «культурно-антропологической ойкумены», за пределами которой остаются либо небытие («ничто»), либо пугающая неопределенность («нечто»). Понятно, что ценности людей и героев замкнуты внутри этой ойкумены, но только герои на практике способны сделать то, о чем лишь мечтают обыватели, потому жизнь героя становится образцом, эталоном, воплощением культурного идеала. Само существование героев дает надежду миллионам нормальных обывателей, заставляет их смиряться со своими неудачами и мотивирует к новым свершениям, поэтому образы героев закрепляются в культуре и воспроизводятся традицией.

Религиозные аскеты, напротив, совсем не ценят жизнь и потому они решительно разрывают связи с обществом. Их цели вынесены за границу человеческого мира в область бессмертного бытия и тут мы имеем дело с подвигом аскезы или с собственно религиозной аскезой, где слово подвиг можно опустить. Аскеты с радостью уходят за страшную для людей антропологическую границу, они легко оставляют за своей спиной мир, в котором родились, поскольку «земный мир людей» является для них настоящей антиценностью. Они убеждены, что обычная человеческая жизнь, которую так любят другие это – подделка и искажение истиной жизни, они готовы подвергнуть себя страданиям ради обретения истинной свободы, которая может быть только на духовном уровне бытия. Аскет не нуждается в зрителях или свидетелях своих подвигов, ему безразлично останется ли он в памяти людей, оценит ли его подвиг общество. Для него имеет смысл только личная реализация поставленной духовной цели, а для духа нет никаких границ, он «дышит, где хочет», он не ведает немощи и смерти, и потому аскету нет никакого смысла геройствовать.

Тем не менее, стоит подчеркнуть, что именно в аскетическом подвижничестве наиболее выпукло и ярко выразился антропоцентризм, наделивший человека потенциальной божественностью и

максимально приблизивший его к миру священного. Можно сказать, что святой не только сам достигает реализации христианского идеала, он всей своей жизнью показывает возможность этого другим людям [7, с. 58]. В свете этого мы можем рассматривать путь религиозного подвижничества как культурную форму, воплощающую в себе предельное стремление человека к духовному совершенству, без чего, по сути, невозможно развитие внутреннего мира и самосознания личности обычного человека живущего в миру.

Список литературы

1. Армсон Дж. О. (Urmson). Святые и герои // Аспекты: Сборник статей по философским проблемам истории и современности: Вып. VIII. 2013.
2. Аскетизм [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://relig.info/asketizm>
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества. М.: Искусство, 1994.
4. Введение в православную аскетику / Автор составитель св. Сергей Дергалев. Белгород: Издание Православного молодежного миссионерского центра Православной гимназии г. Белгорода, 2005.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Изд-во «Центр гуманитарной инициативы», 2013.
6. Вильфредо Парето. Социалистические системы / Теоретическая социология: Антология в 2-х частях, Часть 1, М., «Университет», 2002 г. С. 269–272.
7. Неронова М. Православное аскетическое подвижничество в русской духовной культуре. Религиоведческий анализ. Германия, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013.
8. Смолич И.К. Русское монашество: 988–1917. М.: «Православная Энциклопедия», 1997.
9. Хомяков А.С. Сочинения в 2-х тт. М.: Медиум, 1994.
10. Хоружий С.С. Исихазм в Византии и России: исторические связи и антропологические проблемы // Страницы. № 21. 1997. С. 48–61.
11. Хоружий С.С. К антропологической модели третьего тысячелетия

[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iph.ras.ru/page51136777.htm>

12. Элиаде М. Йога бессмертие и свобода. Киев: София, 2000.
13. Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза. Киев: София, 2000.
14. Фучик Ю. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://frazochka.ru/categories/662.html>

References

1. Armson Dzh. O. *Aspekty: Sbornik statey po filosofskim problemam istorii i sovremennosti* [Aspects: A collection of articles on the philosophical problems of history and modernity]: Issue VIII. 2013.
2. *Asketizm* [Austerity]. <http://relig.info/asketizm>
3. Berdyaev N.A. *Smysl tvorchestva* [The meaning of creativity]. М.: Iskusstvo, 1994.
4. Dergalev S. *Vvedenie v pravoslavnyuyu asketiku* [Introduction to the Orthodox asceticism]. Belgorod: Izdanie Pravoslavnogo molodezhnogo missionerskogo tsentra Pravoslavnoy gimnazii g. Belgoroda, 2005.
5. Veber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. М.: Izd-vo «Tsentr gumanitarnoy initsiativy», 2013.
6. Vil'fredo Pareto. *Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya* [Theoretical Sociology: An Anthology in 2 parts], Part 1, М., «Universitet», 2002, pp. 269–272.
7. Neronova M. *Pravoslavnoe asketicheskoe podvizhnichestvo v russkoy dukhovnoy kul'ture. Religiovedcheskiy analiz* [Orthodox ascetic penance in Russian spiritual culture. Theological analysis]. Germaniya, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013.
8. Smolich I.K. *Russkoe monashestvo: 988–1917* [Russian monasticism: 988–1917]. М.: «Pravoslavnaya Entsiklopediya», 1997.
9. Khomyakov A.S. *Sochineniya* [Works]. М.: Medium, 1994.
10. Khoruzhiy S.S. *Stranitsy*. № 21. 1997. S. 48–61.
11. Khoruzhiy S.S. *K antropologicheskoy modeli tret'ego tysyacheletiya*

- [By the anthropological model of the third millennium]. <http://iph.ras.ru/page51136777.htm>
12. Eliade M. *Yoga bessmertie i svoboda* [Yoga Immortality and Freedom]. Kiev: Sofiya, 2000.
13. Eliade M. *Shamanizm: Arkhaicheskie tekhniki ekstaza* [Shamanism: Archaic techniques of ecstasy]. Kiev: Sofiya, 2000.
14. Fuchik Yu. <http://frazochka.ru/categories/662.html>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Неронова Марина Юрьевна, доцент кафедры гуманитарных наук, кандидат философских наук
Санкт-Петербургская государственная химико-фармацевтическая академия
ул. Профессора Попова, 14А, 197376, Российская Федерация
marina.neronova@pharminnotech.com

Неронов Александр Владимирович, доцент кафедры гуманитарных наук, кандидат культурологии
Санкт-Петербургская государственная химико-фармацевтическая академия
ул. Профессора Попова, 14А, 197376, Российская Федерация
neronov58@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Neronova Marina Yurevna, Associate Professor in Humanities, Ph.D. in Philosophy
Saint-Petersburg Chemical-Pharmaceutical Academy
14, Professor Popov Str., Saint Petersburg, 197022, Russian Federation
marina.neronova@pharminnotech.com

Neronov Aleksandr Vladimirovich, Associate Professor in Humanities, Ph.D. in Cultural Science
Saint-Petersburg Chemical-Pharmaceutical Academy
14, Professor Popov Str., Saint Petersburg, 197022, Russian Federation
neronov58@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-97-105

УДК 340.1

АКТУАЛИЗАЦИЯ НАСЛЕДИЯ П.И. НОВГОРОДЦЕВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Пономарёв А.М.

Цель статьи – реконструкции философии права П.И. Новгородцева исходя из требований постнеклассической философии права и с учётом исторической дистанции между исходными текстами и интерпретатором. *Методология проведения работы* – основу исследования составляют герменевтический и трансцендентально-прагматический подходы.

Результаты – реконструкция философии права П.И. Новгородцева с заявленных позиций выполнена впервые. На её основе теория П.И. Новгородцева охарактеризована как вариант ранних неклассических философий права. В таком качестве они являются переходными, т.е. содержат в себе характерные черты как классических, так и неклассических теорий. В частности, в теории П.И. Новгородцева «естественное право» аксиологизировано, за абсолютным идеалом признаётся онтологический статус. В тоже время, концепция права П.И. Новгородцева является ценностно-нормативной, исходит из понятия автономной нравственной личности, реализует субъектно-социальную методологию обоснования рациональности права.

Ключевые слова: научная рациональность; постнеклассическая философия права; интерпретация текста; историческая дистанция; естественное право; автономная нравственная личность; абстрактный идеал; общественный идеал.

ACTUALIZATION OF THE HERITAGE OF P.I. NOVGORODTSEV: METHODOLOGICAL ASPECT

Ponomarev A.M.

The article *aims* at reconstruction of the philosophy of law by P.I. Novgorodtsev on the basis of requirements of post-nonclassical

philosophy of law and with consideration of the historical distance between the original text and the interpreter.

The methodology of work – the basis of the research consists of hermeneutic and the transcendental-pragmatic approaches.

Results. Reconstruction of philosophy of law by P.I. Novgorodtsev from the stated positions' point of view is performed for the first time. The theory of P.I. Novgorodtsev is described as a version of an early non-classical philosophies of law. Such theories are transitive, because they contain characteristic features of both classical and non-classical theories. In particular, in the theory of P.I. Novgorodtsev "natural law" is made axiological, the absolute ideal is given ontological status. At the same time, the law conception of P.I. Novgorodtsev is value-normative, comes from the notion of autonomous moral personality and implements the subject-social methodology of a substantiation of rationality of law.

Keywords: scientific rationality; post-nonclassical philosophy of law; interpretation of the text; historical distance; natural law; autonomous moral personality; abstract ideal; social ideal.

175-летний юбилей известного русского дореволюционного юриста Павла Ивановича Новгородцева – повод для актуализации его философско-правового наследия. Юбилей известных авторов являются замечательным поводом для нового прочтения их текстов; нового и в смысле перечитывания текстов, и в смысле актуализации содержащихся в них концепций. Актуализация наследия крупных теоретиков означает, во-первых, фиксацию исторической дистанции; во-вторых – выявление содержания этой актуальности. И то, и другое, по сути, является интерпретацией теоретического наследия исходя из занимаемых нами сегодня позиций.

В этой связи уместно вспомнить мысль Х.-Г. Гадамера о невозможности «аутентичного» прочтения отстоящего от нас во времени текста; чтение такого текста – это всегда некое «пред-рассудочное» чтение, в ходе которого происходит реконструкция (повторное конструирование) смысла этого текста. Х.-Г. Гадамер пишет: «... мы понимаем дошедший до нас текст на основании

смыслоожиданий, подчерпнутых из нашего собственного предварительного отношения к существу дела. ... Каждая эпоха понимает дошедший до неё текст по-своему ... смысл текста ... всегда определяется также исторической ситуацией, в которой находится интерпретатор ...» [1, с. 349, 350–351]. Языковое опосредование – интеграция, – всегда есть понимание семиотических феноменов « ... в аспекте их применения к настоящему положению дел и к [актуальной] системе ценностей» [8, с. 347–348].

В силу указанного обстоятельства актуализация наследия П.И. Новгородцева означает, во-первых, фиксацию нашей методологической позиции, во-вторых, определение места теории П.И. Новгородцева в истории философско-правовой мысли и, в-третьих, реконструкцию философского концепта права П.И. Новгородцева, возможную в границах занимаемой нами методологической позиции.

В историческом разрезе методологическая позиция, исходя из которой мы «видим» теоретическое наследие П.И. Новгородцева, объективно определяется как постнеклассическая. Связанная с постнеклассической научной рациональностью, признающей социальную ангажированность и ответственность субъекта познания [7, с. 39–46], постнеклассическая рациональная философия, связанная с лингвистическим поворотом, характеризуется «деаксиологизацией трансцендентальных категорий, ценностное содержание которых полагается производным от речевых практик. ... гносеологический субъект оказывается коммуницирующим индивидом, ... комплексом определённых языковых практик» [8, с. 12–13].

Применительно к философии права постнеклассичность может быть выявлена через её отличие от классической и неклассической философии права следующим образом. Постнеклассическая философия права опирается на междисциплинарно-исследовательский тип рациональной рефлексии, признаёт рациональность права в качестве процедурно-рефлексивной рациональности, ориентирована на парадигму инфинитивной социальной системы-множества и обеспечивает синтез методологического холизма и атомизма посредством сочетания формально-универсальных и субъектив-

но-рефлексивных характеристик. Классическая и неклассическая философия права реализовывали рациональную рефлексию, соответственно, в форме метафизики или социокультурной дополнителности. Рациональность права в них трактовалась, соответственно, как природно-социальная или субъектно-социальная рациональность. Парадигма социальной системы, реализуемая в классической философии права, содержит предзаданные природно-социальные и теологические основания; парадигма, реализуемая в неклассической философии права, представляет социальную систему как многомерное пространства, функционирующее по принципу дополнителности. В синтезе методологического холизма и атомизма философско-правовая классика отдавала приоритет холизму, признавая автономность человеческого субъекта лишь в качестве части правового механизма; неклассическая же философия права приоритет рационального атомизма дополняла иррациональным холизмом [2, с. 233–237].

Философско-правовые взгляды П.И. Новгородцева в их совокупности принято обозначать как неокантианские. С точки зрения автора данной статьи, философско-правовое неокантианство является частным случаем ценностно-нормативной модели права. В таковом качестве ему присущи следующие черты: а) признание права в качестве ценности, что фактически означает признание за ним статуса трансцендентального принципа; б) проявление права как ценности в форме нормативного сознания, позволяющего высказывать абсолютные оценки в пространстве юридической семантики; в) выведение юридико-правового долженствования из должного как трансцендентального принципа; г) преднаходимость права в истории и культуре (традиции) [6, с. 166–176]. И по нашему мнению, правовая концепция П.И. Новгородцева с постнеклассической методологической позиции может быть интерпретирована следующим образом.

Исходным пунктом рассматриваемой философско-правовой концепции выступает автономная нравственная личность, которая может рассматриваться в качестве представителя родовой сущ-

ности. На родовом понимании личности основывается в теории П.И. Новгородцева представление о лице как носителе всеобщих и необходимых законов. Именно личность стремится к созданию общественного порядка, отражающего в одном лице сущность всего общества, которая включает в себя личную безопасность, свободу, равенство, собственность, солидарность. В заострённой форме этот индивидуализм формулируется им следующим образом: «... в наше время ... принцип личности ... понимают как начало идеальное и безусловное, которое не может и не должно быть связано с какой-либо определённой формой общественного устройства» [5, с. 47].

В пределах родовой сущности в качестве прирожденного права, из которого выводятся остальные её характеристики, понимается только свобода. Связанно это с тем, что свобода как родовая (в этом смысле – вневременная) сущность является основой индивидуальной свободной воли, которая в кантовской этической традиции выполняет функцию конститутивного принципа и которая, согласно П.И. Новгородцеву, является основой нравственной автономности личности. В свою очередь, необходимым условием реализации закономерности свободы воли является равенство.

Самоопределение свободновольящей личности происходит, по мнению П.И. Новгородцева, на основе кантовского императива, требующего относиться «... к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого ... как к цели ...» [3, с. 270]. Двойная направленность категорического императива – на себя и на другого, – позволяет говорить о самоопределении личности как сложении двух векторов. Отношение к себе как к собственной цели задаёт направление личностного роста индивида, в ходе которого он (вос) производит абсолютный идеал. Отношение как к цели к другому полагает границу произволу личности, что тождественно принятию по собственной воле обязанностей. Именно самоопределение личности как добровольное принятие на себя обязанностей согласно личностному понимаю абсолютного идеала и выступает «нравственной основой общественности», которая есть исходный пункт

общественной реальности. Он пишет: «... связь лиц между собою и обществом может быть выведена только из конкретного рассмотрения личности в полноте её определений и в её стремлении к высшему единству. ... автономный закон личной воли сам собою переходит в нравственную норму общения, а эта последняя становится основой личной жизни, – тем узлом, в котором сходятся индивидуальные различия» [5, с. 108].

Самоопределение личности как движение к абсолютному идеалу есть процесс трансцендирования, формообразованиями которого наряду с абсолютным идеалом являются нравственный закон личности и естественное право. В концепции П.И. Новгородцева триада «нравственный закон – естественное право – абсолютный идеал» есть развивающаяся нравственная идея, эволюция представлений личности от осознания ею своей нравственной природы к формулированию требований нравственной организации общества, на основе чего вырабатывается степень возможного сочетания личности и общества. Каждое из формообразований выступает как регулятив для различных сфер бытия. Нравственный закон направлен на самоорганизацию личности и выражает ее трансценденцию как индивидуального существа. Абсолютный идеал указывает на трансцендентное состояние общества как спроецированное вовне объективно-личностное сознание и призван наметить принцип социального устройства. Естественное право и есть принцип такого устройства, принцип организации структур и форм человеческого общежития, правового порядка, который добровольно принимается личностью в силу признания его как разумного и необходимого.

Одновременно с этим естественное право как одно из формообразований абсолютной ценности есть совокупность морально-нравственных представлений о праве (не о фактическом, а о должном праве), об идеальном построении будущего и нравственный критерий для оценки позитивного права, независимый от фактических условий правообразования. И в таком качестве естественное право предшествует волеустановлениям государства в форме

законов, является основой позитивного права и критерием и мерой его оценки. С этих позиций российский юрист настаивал на возрождении и внедрении в юриспруденцию «... естественного права с априорной методой, с идеальными стремлениями, с признанием самостоятельного значения нравственным началом и нормативным рассмотрением» [4, с. 12].

Краткая реконструкция философского аспекта правовой концепции П.И. Новгородцева позволяет выделить следующие её характерологические черты. Анализируемая концепция представляет собою вариант ценностно-нормативного обоснования права. При этом, естественное право приобретает динамический аспект – исторически изменчивое содержание при абсолютизации формы. И хотя благодаря этому П.И. Новгородцеву удаётся избежать метафизики в своём учении об естественном праве, он фактически вынужден его онтологизировать. Как формирование абсолютной ценности естественное право оказывается связано с индивидуальным сознанием, которое нормируется нравственным законом. Это нормирование претерпевает изменения под влияние динамики общественного идеала и иррациональной устремлённости индивидуального сознания к абсолютному идеалу.

Таким образом, можно утверждать, что при утверждении рациональности права П.И. Новгородцев реализует субъектно-социальную стратегию её обоснования, а рациональная рефлексия понимается им как оценка социальной реальности нравственным сознанием в контексте онтологизированного идеала.

В заключении статьи можно констатировать, что по своим характеристикам философско-правовая теория должна рассматриваться как одна из вариаций ранних неклассических философий права. В ней реализуются большая часть методологических и парадигмальных свойств теорий данного типа. В тоже время эта теория должна трактоваться как теория переходного типа, т.е. теория, в которой в форме положительной критики преодолевается классический тип философствования на правовую проблематику.

Наряду с критикой переходность теорий такого типа предполагает и преемственность. В частности, в теории П.И. Новгородцева не выполняется требование деаксиологизаций посылок теории. Отказывая естественному праву в метафизичности, П.И. Новгородцев сохраняет его онтологический статус посредством признания естественного права абсолютной ценностью.

Список литературы

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы филос. герменевтики. [Пер. с нем.] М.: Прогресс, 1988. 704 с.
2. Деникина З.В. Неклассическая и постнеклассическая философия права: М.: ВГНА Минфина России, 2008. 242 с.
3. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч.: в 6-и т. М.: Мысль, 1965. Т.4. Ч.1. С. 211–310.
4. Новгородцев П.И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая (издание студенческое). М.: типография Вильде, 1904 г. 108 с.
5. Новгородцев П.И. Об общественном идеале // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 13–522.
6. Пономарёв А.М. Дискурсивные аспекты права. Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития “Митра”, 2011. 244 с.
7. Стёпин В.С. Эволюция этоса науки: от классической к постнеклассической рациональности // Этос науки. М.: Academia, 2008. С. 21–47.
8. Шуман А.Н. Трансцендентальная философия. Мн.: Экономпресс, 2002. 416 с.

References

1. Gadamer H.-G. *Istina i metod. Osnovy filos. Germenevtiki* [Truth and Method]. М.: Progress, 1988. 704 p.
2. Denikina Z.V. *Neklassicheskaya i postneklassicheskaya filosofiya prava* [Non-classical and post-nonclassical philosophy of law]. М.: VGNA Minfina Rossii, 2008. 242 p.

3. Kant I. Osnovy metafiziki нравственности [Groundwork of the Metaphysics of Morals]. Kant I. *Sochineniya* [Works]: in six volumes. M.: Mysl', 1965. V.4. Part 1, pp. 211–310.
4. Novgorodtsev P.I. *Iz leksiy po obshchey teorii prava. Chast' metodologicheskaya (izdanie studencheskoe)* [From lectures on the general theory of law. Some methodological (Student Edition)]. M., 1904. 108 p.
5. Novgorodtsev P.I. Ob obshchestvennom ideale [On the social ideals]. Novgorodtsev P.I. *Ob obshchestvennom ideale* [On the social ideals]. M.: Pressa, 1991, pp. 13–522.
6. Ponomarev A.M. *Diskursivnye aspekty prava* [Discourse aspects of the law]. Izhevsk: Mitra, 2011. 244 p.
7. Stepin V.S. Evolyutsiya etosa nauki: ot klassicheskoy k postneklassicheskoy ratsional'nosti [Evolution ethos of science: from classical to post non-classical rationality]. *Etos nauki* [Ethos of science]. M.: Academia, 2008, pp. 21–47.
8. Shuman A.N. *Transtsendental'naya filosofiya* [Transcendental philosophy]. Mn.: Ekonompress, 2002. 416 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Пономарёв Алексей Михайлович, директор Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН, доктор философских наук
Институт философии и права УрО РАН
ул. Софьи Ковалевской, 16, г. Екатеринбург, Свердловская область, 620990, Российская Федерация
amp08@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ponomarev Aleksei Mikhailovitch, Director of the Udmurt branch of the Institute of Philosophy and Law of UB of RAS, Doctor of philosophical science
Institute of philosophy and law of UB of RAS
16, Sofia Kovalevskaia Str., Ekaterinburg, Sverdlovskaya oblast, 620990, Russian Federation
amp08@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-106-114

УДК 1 (091)

ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА И ГУМАННОСТЬ В ФИЛОСОФИИ И.Г. ГЕРДЕРА

Самылов О.В., Симоненко Т.И.

Цель. *Целью работы является рассмотрение философских оснований гердеровской концепции образования и воспитания в ее отношении к культуре и принципу гуманности.*

Метод или методология проведения работы. *В статье используются аналитический, сравнительно-исторический методы.*

Результаты. *В результате исследования обнаруживается тесная взаимосвязь натурфилософии И.Г. Гердера и его философии культуры, смысл которой реализуется в гуманизации человека и общества. Развертывается специфика понимания немецким просветителем образования как «возрастания гуманности», заключающаяся: а) в наличии стремления человека к собственному преобращению, поиску человечности; б) в постепенном, но неуклонном характере процесса гуманизации, или обретения человеком духовной формы его внутренней жизни; в) в соотношении традиции и инноваций, указывающем на диалектический, двойственный процесс гуманизации; г) возможности культивирования человечности в обществе, созданном человеком пространстве культуры.*

Область применения результатов. *История философии, история педагогики, культурология.*

Ключевые слова: *образование; культура; гуманность; И.Г. Гердер.*

EDUCATION, CULTURE AND HUMANITY IN THE PHILOSOPHY OF J.G. HERDER

Samylov O.V., Simonenko T.I.

Purpose. *The purpose of the article is to analyze the philosophical foundations of Herder's concepts of education and upbringing in its relation to culture and humanity.*

Methodology. *Authors use analytical and comparative-historical methods.*

Results. *The conducted research finally shows a close connection between natural philosophy of J.G. Herder and his philosophy of culture purpose of which is in humanization of a human and society. Article reveals specific characteristics of understanding education by the German enlightener as “escalation of humanity” which means: a) desire of a human for self-transformation, search of humanity; b) step by step but steady feature of the process of humanization or a person’s finding of a spiritual form of her internal life; c) balance between tradition and innovation which shows that the process of humanization is dialectical, dual; d) possibilities of cultivation of humanity in society and cultural space created by a human.*

Practical implications. *History of philosophy, history of pedagogy, cultural studies.*

Keywords: *education; culture; humanity; J.G. Herder.*

Проблемы образования и культуры имели в немецкой философии XVIII–XIX вв. наиважнейшее значение. Тематизация образования, воспитания и культуры в эпоху Просвещения – это, с одной стороны, реализация общепросветительских установок, с другой – выполнение насущных социальных запросов, продиктованных необходимостью реформирования существующей системы образования. Сам термин «Просвещение» (Aufklärung) тесно связывался в сознании немецких философов данной эпохи с понятием «образование» (Bildung), «воспитание» (Erziehung), «культура» (Kultur). Более того, обсуждение этой темы становится лейтмотивом философствования. Процесс образования трактуется в целом как процесс осуществления человеком задатков и возможностей, которые заданы природой, а также связывается с той особой сферой человеческой жизни, которая формулируется (наиболее отчетливо у И. Аделунга и И. Гердера) как «культура» и «гуманность» [2].

Иоганн Гердер, рассматривая воспитание и образование в контексте культуры, придал дискурсу об образовании явственную

гуманистическую направленность. Особенное значение здесь имеет гердеровская концепция «возрастания гуманности».

Человек, согласно И. Гердеру, есть венец, результат «восхождения», развития органических сил и далее развития в плоскости культуры, по линии «возрастания гуманности». Восхождение совершается от камня к кристаллу, от растений к животному, от животного к человеку. Эта мысль получает обоснование посредством категории силы. «... Царит во всем *ряд восходящих сил*, царит в незримом царстве творения, а мы видим проявление их в царстве зримом» [1, с. 117]. Сила в данном контексте трактуется как первопричина по отношению к форме, наделяющей ее жизнеспособностью. Все в природе находится в состоянии развития, те же принципы действуют и в человеческом обществе на уровне индивидов, государства и т.д. Каждая субстанциальная сила дает толчок и основание для усовершенствования органа, который движется из хаоса к порядку, внутреннему увеличению и совершенствованию сил.

Субстанциальный и «деятельностный» характер бытия позволил И. Гердеру это движение трактовать как самодвижение, как изменение качества развивающейся вещи, т.е. уже как развитие. К такому пониманию развития приходит он в зрелый период своего философского творчества – в период подготовки и создания «Идей к философии истории человечества». В 60-х и начале 70-х годов XVIII века молодой философ трактует развитие еще в духе преформизма (об этом свидетельствует его письмо М. Мендельсону от 1 декабря 1769 года). Здесь употребляется еще не понятие «Bildung», «Entwicklung» (образование, развитие), а «Ausbildung» (развертывание) – развитие из предустановленного содержания. Автор письма обсуждает проблему становления духовных потенций человека и солидаризируется с М. Мендельсоном в том, что «развертывание духовных сил дает навыки (Fertigkeiten)» [6, с. 51]. Однако позднее, преодолевая в своей концепции понимание развития как воспроизведения заранее данного образца, как количественного накопления, в работе «Идей к философии исто-

рии человечества» (1784–1797) И. Гердер приходит к выводу, что органические силы действуют генетически (как вечно творящие, порождающие одно состояние другим), и начинает использовать для выражения этого аспекта понятие «Bildung» (образование, порождение, генезис). Таким образом, «Kraft» (сила) становится «Einbildungskraft» (порождающей органической силой) [1, с. 126–131]. Иерархия форм жизни в гердеровской философии строго структурирована. Сначала возникают низшие формы, затем высшие – растения, животные, человек. Это означает, что человек образуется постепенно. Благодаря имманентной силе развития, главным внутренним стремлением с момента собственного происхождения становится обретение формы, которая соответствует человеку и человечности. При этом человеческое, гуманное не принадлежит человеческой природе от рождения, а именно воспитывается, вырабатывается в процессе усилий всего человеческого рода [1, с. 228–234].

Становление гуманности далеко не прямолинейный процесс, а сложное развитие, сочетающее прогресс и регресс, но в целом – «движение вперед» (Fortgang) и означает постоянное совершенствование человека [3]. Природа человека, его разум, чувство, фантазия, понимание и нравственность становятся исторически переменчивыми, формирующимися посредством действия географических факторов и одновременно, благодаря «созданиям духа» человека, социальным и политическим компонентам. Становление гуманности происходит не прямо, а, по Гердеру, во всевозможных направлениях и отклонениях. Гуманность (как равнозначные здесь употребляются термины «Humanität» и «Menschheit») придает единство развитию всего человеческого рода [3, с. 46]. Гуманность становится нормой для индивидуума, содержанием его морального развития как исторической перспективы, содержанием и целью всемирно-исторического процесса.

Становление гуманности для И. Гердера – объективно-субъективный процесс. С одной стороны, гуманность – следствие разумного устройства мироздания, с другой – гуманность человек

вырабатывает «из себя», благодаря активному характеру человеческой деятельности, для обозначения которого употребляется термин «дух» (Geist), что выражает активное преобразующее начало во всем немецком идеализме. Поскольку становление гуманности обращено для философа в бесконечность, гуманность оказывается своеобразным стержнем исторического процесса, той скрепой, к которой всё историческое устремляется как к совершенству. Отсюда главным предметом обсуждения для Гердера в его «Письмах...» является «прогресс и регресс гуманности в древнейшее и в новейшее время, но большей частью в за ними следующие времена» [3, s. 46].

Дух гуманности неуклонно возрастает в истории. Наука и искусство содействуют прогрессу человечества, который мыслится в данном случае в трех тесно связанных между собой плоскостях: в разуме (Vernunft) (область научного познания), в справедливости (Billigkeit) (область общественного устройства) и в благе (Gute) (область морального сознания) [3, s. 71]. «...Все науки и искусства не имеют никакой другой цели, если они претендуют на истину, кроме той, чтобы нас гуманизировать» [3, s. 81].

Проблема прогрессивного, поступательного развития человечества смыкается в философии И. Гердера с необходимостью нравственного совершенствования человечества, что становится возможным путем воспитания, распространения гуманности. Рост знаний, разумное устройство общества не решает автоматически нравственные проблемы. Воспитание в человеке разума, свободы, высоких помыслов и устремлений сил и здоровья, господство над природой – должно, по мысли философа, стать приоритетным направлением движения общества к своему высшему состоянию. Гердер в этом пункте отходит от морального телеологизма, провозглашая воспитание и образование главным элементом своей программы переустройства мира по законам гуманности.

«Возрастание гуманности», определяемое автором «Писем...» процессом воспитания, предполагает усвоение и совершенство-

вание человеком опыта прошлых эпох, предшествующих поколений, вхождение в традицию, слагаемую из совокупности обдуманых и проверенных, укрепленных «практическим разумом» целесообразных действий, представлений, выражающих именно данный способ удовлетворения жизненных потребностей и формирующий особый «характер народа». Особую роль в закреплении традиции и в её передаче играет семейное воспитание (именно семья является в концепции И. Гердера той «первичной ячейкой», в которой происходит первое приобщение человека к традициям, далее продолжающееся со стороны общественных институтов). Так формируется индивидуум как член данного общества. Ребенок «изучает язык при помощи своих родителей и с языком воспринимает знания, законы, право» [5, s. 243]. Именно язык является, по мнению Гердера, тем средством, через которое воспринимается традиция, культура. Упражнение и подражание также являются средством усвоения традиции. «Всё воспитание, – подчеркивает мыслитель, – становится возможным только благодаря подражанию и упражнению, таким образом, благодаря переходу образца в копию...» [5, s. 244].

Традиция, с точки зрения И. Гердера, не исключает и инновации. А потому динамика культурной традиции, по его мнению, заключается в том, что, с одной стороны, происходит постоянный процесс накопления культурного опыта, с другой – замещение одних видов стереотипов («привычек», образцов действия и т.д.) другими, образование новых, предполагающих совершенствование человеческого рода в целом. Однако становление человеческого рода может сопровождаться и временными отступлениями назад, потерей традиции. Человек передает свой опыт, знания о природе, образование, обучение далее через традицию, и это богатство либо остаётся неизменным как святыня, либо умножается, либо извращается (*verfälschet*) [Ibid.].

Усвоение традиции из поколения в поколение представляет собой процесс образования культуры и носит бесконечный характер. Это и есть, подчеркивает И. Гердер, культура, т.е. второе

рождение человека в отличие от естественного, физического. «... Воспитание человеческого рода, – отмечает философ, – это процесс и генетический, и органический; процесс генетический – благодаря передаче, традиции, процесс органический – благодаря усвоению и применению переданного. Мы можем как угодно назвать этот генезис человека во втором смысле, мы можем назвать его *культурой*, то есть возделыванием почвы, а можем вспомнить образ света и назвать *просвещением*, тогда цепь культуры и просвещения протянется до самых краев земли... Различие между народами просвещенными и непросвещенными, культурными и некультурными – не качественное, а только количественное [1, с. 230]. Культура, таким образом, выступает в данном произведении прежде всего как историческое явление, получающее на каждом конкретном этапе истории, для каждого народа (на какой ступени общественного развития он бы не находился) особую конкретную форму существования.

Умственное и моральное совершенствование человека является в свою очередь, по И. Гердеру, средством всеобщего просвещения и воспитания человечества. Философ пишет о необходимости создания дидактического изложения основ теологии, морали и всех других наук, своего рода всеобщего учебника гуманности. «Я хотел бы как человек писать для человека, это должно учить и образовывать, содержать основания психологии развития души, также онтологию, космологию, теологию, физику! Это должна быть живая логика, эстетика, историческая наука и история искусств... Книга к человеческому и христианскому образованию» [4, с. 296]. Мечтая создать универсальную книгу для просвещения и воспитания человека, Гердер основное место в ней уделяет философски осмысленному обзору всемирной истории с точки зрения потребности в ней современности. Эта идея (воззрение на историю под углом задач современности, прежде всего извлечение из многовекового опыта человечества фактов, могущих воздействовать дидактически, морализаторски) в целом типична для философии истории века Просвещения.

Познание сущности человека, выявление соответствия или несоответствия этой сущности «духу гуманности» и на этой основе совершенствование и воспитание личности стоит в центре гердеровской программы образования, понимаемого в широком смысле, как гуманизация человеческого общества.

Список литературы

1. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 704 с. 2. Самылов О.В. Становление историзма в философии немецкого просвещения (Иоганн Гердер). СПб.: СПбГУСЭ, 2011. 160 с.
3. Herder J. Briefe zu Beförderung der Humanität // Herders Werke in fünf Bänden. Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag. 1982. B. 5. S. 45–361.
4. Herder J. Journal meiner Reise im Jahr 1769 // Herders Werke in fünf Bänden. Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag. 1982. B. 1. S. 271–386.
5. Herder J. Vom Einfluss der Regierung auf die Wissenschaften und der Wissenschaften auf die Redierung // Herders Werke in fünf Bänden. Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag. 1982. B. 3. S. 239–340.
6. Herder J. Herders Briefe in einem Band. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1983. 508 s.

References

1. Gerder J.G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Idei k filosofii istorii chelovechestva]. M.: Nauka, 1977. 704 p.
2. Samylov O.V. *Stanovlenie istorizma v filosofii nemetskogo prosveshcheniya (Iogann Gerder)* [The emergence of historicism in the philosophy of the German enlightenment (Johann herder)]. SPb.: SPbGUSE, 2011. 160 p.
3. Herder J. Briefe zu Beförderung der Humanität. Herders Werke in fünf Bänden. Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag. 1982. B. 5, pp. 45–361.
4. Herder J. Journal meiner Reise im Jahr 1769. Herders Werke in fünf Bänden. Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag. 1982. B. 1, pp. 271–386.

5. Herder J. Vom Einflus der Regierung auf die Wissenschaften und der Wissenschaften auf die Redierung. Herders Werke in fünf Bänden. Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag. 1982. B. 3, pp. 239–340.
6. Herder J. Herders Briefe in einem Band. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1983. 508 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Самылов Олег Валерьевич, профессор, доктор философских наук,
доцент

*Петербургский государственный университет путей со-
общения Императора Александра I*

*Московский пр., 9, г. Санкт-Петербург, 190031, Российская
Федерация*

os@rusk.ru

Симоненко Татьяна Ивановна, доцент, кандидат философских
наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

*Университетская наб., 7/9, г. Санкт-Петербург, 199034, Рос-
сийская Федерация*

ts@rusk.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Samylov Oleg Valer'evich, Professor, Full Doctor of Science (Philos-
ophy), Docent

Petersburg state transport University of Emperor Alexander I

9, Moskovsky Ave, St.-Petersburg, 190031, Russian Federation

os@rusk.ru

Simonenko Tat'yana Ivanovna, Associate Professor, Candidate of
Science (Philosophy), Docent

St.-Petersburg State University

*7/9, Universitetskaya nab., St.-Petersburg, 199034, Russian Fede-
ration*

ts@rusk.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-115-128

УДК 37.06

СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК МЕХАНИЗМ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Смышляева Т.В., Обидина Ю.С.

Цель. В статье рассмотрены механизмы конструирования социокультурной реальности в процессе социализации молодежи на примере деятельности студенческого самоуправления. В качестве исследовательской базы представлена деятельность студенческого самоуправления в Марийском государственном университете (МарГУ). Организация студенческого самоуправления рассматривается с трех точек зрения: социокультурной, правовой, экономической.

Метод или методология проведения работы. Для достижения поставленных целей применялся комплекс методов: метод теоретического моделирования, эмпирический метод, социологический опрос и анкетирование студентов.

Результаты. Дан анализ программы развития деятельности студенческих объединений (ПРДСО), показаны положительные и отрицательные моменты реализации данной программы в стенах МарГУ. Сделан вывод о том, что условия развития современной цивилизации ставят перед институтами образования и воспитания новые задачи, направленные на гуманизацию социокультурного пространства.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены для развития социокультурного пространства вузов посредством деятельности студенческого самоуправления, организации воспитательной работы в вузе.

Ключевые слова: студенческие объединения; социокультурный аспект; расходы на образование; студенческое самоуправление;

социальное лидерство; личные качества; социализация; молодежная политика.

STUDENT GOVERNMENT AS A MECHANISM FOR CONSTRUCTION SOCIOCULTURAL REALITY

Smyshlyaeva T.V., Obidina Y.S.

Purpose. *The article tells about the mechanisms of constructing social and cultural reality in the process of socialization of young people on the example of the student self-government. The research base is represented by the activities of the student self-government at the Mari State University (MarSU). Organization of student self-government is viewed from three perspectives: sociocultural, legal, economic.*

Methodology. *To achieve this purpose, complex of methods was used: theoretical modeling method, empirical method, an opinion poll and survey of students.*

Results. *The analysis of the Development Program of Activities of Student Associations shows economic aspects of this program within the MarSU. It was concluded that the conditions for the development of modern civilization set for education and training institutions new tasks aimed at the humanization of social and cultural space.*

Practical implications. *The research results can be applied to the development of universities sociocultural space through the activities of the student self-government, the organization of educational work at the university.*

Keywords: *student associations; sociocultural aspects; education expenditures; student's self-government; social leadership; personal qualities; socialization; youth policy.*

Особую актуальность проблема существования системы образования в коммуникативном пространстве современной цивилизации приобретает в связи с изменяющимися возможностями и перспективами трансформации социокультурной реальности в условиях ин-

формационной цивилизации или общества знаний. Термин «общество знаний» все чаще используется в современной научной и философской литературе для конкретизации объема количественных и качественных изменений социальной среды под влиянием реалий постиндустриальной цивилизации. В данном процессе происходит усиление роли университетов как центров науки и культуры, которые конструируют образы социальной реальности с новых позиций.

Как показывает практика, личность и общество не могут существовать без приобретения опыта коммуникативного поведения, которое формируется, прежде всего, в образовательном пространстве. Но перед лицом новых вызовов времени, люди, особенно молодежь, оказались в сложном положении не всегда успешного поиска новых механизмов адаптации к современным социокультурным условиям. Кроме того, необходимо учитывать и один из важнейших аспектов историко-культурного развития человеческого общества – опыт конструирования коммуникативной реальности, который накапливался веками. При отсутствии новых механизмов регламентации общественных связей между людьми основная нагрузка по сохранению историко-культурной преемственности ложится на институты образования и духовно-нравственные установки самого человека [6, с. 19].

Сложные процессы межкультурного взаимодействия, особенно в молодежной среде, вызваны, в том числе, и ослаблением морально-нормативной регуляции поведения человека [12]. Возникает вопрос – как преодолеть разрушающее воздействие аномии на человека в рамках современной образовательной среды. И здесь, на наш взгляд, раскрываются широкие возможности системы образования. Одним из способов выхода из кризиса на сегодняшний день в российском образовательном пространстве является студенческое самоуправление. Одной из задач этого института является легитимация, т.е. создание процесса передачи новых институализированных объективаций новым поколениям.

Механизмы конструирования социокультурной реальности в процессе социализации молодежи реально осуществимы в совре-

менной образовательной среде [1]. Во-первых, образовательная среда дает многообразие видов деятельности и коммуникационных возможностей в ходе образовательного и воспитательного процессов [13, с. 240], во-вторых, имеет узаконенные связи с другими социальными институтами.

Еще Э. Дюркгейм писал о механизмах конструирования социальной реальности, рассматривая проблему взаимоотношения общества и личности [2]. Вслед за ним Р. Мертон, рассуждая о возникновении аномических ситуаций, говорил об определенных условиях человеческой среды, понимаемой им как общественной, и вместе с тем, как культурной структуры. Э. Тоффлер рассматривает данную проблему с новой точки зрения, в контексте сравнительного анализа различных обществ [8].

Исследования Г. Бергера и Н. Лукмана о создании определенных социальных структур, базирующихся на повторяющихся образцах взаимодействия и механизмах социокультурного конструирования реальности в рамках учебно-образовательной и воспитательной деятельности, позволили нам предположить, что студенческое самоуправление может изменить смысл и значение коллективных установок в условиях изменяющейся реальности [9]. Именно в рамках образовательного пространства новые смыслы и значения имеют шанс стать актуальными, институализироваться и быть переданными последующим поколениям. При этом они должны стать моральными и юридически установленными образцами коммуникативного поведения. Поскольку воспитательный потенциал данных способностей формируется именно в образовательной среде, обратимся к практике студенческого самоуправления, складывающейся в российских вузах.

Сегодня советы обучающихся созданы в 80% профессиональных образовательных организаций Российской Федерации. Федеральная программа «Студенческое самоуправление» реализуется с 2006 года. Целевая аудитория программы – студенты и аспиранты профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования, органы студенческого са-

моуправления, студенческие объединения, специалисты по работе со студенческой молодежью.

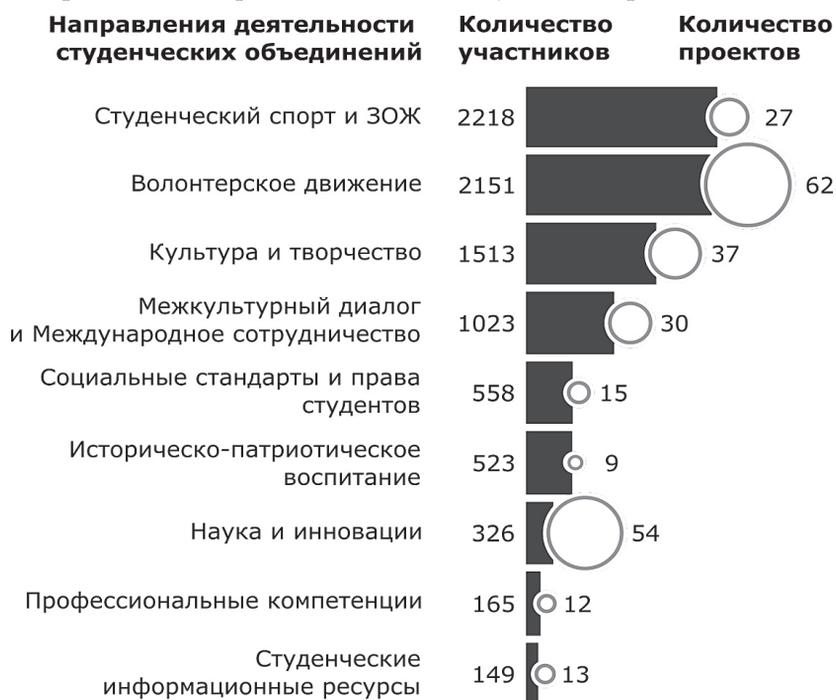
В социально-философском аспекте самоуправление рассматривается как черта высокоорганизованных целостных систем, поскольку самоуправление соотносится с саморегулированием и саморазвитием социокультурных институтов, входящих в эту систему. Исторически самоуправление получило широкое развитие в России. Однако исследования на эту тему в основном касаются административно-территориального управления, являющегося формой публичной власти. Мы полагаем, что подобная модель не может быть применена для концепции студенческого самоуправления, так как студенческое самоуправление нуждается в особом философском переосмыслении и теоретической разработке.

Особенности организации студенческого самоуправления можно рассмотреть с трех различных аспектов: социокультурного, правового, экономического.

Стабильность общества во многом зависит от развития ответственности его членов. В онтологическо-аксиологическом аспекте ответственность – это выбор максимально полезной, гарантирующей успех позиции субъектов [10, с. 136]. Особое значение в связи с этим имеет воспитание у молодых людей стремления к ответственному поведению. Социокультурная практика предполагает взаимодействие духовной культуры со способами взаимодействия индивидов по поводу создания и распределения духовных и материальных благ. Практическое закрепление навыков самоуправления и ответственного поведения молодежи обеспечит перенос опыта из одних социальных практик в другие. Человек, находясь в социальном статусе студента имеет взаимосвязь с социокультурной средой вуза, реализуя и развивая в ней свои навыки самоорганизации и ответственности, основополагающие навыки для начала трудовой деятельности, осуществления и реализации своих гражданских прав и свобод (избирать и быть избранным) [11]. Эти навыки в дальнейшем играют ключевую роль при смене социального статуса со студента на статус работника и при осознании своей гражданской ответственности.

сти перед обществом и государством. В настоящее время остро стоит задача развития студенческой активности и студенческого самоуправления, активизации деятельности студенческих объединений для достижения целей деятельности образовательного учреждения и государства, которые одновременно выступают точками роста в процессе развития гражданского общества [7, 15].

Социокультурное пространство, в котором действуют студенческие объединения, охватывает все сферы жизни общества [5, с. 200]. Оно не имеет окончательно определённой формы и постоянно изменяется, в зависимости от потребностей общества, государства, студенческих объединений и их участников. Чтобы получить представление о направлении деятельности студобъединений в российских вузах, мы провели исследование основных направлений общественной работы, в которой задействованы студенты МарГУ.

Рис. 1. Направления деятельности и проекты студенческих объединений МарГУ

В структуру ССиА МарГУ входят 11 советов студентов и аспирантов факультетов и институтов, а также студенческие объединения по направлениям деятельности (Рис. 1). Каждое из направлений представляет собой систему взаимосвязанных студенческих объединений, реализующих программу развития в соответствующей сфере. Работа ведется в форме разработки и реализации студенческих проектов.

Таким образом, студобъединения имеют статус общественного объединения, которые могут быть как зарегистрированы в качестве юридического лица, так и нет. Формы этих общественных объединений могут быть разными, имеющими разный объем юридических прав и обязанностей. Так, например, среди студенческих объединений МарГУ можно выделить такие формы как общественная организация, общественное движение, орган общественной самодеятельности. Однако, статус юридического лица оказывается краеугольным камнем в судьбе студенческого объединения [3, с. 85].

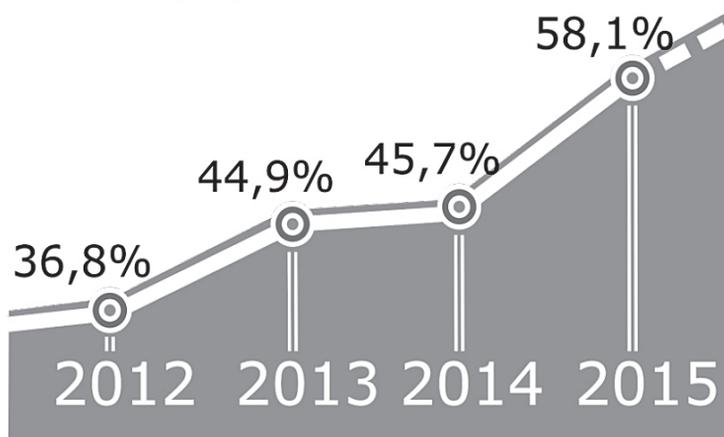
Общественное движение и орган общественной самодеятельности не подразумевают членства, что обуславливает непостоянный состав их участников и по кругу лиц и по количеству. В качестве примера можно привести динамику увеличения участников волонтерского движения: в 2015 году наблюдается резкое увеличение числа волонтеров в связи с массовым участием студентов в деятельности «Волонтерского корпуса 70 лет Победы» и мероприятиях патриотической направленности (Рис. 2).

Тем не менее, студенты сотрудничают преимущественно в рамках проектной деятельности, объединяясь для реализации конкретной инициативы, после реализации проекта они, как правило, покидают его. С другой стороны, время участия студента в проекте ограничено временем его обучения в вузе [14, с. 105]. Подобные обстоятельства определяют нестабильность и текучесть кадрового состава участников студенческих объединений.

В целях развития деятельности студенческих объединений государством выделяются специальные средства в размере двукратного месячного размера стипендиального фонда по образователь-

ным программам высшего образования для организации культурно-массовой, физкультурной и спортивной, оздоровительной работы со студентами. Все эти направления являются составной частью внеучебной работы со студентами. Оба направления стимулируют общественную гражданскую активность. Таким образом, цели этих форм воспитательной работы совпадают с соответствующими направлениями студенческого самоуправления.

Количество студентов, вовлеченных в волонтерскую деятельность

Рис. 2. Динамика изменения доли обучающихся МарГУ в волонтерском движении

В ходе опроса студентов МарГУ выявлена любопытная закономерность: удовлетворенность качеством культурно-массовой и физкультурно-оздоровительной работы со студентами коррелирует с удовлетворенностью работой студенческого самоуправления (Рис. 3). Это свидетельствует о тесном взаимопроникновении воспитательной работы и студенческого самоуправления, что в восприятии студентов они неразрывно связаны.

В связи с присоединением России к Болонскому процессу студенческое самоуправление стало частью организационной структуры вуза [4]. В соответствии с федеральным законом от

29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» обучающиеся имеют право на создание и участие в общественных объединениях обучающихся в установленном федеральным законом порядке. Студенческие объединения создаются по инициативе обучающихся в целях учета мнения обучающихся при принятии образовательной организацией локальных нормативных актов, затрагивающих их права и законные интересы. Реализацию этих прав студенческих объединений мы можем видеть, например, в том, что руководитель объединенного совета обучающихся согласует Программу развития деятельности студенческих объединений (ПРДСО).

Удовлетворенность качеством направлений воспитательной работы и работой студенческого самоуправления

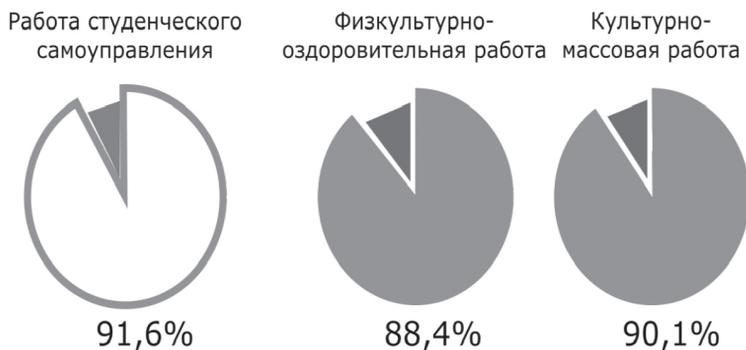

Рис. 3. Сравнение удовлетворенности студентов качеством направлений воспитательной работы и работой студенческого самоуправления

Положение о конкурсном отборе ПРДСО указывает, что «ответственность за реализацию и конечные результаты программы несет руководитель образовательной организации и руководитель Совета в соответствии с законодательством Российской Федерации и разделом 4 Программы». Однако, здесь возникает коллизия. Поскольку средства, выделяемые на реализацию программы, являются финансовым обеспечением выполнения государственного задания образовательными организациями высшего образования,

расходование средств происходит строго в соответствии с порядком осуществления финансово-хозяйственной деятельности вуза. Законодательно ответственность за распоряжение денежными средствами вуза возложена на руководящие органы и должностные лица, но руководитель объединенного совета обучающихся таковым статусом не обладает. То же самое можно сказать и о правовой природе финансирования культурно-массовой, физкультурной и спортивной, оздоровительной работы со студентами. Таким образом, закон указывает, что студенчество выступает в качестве объекта, на который направлена деятельность, финансируемая государством, но не субъекта этой деятельности. Студенческие объединения выступают исполнителями решений органов управления вуза и, не имея финансовой самостоятельности, лишены самоуправления как таковой.

Условия развития современной цивилизации ставят перед институтами образования и воспитания новые задачи, вызванные целым комплексом гуманистических проблем нашего времени. Очевидно, что неразработанность социокультурных механизмов адаптации молодежи к новым условиям усугубляет проблему выбора ценностных ориентаций и поведения. Но сама система образования в силу своей консервативности не в состоянии угнаться за изменяющимися социокультурными процессами и выработать механизмы адаптации молодежи к реалиям современного мира. При нынешней модели существования студенческого самоуправления – это скорее декларативная деятельность, основанная на элементах игры, не позволяющая молодежи в целом, и студенчеству в частности принимать активное участие в общественной деятельности. Реализация инновационной модели управления образованием требует разработки новых методологических подходов к исследованию проблемы менеджмента образовательного процесса, и студенческого самоуправления, как его неотъемлемого компонента.

Решением поднятой в статье проблемы могла бы стать регистрация студенческих объединений в качестве юридического лица.

В таком статусе студенческие объединения обладали бы гражданской правосубъектностью, необходимой для ведения финансово-хозяйственной деятельности, заключения сделок, несения гражданско-правовой ответственности. Только имея возможность самостоятельно распоряжаться средствами, направленными на реализацию общественно полезных инициатив в области внеучебной деятельности, студенческая молодежь может эффективно проявлять и развивать свои гражданские качества и ответственность в широком социальном пространстве.

Список литературы

1. Гребенюк Е.Н. Моделирование системы студенческого самоуправления вуза: синергетический подход: монография. Астрахань: Астраханский гос. ун-т, 2012. 166 с.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
3. Кирюшина Н.Ю. Правовые основы социальной активности студенчества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3(2). С. 84–86.
4. Лежнина Л.В., Шишковский В.И. Концептуальные основы интеграции российской и европейской образовательных систем // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 6 (69). С. 115–119.
5. Муртазин Р.А. Развитие аксиологического потенциала студентов университета в системе студенческого самоуправления // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 2. С. 198–202.
6. Образование. Культура. Язык: монография / Под общ. ред. Е.П. Савруцкой. СПб.: Издательство РХГА, 2014. 232 с.
7. Старова Т.Э. Студенческое самоуправление как условие формирования гражданской культуры // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 6–3. С. 112–115.
8. Тоффлер Э. Шок будущего. М: АСТ, 2001. 558 с.
9. Федотова В.Г. Социальное конструирование приемлемого для жизни общества // Вопросы философии. 2003. № 11. С. 3–18.

10. Шаров Н.Ф. Ответственность как социальная проблема / Шаров Н.Ф. //Вектор науки ТГУ. 2009. № 5(8). С. 133–138.
11. EACEA Eurydice. Citizenship education in Europe. Bruxelles, Education, Audiovisual and Culture Executive Agency, 2012. 148 с.
12. Luescher-Mamashela T.M. Student representation in university decision making: good reasons, a new lens?//Studies in Higher Education. 2013. no 38(10), pp. 1442–1456.
13. Obidina Y., Rybakova S., Smyshlyaeva T., Belorusov R., Kozlov P. Development of Communication among the Members of the Youth Policy //Review of European Studies. 2015, no 7(8), pp. 237–244.
14. Park S.Y., Cha S.-B., Lim K., Jung S.-H. The relationship between university student learning outcomes and participation in social network services, social acceptance and attitude towards school life//British Journal of Educational Technology, 2014, no 45(1), pp. 97–111.
15. Rochford F. Bringing them into the tent – student association and the neutered academy Studies in Higher Education, 2014, no39 (3), pp. 485–499.

References

1. Grebenyuk E.N. *Modelirovanie sistemy studencheskogo samoupravleniya vuza: sinergeticheskii podkhod: monografiya* [System modeling of student’s self-government at university: a synergetic approach: monograph]. Astrakhan: Astrakhanskii gos. un-t, 2012. 166 p.
2. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labour in Society]. Moscow: Canon, 1996. 432 p.
3. Kiryushina N.Y. Pravovye osnovy sotcialnoi aktivnosti studenchestva [Legal basis for social activity of students] *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Lobachevsky State University Of Nizhny Novgorod Bulletin], no 3(2) (2013): pp. 84–86.
4. Lezhnina L. Shishkovsky V. Kontseptualnye osnovy integratsii rossiiskoi i evropeiskoi obrazovatelnyh system [Conceptual Basis of Integration of Russian and European Educational Systems]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no 6(69) (2007): pp. 115–119.

5. Murtazin R.A. Razvitie aksiologicheskogo potentsiala studentov universiteta v sisteme studencheskogo samoupravleniya [The development of axiological potential of university students in the system of student's self-government]. *Mir nauki, kultury I obrazovaniya* [World of science, culture and education], no 2 (2011): pp. 198–202.
6. *Obrazovanie. Kultura. Yazyk.* [Education. Culture. Language] Edited by E. Savrutskaya. Saint Petersburg.: RCHA, 2014. 232 p.
7. Starova T.E. Studencheskoe samoupravlenie kak uslovie formirovaniia grazhdanskoi kultury [Student government as a condition of formation of civil culture]. *Aktuaknye problemy gumanitarnykh I estestvennykh nauk* [Actual issues of of natural sciences and humanities], no 6-3 (2016): pp. 112–115.
8. Toffler A. *Shok buduschego* [Future Shock]. Moscow: AST, 2001. 558 p.
9. Fedotova V.G. Sotsialnoe konstruirovaniye priemlemogo dlia zhizni obshchestva [The Social Construction acceptable to society]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], no 11 (2003): pp. 3–18.
10. Sharov N.F. Otvetstvennost kak socialnaya problema [Responsibility as a social problem]. *Vektor nauki TGU* [Vector of science], 5(8) (2009): pp. 133–138.
11. *EACEA Eurydice. Citizenship education in Europe.* Bruxelles: Education, Audiovisual and Culture Executive Agency, 2012. 148 p.
12. Luescher-Mamashela T.M. Student representation in university decision making: good reasons, a new lens? *Studies in Higher Education*, no 38 (10) (2013), pp. 1442–1456.
13. Obidina Y., Rybakova S., Smyshlyaeva T., Belorusov R., Kozlov P. Development of Communication among the Members of the Youth Policy. *Review of European Studies*, no 7(8) (2015): pp. 237–244.
14. Park S.Y., Cha S.-B., Lim K., Jung S.-H. The relationship between university student learning outcomes and participation in social network services, social acceptance and attitude towards school life. *British Journal of Educational Technology*, no 45(1) (2014): pp. 97–111.
15. Rochford F. Bringing them into the tent – student association and the neutered academy. *Studies in Higher Education*, no 39 (3) (2014): pp. 485–499.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Смышляева Татьяна Валерьевна, аспирант кафедры философии и социологии
Марийский государственный университет
Площадь Ленина, 1, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл,
424000, Российская Федерация
enotovidnaya@gmail.com

Обидина Юлия Сергеевна, профессор кафедры философии и социологии, доктор философских наук
Марийский государственный университет
Площадь Ленина, 1, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл,
424000, Российская Федерация
basiley@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Smyshlyaeva Tatyana Valerevna, Graduate Student of Philosophy and Sociology
Mari State University
Lenin Square, 1, Yoshkar-Ola, Mari El Republic, 424000, Russian Federation
enotovidnaya@gmail.com

Obidina Yuliya Sergeevna, Professor of Philosophy and Sociology, Ph.D.
Mari State University
Lenin Square, 1, Yoshkar-Ola, Mari El Republic, 424000, Russian Federation
basiley@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-129-141

УДК 130.2

О ПОНЯТИИ СОЦИОКОДА У М.К. ПЕТРОВА: СМЫСЛ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМАТИКА

Соваков Б.Н.

***Цель.** В статье уточняется герменевтическое значение понятия социокода и делается попытка определить его онтологический характер. Объясняется, как использование этого понятия может углубить общую парадигматику феномена понимания и методологию исследований смыслообразования в философии, социологии и культурологии.*

***Методология проведения работы.** В основе исследования лежит метод герменевтики и феноменологии, реферативный дискурс.*

***Результаты работы** заключаются в переосмыслении и интерпретации основных понятий философского наследия М.К. Петрова. При этом ставится вопрос об их адекватном толковании, которое в настоящее время может и должно быть гораздо более обширным, чем сложившееся в практике. В качестве результатов исследования обоснованно указываются сферы применения и использования идей М.К. Петрова в широчайшем спектре современной философской и культурологической проблематики, касающейся любых проблем понимания текстов как знаковых и смысловых структур. Выводы, предлагаемые автором статьи, задают направление для дальнейших рассуждений и обрисовывают сферы возможного применения обсуждаемых понятий в методологии гуманитарных исследований.*

***Областью применения результатов исследования** могут стать любые сферы гуманитарного знания, занимающиеся проблематикой понимания текста. В частности, это сфера феноменологии, философской герменевтики, педагогики, культурологии,*

социологии, философии культуры. Отдельной сферой применения может быть история русской философии.

Ключевые слова: *социокод; культура; человекоразмерность; эквифинальность; фрагментирование; социальная адекватность; понимание; духовность.*

SOCIO-CODE NOTION IN M.K. PETROV'S WORKS: SENSE, CONTENTS, CONSIDERATIONS

Sovakov B.N.

Aim. *The article aims at giving a more precise definition of hermeneutic meaning of socio-code notion and also an attempt to define its ontological character is undertaken. It is outlined how the application of this notion may actualize the general paradigmatic of understanding phenomenon and the research methodology of sense creation by spheres of philosophy, sociology and cultural research studies.*

Research Methodology. *The research presented has in its basis the method of hermeneutics and that of phenomenology, also an essay discourse.*

The Results *of the work present some new considerations and interpretation of M.K. Petrov's philosophical inheritance main notions. The question of their adequate understanding is discussed, taking into attention the fact that at present they are to be interpreted deeper and broader, compared to the traditional way of considerations. As the result of the study, the spheres of application of the ideas by M.K. Petrov are suggested, in the broadest aspect of modern philosophical and cultural science problematic. These are any scientific fields, working with any text understanding problems, taken as sign and sense structures. The conclusions made by the author give some possible directions for further considerations and present a brief outline of possible applications of Petrov's ideas in humanitarian research methodology.*

The sphere of research application *may be any humanitarian fields working with text understanding problems. In particular, these may be*

the spheres of phenomenology, philosophical hermeneutics, pedagogy, cultural science, social science, the philosophy of culture. A particular aspect may be that of the Russian philosophy history.

Keywords: *socio-code; culture; human perception measure; final equality principle; fragmentation; social adequacy; understanding; spirituality.*

Имя М.К. Петрова хорошо известно философской аудитории современной России. Несмотря на то, что время, в которое М.К. Петров создавал свои работы, не очень-то способствовало широте философского диапазона, М.К. Петров смог подготовить многочисленных учеников и последователей. Среди них условно можно выделить два направления: направление единомышленников [5] и дискуссионное [10]. Регулярно проводящиеся Петровские чтения (в 2016 году – XXIX-е Чтения) способствуют развитию творческого осмысления наследия М.К.Петрова силами обоих направлений.

Основным инструментом, которым пользуется М.К.Петров в своих исследованиях, является понятие социокода. М.К. Петров определяет социокод как основную знаковую реалию культуры, удерживающую в целостности и различии фрагментированный массив **знания** (выд. нами. – Б.С.), расчлененный на интерьеры мир деятельности и обеспечивающие институты общения. «Эта знаковая реалия культуры представляет собой совокупность массива знания и непосредственно связанных с ним институтов и механизмов различного назначения. Основным средством общения и его орудием справедливо называют язык» [12, с. 39].

Иными словами, социокод представляет собой некий массив знания, накопленный и имеющийся в распоряжении у некоего социума, при этом фрагментированный по контурам вместимости индивидов в расчете на «средний» тип индивида как представителя данного социума с помощью определенного языка.

За понятием «контуров вместимости индивидов в расчете на «средний» тип индивида» стоит вводимая М.К. Петровым категория человекоразмерности как совокупности физических и мен-

тальных возможностей и ограничений человека [11, с. 26]. По нашему мнению, это именно категория, поскольку она может быть обусловлена самыми различными аспектами человеческой личности: личностной предрасположенностью, уровнем образования (и начитанности как осмысленного опыта обращения с текстами самого разного содержания), психическими особенностью (скорость восприятия, особенности воображения, интерпретации, владения данным языком) и многими другими.

Обратим особенное внимание, что фрагментирование «по контурам вместимости» имеет прежде всего знаковый характер, присутствующий как отдельному языку, так и отдельно взятой культуре, но язык и знак на социальном уровне выступают как первичное [3, с. 411]. Функция знака как фрагментатора культуры приобретает новый методологический ракурс.

Термину «социокод» противостоит понятие эквивинальности, которое М.К. Петров определяет как многообразие способов достижения одного и того же результата. Под этим понимается знаковое обеспечение эффективности социальной практики и ее преемственности как в смене поколений, так и в изменении ее состава, «в процессах включения новых составляющих и дренажа морально устаревших или теряющих опору в репродуктивной характеристике окружения» [11, с. 142]. Внешне это выглядит следующим образом: несколько человек, имеющие совершенно разный возраст, воспитание, условия жизни и т.д., освоив некую знаковую конструкцию (текст), далее при сходных обстоятельствах действуют одинаково.

По нашему мнению, в работе с текстами культуры для адекватного использования категории эквивинальности и понятия социокода исследователю необходимо выйти за пределы социальности. Тематика рассуждений Петрова постоянно замыкается в сферу «знание – навык – профессия, и знаковое обеспечение этого». Стоит только принять во внимание проблему интерпретации, как понятие эквивинальности потеряет свою однозначность. Можно предположить, что конкретность понятия эквивинальности зада-

ется социальностью и социальной практикой, но этому будет противоречить тот факт, что духовная культура общества не сводится к ним, не исчерпывается социальным бытием. С другой стороны, духовная культура непременно находит свое выражение на уровне социальности, и в этом плане понятие эквифинальности становится менее определенным. Необходимо обратиться к понятию вертикального контекста и фоновых знаний [7], которые в своем естестве суть не что иное, как содержательное наполнение социокода. При этом, если трактовать процессуальную сторону понимания как продвижение духовного мира личности «вверх» по социокоду, непременно актуализируется действие всех методологических констант герменевтики, из которых ведущим будет принцип «не интерпретировать текст в отрыве от контекста» [15].

Толкование смысла эквифинальности возможно и в более целостном плане. В среде филологов и философов, исследующих проблемы понимания, бытует термин «социально-адекватное понимание». Под ним подразумевают обычно такое понимание, которое наиболее полно отражает намерения автора текста, с одной стороны, и то, что понято читателем (слушателем) в плане развитости субстанциальной и процессуальной сторон его понимания [1, с. 35]. Ведь пониманию, среди всего прочего, свойственно и чувство меры как фактор культуры понимания [14]. Иными словами, интерпретация текста, учитывающая гармоничную, сбалансированную работу методологических констант герменевтики, непременно впишется в соответствующий социокод, точнее, социокоды автора и читателя (интерпретатора) станут доступнее усмотрению исследователя, что необходимо для полноты понимания смысла текста и усмотрением того, чем это понимание обеспечивается.

Действие указанных механизмов задается такой сущностной особенностью языка, как его субстанциальный характер. Однако в текстах Петрова язык берется как знаковая система, а не как субстанция, что может накладывать определенные ограничения на понимание процесса интерпретации в данном ракурсе. Ведь язык как субстанция – это вообще человеческий язык. Понимание язы-

ка лишь как знаковой системы условно; эта условность делает возможным тот факт, что, как замечает и сам М.К. Петров, число языков и культурных типов различно, даже можно утверждать, что это число никогда не совпадает, поскольку на уровне социальном язык выступает в своем «редуцированном» виде, лишь как знаковая система. Это – принципиально важное соображение. Конечно, субстанциальность языка накладывает решающий отпечаток на тип культуры, но, поскольку язык как субстанция принадлежит не социуму, а человечеству, то и становится невозможным точное совпадение числа типов культур и числа языков как знаковых систем, обслуживающих эти культуры и эти социокоды. С одной стороны, язык народа – это способ мировидения, «дух» этого отдельно взятого народа [4, с. 370–380], но именно субстанциальность языка делает языковые границы между народами проницаемыми, что и закладывает возможность собственно международного культурного общения через однородность порождения феноменов языка его субстанциальностью [5, с. 181].

Поэтому можно настаивать, что тип культуры определяется социокодом в большей степени, нежели знаковой системой языка. Влияние характера и структуры языка более актуализируются в методе фрагментирования, присущем данному конкретному языку. Сама же проблема понимания как осваивающего движения «вверх» по социокоду более связана с субстанциальностью языка, нежели с его бытованием в отдельно взятой национальной культуре в качестве знаковой системы. Можно сформулировать точнее: движение «вверх» по социокоду зависит более всего от того, насколько субстанциальная сторона понимания развита у отдельно взятой человеческой личности, находя при этом свое выражение в действии процессуальной стороны понимания [1, с. 35].

Основой для усмотрения единства социальности и субстанциальности языка может быть ракурс, заданный религиозно-философским статусом языка по А.Ф. Лосеву [2, с. 912]. Однако, тогда картина будет выглядеть иначе: дело не в том, что личность, осваивая социокод в своем движении «вверх» по нему, получает воз-

возможность занять свое социально обусловленное место и профессиональную нишу. Язык как нечто, творящее человека [8, с. 882], являет себя в сложнейшем методологическом комплексе, обусловленном отдельной культурой. Язык как субстанция, раскрываясь человеку, сам ведет его «вверх» по социокоду [16]. Здесь, кстати, и закладывается основа для проблематики интерпретации как таковой, поскольку язык как субстанция неизбежно включает в себя интерпретационный аспект [8], [9, с. 740–742].

Усмотрение проблем интерпретации получает новый ракурс через связь феномена фрагментирования с человекоразмерностью. Человекоразмерность представляет собой категорию, присущую некоей «единице социокода». В принципе, эта «единица социокода» совпадает с личностью человека, взятой предельно абстрактно. Поскольку знание усваивается человеком, то весь упомянутый массив знания должен иметь такие формы, которые должны обеспечивать усвоение знания человеком: «Индивид конечен не только как существо смертное, но и как существо, имеющее физические и ментальные ограничения. В процессе обучения-воспитания индивиду нельзя дать больше субъективности, чем он способен взять и пронести по жизни, развертывая субъективность в деятельность. И поскольку объем социально необходимого корпуса знания и соответствующей ему деятельности всегда превышает возможности отдельно взятого индивида, его физическую и ментальную «вместимость», корпус знания необходимо фрагментировать, иссекать по контурам вместимости индивидов, а также интегрировать эти части в целостность корпуса знания. Именно фрагментация и интеграция, принятый в данном обществе способ фрагментации и интеграции знания определяют структурные контуры культурного типа, возможные для данного типа способы познания мира и изменения суммы обстоятельств» [12, с. 31]. Именно поэтому феномен фрагментации знания является неотъемлемым свойством любой человеческой культуры, независимо от исторической эпохи. Объем фрагментирования лимитирован лишь трудоемкостью и сложностью входящих в него программ деятельности [12, с. 32].

Несколько иначе предстанет роль языкового знака как фрагментатора. На уровне социума язык являет себя прежде всего в формальном аспекте, в виде знака и системы знаков. Знак и есть принципиальный фрагментатор знания в рамках социокода. Все остальные фрагментирующие данности – слово, предложение, текст, система образования, культурные традиции, культура вообще – суть знаковые структуры, организованные в некие социально обусловленные формы, имеющие обязательное языковое оформление. «Мир выразим в языковых реалиях и познаваем только в той степени, в какой он выразим в реалиях языка» [5, с. 67]. И именно поэтому «никто не волен описывать природу абсолютно независимо, но все мы связаны с определенными способами интерпретации» [17]. Интерпретация при этом понимается как необходимое освоения мира смыслов, поскольку все, рассмотренное нами выше, есть для человеческой личности смысл [9, с. 678], и не что иное. Полагание смысла как первоосновы закладывает необходимый онтологический базис для всех исследований духовного мира личности.

В рассуждениях М.К. Петрова, с другой стороны, мир личности предстает как данность после акта вербализации. Однако духовный мир личности существует не в виде текстов или профессиональных тезаурусов. Великая загадка человеческого творчества, смысловых переживаний, волевая сфера личности и многое другое бытуют в этом мире не в вербализованной форме [6], [13]. Например, человека можно научить музыке с помощью соответствующего учебника. С помощью человеческой речи на конкретном языке педагог будет направлять обучение этого человека музыке, но сам мир переживаний личности (мир переживаний музыкальных смыслов) ученика будет иметь отнюдь не только языковой характер. То есть, явление социокода будет присутствовать в своем полном спектре (учебник, педагог, методика, приемы игры на инструменте, отработывавшиеся, возможно, столетиями). На уровне общения «педагог (учебник) – ученик», то есть уровне социальном, будут работать знаковые конструкции, но покрывает ли понятие знака все, что может быть в эмоционально-эстетическом мире личности? Разумеется, нет.

С другой стороны, и противоречия здесь нет. По нашему убеждению, тут лежит начало для дальнейших рассуждений. Ведь знак выступает лишь как фрагментатор, но фрагментируется не только сама знаковая структура; фрагментации подвергается нечто совершенно другое. Этим «другим» будет культура, как отдельный вид культуры (музыкальная, художественная), так и культура вообще, данная как смысл онтологически. Противоречия здесь нет потому, что сама культура как таковая на уровне социума предстает обязательно как знаковое образование, но, согласимся, культура не сводится к нему в силу своей субстанциальности. Она задается как смысл, и в этой ипостаси далее воспринимается человеком через смысловые стороны языкового знака.

Освоение творческого наследия М.К. Петрова может усложняться и еще одной особенностью его текстов. Он пишет о фрагментации именно знания и проблемах, связанных с этим. Но ведь культура, даже в своем социальном явлении, отнюдь не сводится к знанию. Существуют и другие ипостаси культуры – искусство, религия и связанный с ней мистический опыт личности, личностные мотивы, побуждающие к действию. Этот ряд понятий может быть очень длинным. Да и само знание как таковое отнюдь не однородно: ведь может быть знание о чем-то, знание чего-то, знание как осведомленность, эрудиция, профессиональная компетенция и так далее. В принципе, на каждом этапе работы социокода возможно подключение языкового знака, фрагментатора, и это задается фактором человекообразности, его необходимостью. Но в мире личности, в мире ее психики, смысловых и бессмысловых переживаний, творчества, – все будет гораздо сложнее. Человек не мыслит языковыми знаками, не переживает ими, не ощущает ими. К языковому знаку личность обращается на социальном уровне, при необходимости вербализации (опредмечивания) или понимания (распредмечивания) смысла. Совершенно необходимо иметь в поле рефлексивного усмотрения проблему интерпретации, и это задача для дальнейших исследований. Интерпретация языкового знака – тема достаточно разработанная в современной философии,

и понятие социокода как раз и станет существенно важным методологическим вкладом в возможное рассуждение.

Можно только предполагать, почему М.К. Петров пишет о знании, и сравнительно немного о других формах духовной культуры. Вероятно, потому, что социокод универсален для человеческой культуры в силу своего репродуктивного характера. То есть, каждая человеческая личность обязательно проходит через его освоение для того, чтобы вступить в полноценную жизнь в том или ином социуме. Социокод имеет также бытийный характер – каждая человеческая личность живет в неких рамках действия, поведения, традиции, условий, заданных социокодом данной культуры. Описав действие социокода на духовном феномене знания, М.К.Петров, в принципе, дает схему действий для понимания того, как происходит работа человеческого духа, духа отдельной личности при «восхождении» по ступеням социокода к уровню культурной развитости, социальной адекватности, «нормативной» или, скажем, минимально-достаточной компетенции для участия в делах социума.

Возможно, это не так. Заключительная часть монографии М.К. Петрова «История европейской культурной традиции и ее проблемы», многократно цитируемая здесь, целиком посвящена вопросу так называемого «онаучивания» общества, при этом об освоении личностью других сторон духовной жизни социума говорится мало. Собственно, и сама идея «онаучивания» социума начинает выглядеть неполно: ведь многие согласятся с тем, что человек знающий и человек воспитанный – далеко не одно и то же. М.К. Петров не заостряет внимания и на проблемах развития субстанциональной стороны понимания у личности: его исследование целиком направлено на проблему социокода и смежные с ней понятия человекоразмерности и эквифинальности.

Мы полагаем, что это все представляет собой направления для будущих исследований, о чем нами сказано в самом начале статьи. Ведь духовный лик социума, как и личности – культура вообще, а не только знание. Но тот аспект, что культура на уровне социума представляет собой знаковую конструкцию и выражается в ней, предполага-

ет решение проблемы понимания текстов как знаковых образований. Это позволяет сделать вывод, что понятие социокода, включенное в общую проблематику понимания, соотнесенное с онтологией смысла, предоставит исследователю более широкие возможности толкования процессов понимания, смыслообразования, интерпретации.

Список литературы

1. Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания. Тверь, 1993. 137 с.
2. Гоготишвили Л.А. Религиозно-философский статус языка // Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М.: «Мысль», 1993. С. 912.
3. Гумбольдт В. О буквенном письме и его связи со строением языка // Язык и философия культуры. М.: «Прогресс», 1985. С. 411.
4. Гумбольдт В. Характер языка и характер народа // Язык и философия культуры. М.: «Прогресс», 1985. С. 370–380.
5. Ерыгин А.Н. Россия: школа мысли. Ростов-на-Дону: изд-во ЮФУ, 2013. С. 181.
6. Зеньковский В.В. История русской философии. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2004. В 2 тт. Т. 1. 542 с.
7. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: «Просвещение», 1988. 192 с.
8. Лосев А.Ф. Вещь и имя / Бытие-имя-космос. М.: «Мысль», 1993. С. 882.
9. Лосев А.Ф. Философия имени. Бытие – имя – космос. М.: «Мысль», 1993. С. 740–742.
10. Неретина С.С. Социокod философии (о философских работах М.К. Петрова) // Вопросы философии, 10/2008. С. 95.
11. Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М.: РоссПЭН, 2004. 774 с.
12. Петров М.К. Язык, знак, культура. М.: «Наука», 1991. 328 с.
13. Розанов В.В. О понимании. М.: «Тананис», 1996. 802 с.
14. Соваков Б.Н. Контекст, интерпретация и категория меры // Инновации в преподавании иностранных языков студентам-юристам. Межвузовская научно-практ. конференция. М.: РПА Минюста России, 2013. С. 140–145.

15. Соваков Б.Н. К вопросу о методологических константах герменевтики // Этносоциум и межнациональная культура, № 6 (14), 2008. С. 131–140.
16. Соваков Б.Н. О языковой концепции А.Ф. Лосева // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. № 16 (159), 2013. Вып. 25. С. 300–304.
17. Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 84–95.

References

1. Bogin G.I. *Substancialnaya storona ponimaniya teksta* [Substantial side of text understanding]. Tver, 1993. 137 p.
2. Gogotishvili L.A. Religiozno-filosofskij status jazyka [Religious and philosophical status of a language]. Losev A.F. *Bytije-imja-kosmos* [Genesis-name-space]. Moscow, Mysl', 1993. 958 p.
3. Humboldt W. O bukvennop pis'me i ego svyazi so stroeniem jazyka [Writing with letters and language structure unity]. *Yazyk i filosofiya culture* [Language and Philosophy of Culture]. Moscow, "Progress", 1985, pp. 411.
4. Humboldt W. Harakter jazyka i harakter naroda [Language character and people's character]. *Yazyk i filosofia culture* [Language and Philosophy of Culture]. Moscow, "Progress", 1985, pp. 370–380.
5. Yerygin A.N. *Rossija: shkola mysli* [Russia: the school of thinking]. Rostov-na-Donu, izdat. YFU, 2013.
6. Zen'kovsky V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [Russian philosophy history]. Rostov-na-Donu, "Feniks", 2001. Vol. 1. 542 p.
7. Kuharenko V.A. *Interpretacija teksta* [Text Interpretation]. Moscow: "Prosvesshenije", 1988. 192 p.
8. Losev A.F. Veshh' i imja [Thing and name]. *Bytije-imja-kosmos* [Genesis-name-space]. Moscow: "Mysl'", 1993. 958 p.
9. Losev A.F. Filosofija imeni [Philosophy of a name]. *Bytije-imja-kosmos* [Genesis-name-space]. Moscow: "Mysl'", 1993. 958 p.
10. Neretina S.S. Sociokod filosofiji (on Petrov's filosofical works) [Socio-code of philosophy]. *Voprosy filosofiji*, 10, 2008.

11. Petrov M.K. *Istoriya evropeiskoi kulturnoi tradicii i eio problem* [The European cultural tradition and its problems]. M.: RossPen, 2004. 774 p.
12. Petrov M.K. *Yazyk, znak, kultura* [Language, sign, culture]. Moscow, “Nauka”, 1991, 328 p.
13. Rozanov V.V. *O ponimanii* [On Understanding]. Moscow, “Tanais”, 1996.
14. Sovakov B.N. Kontekst, interpretacia b kategorija mery [Context, interpretation and measure sense]. *Innovacii v prepodavanii inostrannyh yazykov studentam-iuristam. Mezhvusovskaia nauchno-prakticheskaia konferencija* [Innovation in foreign language teaching law students. Interuniversity Scientific and Practical Conference]. Moscow: RPA Min-iusta Rossii, 2013, pp. 140–145.
15. Sovakov B.N. K voprosu o metodologicheskikh konstantah germenevtiki [On hermeneutic methodological constants problem]. *Etnosocium i mezhnacional'naja kultura*, № 6 (14), 2008, pp. 131–140.
16. Sovakov B.N. O jazykovej koncepcii Loseva [On Losev's Language concept]. *Nauchnyje vedomosti BelGU. Serija: Filosofija. Sociologia. Pravo*. №16(159), 2013. Issue 25, pp. 300–304.
17. Uorf B.L. Nauka i yazykoznanie [Science and linguistics]. *Novoe v lingvistike*. Issue 1. Moscow, 1960, pp. 84–95.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Соваков Борис Николаевич, доцент кафедры финансово-правовых и социальных дисциплин, кандидат филологических наук *Всероссийский государственный институт юстиции (РПА Минюста России)*, *Калужский филиал*
ул. Московская, 256А, г. Калуга, 248021, Российская Федерация
bsovakov@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sovakov Boris Nikolayevich, Associate Professor, Ph.D. in Philology
Russian State University of Jurisprudence, Kaluga Branch
256A, Moskovskaya Str., Kaluga, 248021, Russian Federation
bsovakov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2237-2281

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-142-150

УДК 165.9

**МИФ В ТЕОРИИ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ
ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА**

Шутова Т.Н.

Цель. Статья посвящена рассмотрению мифа в теории коммуникативной рациональности Юргена Хабермаса. Цель работы заключается в выявлении способов соотношения мифа и действия, понятого как действие коммуникативное.

Метод или методология проведения работы. В статье проводится концептуальный анализ понятия миф в контексте теории коммуникативного действия, обобщение его результатов. Используется принцип историко-философской реконструкции и принцип системности.

Результаты. В ситуации, когда истина перестает быть критерием достоверности, а на его место приходит адекватность соответствующему контексту, миф понимается как возможный контекст истины. Вывод статьи включает положение о соотносимости коммуникативного действия и мифа в теории Юргена Хабермаса.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в научной и образовательной сферах. Поскольку действие есть орудие взаимодействия человека, мира и общества, то конкретизация понятия действие значима в решении как теоретических задач, так и индивидуальных, социальных, этических и политических проблем.

Ключевые слова: коммуникативное действие; коммуникация; интерсубъективность; миф; рациональность; язык.

**MYTH IN JÜRGEN HABERMAS'S THEORY
OF COMMUNICATIVE ACTION**

Shutova T.N.

Purpose. The article points out the correlation between myth and

action within Habermas's theory of communicate rationality.

Methodology. *The concepts of communicative action and myth are analyzed within the methodological scope of philosophical reconstruction and principle of systematicity.*

Results. *It is argued, that myth, understood as a possible context of truth, does not contradict with the principles of communicative rationality, because truth itself is no longer an undependable validity claim, but it rather complies and changes with the context.*

Practical implications. *The research's results might be widely used in academic and educational environments. Moreover, it is crucial to concretize the concept of action for solving not only theoretical issues, but also personal, social, ethical and political problems, since action is a medium through which man, society and world interact with each other.*

Keywords: *communicative action; communication; intersubjectivity; myth; rationality; language.*

Мифологический и рациональный типы мышления исторически сменяют друг друга, и в этом смысле противопоставляются друг другу. Продемонстрировать корреляцию мифа и рациональности позволяет интерсубъективное пространство коммуникации, ставшее предметом рассмотрения теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса. В настоящее время концепция коммуникативного действия выглядит особенно актуально в связи с тем, что она раскрывает многочисленные аспекты взаимодействия людей, «в том числе в виде социально-философских и философско-правовых исследований, затрагивающих движение современного мира, в частности Европы, к единству континента и к глобальному объединению» [7, с. 20].

Отметим для начала, что Ю. Хабермас проблематизирует коммуникативную рациональность в контексте общественной системы, где коммуникация совершается. Субъект вступает в отношения с общественной системой либо внешним образом – то есть с «материальными ресурсами не-человеческого происхож-

дения», либо внутренним – «с органическим субстратом членов общества» [9, с. 20]. Вступая в отношение с внешней природой, субъекту необходимо технически применимое знание, правила, которые разуму требуется соблюдать: скажем, «правила для руководства ума» [4] или освобождение ума от «идолов познания» [1]. Инстанция разума, противопоставленного внешней среде, здесь носит инструментальный характер. Внутренняя природа общественной среды является внутренней же взаимосвязью элементов, устанавливаемой нормативно. Нормы в отличие от правил способствуют упорядочиванию элементов, а не присвоению или возделыванию внешней природы. Разум выявляет и легитимизирует нормы, соотносящие субъекта с другим субъектом и обществом, что возможно в коммуникативном пространстве. Если инструментальный разум стремится к истинному знанию, которое выражает внешнюю природу в ее объективности, то критерием достоверности для коммуникативного разума является адекватность (соответствие) элементов внутренней природы другим элементам. Отметим, что критерий достоверности у Ю. Хабермаса разворачивается как *притязание на значимость* в трех аспектах: как *истинность* асерторических предложений, *правильность* норм поведения и *правдивость* высказываний [8, с. 91]. Коммуникативный разум определяет нормативное поведение субъекта, и как субъекта мыслящего, и как поступающего, и как субъекта коммуникации в общественной системе. Теория коммуникативного разума является логичным выходом из инструментальной рациональности, характерной для эпохи модерна. Ю. Хабермас, в отличие от М. Хоркхаймера и Т. Адорно, не завершает проект критикой, а выводит его на новый уровень модерна. В тождестве мифа и Просвещения обнаруживается противоречие: любая попытка дезавуации мифа, «расколдовывания мира» [11, с. 17] сама оказывается мифом. Ю. Хабермас обходит это противоречие с помощью коммуникативного действия.

Субъект действия предвосхищает упорядоченную действительность коммуникантов. Для инструментального разума мир – это

случайность элементов, которые разум собирает согласно правилам по своему принципу, подчиняя их себе и приспособлявая под себя. Для него характерна «рефлексия определенного рода объективизации, являющейся неизбежной с учетом отношения между первым и вторым лицом, а также меняющейся мысленной перспективы наблюдателя» [10, с. 180]. Рассмотрение коммуникативного разума возможно с условно феноменологической позиции, когда мир выносится за скобки: «субъективность как самоотношение познающего и действующего субъекта предстанет тогда в виде взаимосвязи с саморефлексией на двух уровнях. Фигурант останется прежним, однако субъективности будет позволено занять место объекта» [10, с. 186]. Субъект уже не является наблюдателем со стороны, но сама субъективность сопряжена с действием. Здесь коммуникация выводится на первый план как интеракция субъективности, а действующий субъект сам является предпосылкой объективного мира. В определенном таким образом коммуникативном пространстве мы находим место мифу.

В «Философском дискурсе модерна» [10] миф читается как понятие, регулирующее диалог представителей франкфуртской школы на тему Просвещения, историко-философского проекта, критикуемого М. Хоркхаймером и Т. Адорно. Здесь надо понимать, что Просвещение есть и проект, который «выражает действительное движение буржуазного общества в целом с точки зрения олицетворяемой личностями и институтами его идеи» [11, с. 11], и индивидуальная практика познания. В XX веке миф становится актуальным концептом. Особенно после Второй мировой войны остро ставится вопрос идеологии и властных отношений, описывать который становится удобно в категориях мифа («Общество спектакля» [3], «Миф сегодня» [2], «Нацистский миф» [5] и т.д.). Символическая структура мифа используется для выражения идеологического дискурса, поскольку миф являет собой репрезентативную коммуникативную систему. Уже в 1991 году Ф. Лаку-Лабарт и Ж.-Л. Нанси в предисловии к «Нацистскому мифу» отмечали, что «миф всегда был мифом какого-нибудь события или пришествия,

мифом абсолютного, основополагающего События», такого события, в котором «поистине берет начало наше грядущее» [5, с. 12]. Просвещение и было таким событием, которое не воспринималось как миф, но привело к состоянию мифа.

Уместно спросить, откуда появляется миф сегодня, если социальное, политическое, научное, духовное в целом состояние европейской общности понимается как следствие Просвещения. Из этого проекта и появляется, поскольку сам он и есть миф. Хабермас критикует эту самозамкнутую логику М. Хоркхаймера и Т. Адорно, поскольку круг образует неразрешимое противоречие: как *критический* (курсив мой – Т.Ш.) проект Просвещения может развернуть критику на собственную слепоту о самоотждестве с мифом? Это тупик, который порождает депрессию общности, теоретически выраженную в честном витализме (смерти богов, субъекта, человека и т. д.) или в ее замещении «бездушным» позитивизмом. Естественной тогда кажется реакция раннего немецкого романтизма на Просвещение – искоренить миф из языка, и по указанной выше причине естественно и развитие этого замысла – последующий романтизм возвел миф в абсолютный источник вдохновения языка, а затем и в идеал универсального языка. С этого момента миф и Просвещение идут рука об руку.

Поскольку миф представляет собой коммуникативную систему, целесообразно рассматривать это понятие в контексте коммуникативной рациональности. Отметим, что миф – проблема, которая не интересует Ю. Хабермаса специально, однако можно задать, по крайней мере, два вопроса к теории коммуникативного действия в аспекте отношения к мифу: если в «Философском дискурсе...» критикуется принцип Просвещения, то в каком отношении будет находиться коммуникативный разум, как принцип нового этапа Просвещения, и миф, ранее отождествленный с самим Просвещением?; есть ли место для мифа в интересубъективном порядке коммуникативного действия, приписываемого современному либеральному обществу?

Юрген Хабермас не видит таких критериев, которые могут

описывать миф вне системы инструментального разума [12; 13]. Миф не обладает уникальными свойствами, а просто описывается теми же характеристиками, что и инструментальное мышление. Мифологическое мышление однако решает конкретные практические проблемы. То есть, с одной стороны, нет необходимости для мифа иметь полное и адекватное выражение в языке. С другой стороны, он полагает, что мифологическое мышление свойственно для «закрытых» сообществ, в которых сама система языка является закрытой, а значит, язык не устраняет собственные пробелы [12, с. 75]. В языке мифа отсутствует всякая дифференцированность – этим объясняется «раздраженность» [13, р. 102] человека модерна на миф. Таким образом, миф прочитывается в контексте инструментального мышления, а не уникальным для него способом, что может являться одной из посылок критики проекта М. Хоркхаймера и Т. Адорно. Внутренняя ошибка тождества мифа и *ratio* обусловлена их описанием как разных уровней инструментального мышления, т. е. здесь все же не тождество, а противоречие, выходом из которого может являться intersubъективное пространство коммуникативного действия.

Описание архаического мифа также выявляет два аспекта в корреляции мифа и действия. Во-первых, структуралисты отмечают, что для мифологического мировоззрения категория действия имеет конститутивное значение. Актер и способность действовать, интенция и постановка целей, успех и провал, активность и пассивность, атака и оборона – это все категории, в которых выражается фундаментальный опыт архаических сообществ – опыт незащищенности от неосвоенной среды, то есть все эти понятия выражают необходимость контролировать поток случайностей. Действие, иначе, собирает мифологическую действительность в некоторый порядок, поскольку действие и миф соответствуют в моменте праксиса. Таким образом, коммуникативная сущность мифа утверждает его в области коммуникативного действия, поскольку а) миф и действие разворачиваются в едином простран-

стве коммуникации и б) действие является характеристикой мифа по существу. Второй аспект связан с необходимостью различения мифа в области коммуникации. Все внутриплеменные связи родства, полов, поколений, не могут обосновываться только лишь категориями чистой мысли, равно как моделями описания, взятыми из природы. То есть проблема возникнет тогда, когда недифференцируемый внутри себя миф будет противопоставляться субъекту как объективное поле мысли (как это делали представители модерна). Напрашивается вопрос о дифференциации мифа в дискурсивном пространстве. Полагаем, что такая дифференциация возможна в качестве акторной дифференциации в дискурсе, который определяется действием.

Если истина как критерий достоверности нивелируется, а на место истины приходит адекватность референции, соотносимость с контекстом, то миф понимается как один из возможных контекстов истины, он, как любое вероятно коммуникативное поле обладает потенциалом рациональности, понятой как действие. Миф не противоречит коммуникативной (в отличие от теоретической) рациональности, потому может являться областью коммуникативного действия.

Список литературы

1. Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1971. 590 с.
2. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс; Универс, 1994. С. 72–130.
3. Дебор Г. Общество спектакля. М., Логос, 1999. 224 с.
4. Декарт Р. Правила для руководства ума. 1628 // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 77–153.
5. Лабарт Л., Нанси Ж.-Л. Нацистский миф. СПб.: Владимир Даль, 2002. 80 с.
6. Михайлов И.А. О книге «Диалектика Просвещения». Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Часть 2: 1940–1973 годы. М., ИФРАН, 2010 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 21.03.2011.

- URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5521/5528>
7. Мотрошилова Н.В. Юрген Хабермас: что происходит с Европой? // Современная Европа. 2008. №4 (36). С. 19–32.
  8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Спб.: Наука, 2001. 379 с.
  9. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Практис, 2010. 263 с.
  10. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Изд-во “Весь мир”, 2008. 416 с.
  11. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. М.-Спб.: Медиум, Ювента, 1997. 313 с.
  12. Bertland A. Habermas and Vico on Mythical Thought // *Rerspectives on Habermas* / Edited by Lewis Edwin Hahn. Open Court. Chicago and La Salle, Illinois, 2000, pp. 71–87.
  13. Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Boston: Beacon Press, 1984. 562 p.

References

1. Bacon F. *Sochineniya* [Collected Works]: 2 vols., vol. 1. Moscow: Mysl', 1971. P. 590.
2. Barth R. Mif segodnya [Myth today]. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Collected Works: The Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress, Universe, 1994, pp. 72–130.
3. Debord G. *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle]. Moscow: Logos, 1999. P. 224.
4. Descartes R. Pravila dlya rukovodstva uma. 1628 [Rules for the Direction of the Mind. 1628]. Descartes R. *Sochineniya* [Collected Works]: 2 vols., vol. 1. Moscow: Mysl', 1989, pp. 77–153.
5. Lacoue-Labarthe P., Nancy J.-L. *Natsistskiy mif* [The Nazi Myth]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2002. P. 80.
6. Mihajlov I.A. О книге «Диалектика Просвещения». Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Част' 2: 1940–1973 годы [About the book „Dialectic of Enlightenment”. Max Horkheimer. Formation of the Frankfurt School of

- Social Research. Part 2: 1940–1973]. M., IFRAN, 2010. *Centr gumanitarnykh tehnologij*. 21.03.2011. <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5521/5528>
7. Motroshilova N.V. Jurgен Habermas: chto proishodit s Evropoj? [Jürgen Habermas: what happens to Europe?]. *Sovremennaja Evropa*. 2008. №4 (36), pp. 19–32.
  8. Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. Saint-Petersburg: Nauka, 2001. P. 379.
  9. Habermas J. *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma* [Legitimation Crisis]. Moscow: Praksis, 2010. P. 263.
  10. Habermas J. *Filosofskiy diskurs o modern* [The Philosophical Discourse of Modernity]. Moscow: “Ves’ mir”, 2008. P. 416.
  11. Horkhejmer M., Adorno T. *Dialektika prosveshcheniya* [Dialectic of Enlightenment]. Moscow-Saint-Petersburg: Medium, Juventa, 1997. P. 313.
  12. Bertland A. Habermas and Vico on Mythical Thought. *Perspectives on Habermas* / edited by Lewis Edwin Hahn. Open Court. Chicago and La Salle, Illinois, 2000, pp. 71–87.
  13. Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Boston: Beacon Press, 1984. P. 562.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Шутова Татьяна Николаевна, аспирант

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ул. Садовая, 21, г. Санкт-Петербург, 191023, Российская Федерация

shuttat@mail.ru

SPIN-код: 6631-1337

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shutova Tatyana Nikolaevna, PhD student

Saint-Petersburg State University of Economics

21, Sadovaya Str., St. Petersburg, 191023, Russian Federation

shuttat@mail.ru

SPIN-code: 6631-1337

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ STUDIES IN PHILOLOGY

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-151-173

УДК 81

АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМ TOLERANCE, ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ТЕРПИМОСТЬ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Диденко В.В.

Цель. Настоящее исследование представляет собой сопоставительный анализ лексем *tolerance* в английском языке и *толерантность* и *терпимость* в русском. Сравниваются как словарные, так и контекстуальные значения данных лексем на материале данных языковых корпусов.

Метод и методология проведения работы. В работе используется метод словарных дефиниций, метод сплошной выборки, сравнение и сопоставление, интерпретация, анализ, классификация.

Результаты. В результате проведения исследования выявляются такие словарные значения лексемы *tolerance*, как 1) *стойкость / выносливость (endurance)*, 2) *разрешение / допущение (permission)*, 3) *терпимость / снисходительность (forebearance)* и 4) *допустимое отклонение (an allowable amount of variation)*; лексемы *толерантность*: 1) *стойкость / переносимость (в медицине и физиологии)*, 2) *терпимость / снисходительность*; и лексемы *терпимость*: 1) *выносливость (как качество объекта)*, 2) *снисходительность / широта взглядов*. Однако при анализе контекстов употреблений слов *толерантность* и *терпимость* выявляются также значения *разрешение / допущение* и *стойкость / выносливость*, не указанные в словарях. Данный факт может служить указанием на изменение значений

слов вследствие влияния английского языка. Из-за неопределенности значения лексемы *толерантность* в русском языке у адресантов иногда возникают сложности с ее коннотацией.

Область применения результатов. Результаты данного исследования могут найти широкое применение в области теории и практики межкультурной коммуникации, а также теории и практики перевода и лексикологии.

Ключевые слова: лексическое значение; сопоставительные исследования; *толерантность*; корпусный анализ.

ANALYSIS OF MEANING OF THE TOLERANCE, ТОЛЕРАНТНОСТЬ AND ТЕРПИМОСТЬ LEXEMES (IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

Didenko V.V.

Purpose. The study is devoted to the comparative analysis of lexemes *tolerance* in the English language and *толерантность* and *терпимость* in the Russian language. It compares the dictionary definitions as well as contextual meanings. The material of study is based on the data obtained from the relevant language corpora.

Methodology. The main methods used in the study are the method of dictionary definitions, comparative and interpretative methods, analysis, and classification.

Results. The study reveals the following dictionary meanings of the lexeme *tolerance*: 1) *endurance*, 2) *permission*, 3) *forebearance*, and 4) *an allowable amount of variation*; of the lexeme *толерантность*: 1) *endurance* (in medicine and physiology), 2) *forebearance*; and of the lexeme *терпимость*: 1) *endurance* (as the quality of the object), 2) *forebearance*. Although the analysis of the contextualizations shows such the meanings of the lexemes *толерантность* and *терпимость* as “*permission*“ and “*an allowable amount of variation*“ as well. This fact can be an indicator to the change of lexical meaning as the result of the English language influence. Because the meaning of the Russian

lexeme толерантность is unclear, some recipients can have difficulties with its connotations.

Practical implications. *The results of the study can be applied in the sphere of theory and praxis of intercultural communications, translating and interpreting, and lexicology.*

Keywords: *lexical meaning; comparative researches; tolerance; corpora analysis.*

Введение

Настоящее исследование представляет собой сопоставительный анализ лексем *tolerance* в английском языке и *толерантность* и *терпимость* в русском. В настоящее время в российских средствах массовой информации наблюдаются случаи использования слова *толерантность* в метаязыковом значении (ср., напр.: *Но при чем здесь толерантность вообще? К чему она? И к кому толерантность?* (Вести недели 27.03.2016); *Толерантность в ее лучшем понимании – это компромисс, терпимость.* (РБК Daily, 17.11.2013). Это говорит о попытках понимания и интерпретации значения данной лексемы. При этом она иногда противопоставляется по смыслу таким словам, как *уважение, взаимопонимание* (ср. напр., *Нам не нужна толерантность, нам нужна интеграция и взаимоуважение.* (Новости Федерации 31.03.2016), хотя в словарях указывается на их синонимичность (ср: *толерантность: 2. Терпимость человека к кому-либо или к чему-либо. В культурологии и социологии этот термин используется для обозначения понимания и уважения к другой культуре, к отличиям представителя другой культуры – этническим, национальным, расовым, религиозным, языковым.* [1]). Еще одним наблюдением, повлиявшим на выбор цели данного исследования, является указание на чуждость самого явления толерантности для русского дискурса и восприятие слова *толерантность* как «чуждого», например, в таких контекстах, как *«Нам не нужна толерантность, нам нужна интеграция и взаимоуважение. Нам необходимо возродить все лучшее, что было в советском союзе и в царское время»* (Новости Федерации 31.03.2016); *«Потому что*

в идеологии человечества изначально заложены терпимость, добродетельность и толерантность. Мы, к сожалению, такую идеологию не пропагандируем [...]» (Труд-7, 10.02.2011). Как пишут И.А. Стернин и К.М. Шилихина в монографии, посвященной коммуникативному аспекту толерантности, в конце XX века слово *толерантность* окончательно вошло в русский язык, однако, концепт «толерантность» до сих пор является лакунарным в русской национальной концептосфере [13]. Причины такой лакуарности исследователи видят в русском менталитете, характеризующимся следующими особенностями: тенденцией к биполярному мышлению, нелюбовью к компромиссам и ко всему среднему. Авторы исследования считают, что русскому сознанию требуется концепт толерантность, однако, его принятие вызывает споры и дискуссии [13]. Настоящее исследование представляет собой попытку объяснения такого спорного понимания значения слова *толерантность* и сопоставление его значений, словарных и контекстуальных со значениями английской лексемы *tolerance* и русской лексемы *терпимость*.

Таким образом, в задачу исследования входит 1) анализ и сопоставление словарных дефиниций лексем *tolerance*, *толерантность* и *терпимость*; 2) поиск контекстов употребления данных лексем в языковых корпусах и распределение их по группам согласно словарным значениям (если слово является многозначным); 3) интерпретация и сопоставление найденных примеров актуализаций исследуемых лексем (выявление контекстуальных синонимов и антонимов, оценок и коннотаций).

2. Анализ словарных значений

лексем *tolerance*, *толерантность*, *терпимость*

Для поиска дефиниции лексемы *tolerance* использовался «Оксфордский словарь английского языка» [20]. В нем приводятся четыре основных значения данного слова:

1. а. Действие или практика терпения или переносимости боли или трудностей; способность или возможность выносливости; выносливость.

The action or practice of enduring or sustaining pain or hardship; the power or capacity of enduring; endurance.

b. В физиологии: Способность, конституциональная или приобретенная, к переносимости больших доз действующих медикаментов или к противостоянию действию ядов и т. д. из-за снижения реакции на медикамент после длительного применения.

Physiol. The power, constitutional or acquired, of enduring large doses of active drugs, or of resisting the action of poison, etc.; hence diminution in the response to a drug after continued use.

c. В лесном хозяйстве: Способность дерева переносить тень.

Forestry. The capacity of a tree to endure shade.

Более распространено в биологии: Способность любого организма противостоять какому-либо особенному условию окружающей среды.

More widely in Biol., the ability of any organism to withstand some particular environmental condition.

d. В биологии: Способность организма выживать или развиваться несмотря на влияние паразита или другого патогенного организма.

Biol. The ability of an organism to survive or to flourish despite infection with a parasite or an otherwise pathogenic organism.

Из всех четырех пунктов первого значения слова *tolerance* для нас представляет интерес самый первый, в котором значение является общеупотребительным, а не специфичным для отдельной области. В общем виде его можно обозначить как *стойкость / выносливость (endurance)*.

2. Действие допущения, позволения, разрешения, осуществляемое властями.

The action of allowing; licence, permission granted by an authority.

Второе значение можно представить как *позволение / дозволение (permission)*.

3. Действие или практика терпимости; терпимость; склонность быть терпимым и снисходительным к чужим мнениям или практикам; свобода от нетерпимости или чрезмерной строгости в осуждении поведения других; снисходительность; широта взглядов.

The action or practice of tolerating; toleration; the disposition to be patient with indulgent to the opinions or practices of others; freedom from bigotry or undue severity in judging the conduct of others; forbearance; catholicity of spirit.

Третье значение можно охарактеризовать одним словом как *терпимость / снисходительность (forbearance)*.

Кроме трех приведенных значений, в «Оксфордском словаре» также указывается на специальные использования слова *tolerance*: в чеканке монет и механике оно обозначает «*допустимое отклонение*» (*an allowable amount of variation*). После данных значений приведены три устойчивых сочетания: *tolerance dose* (в медицине – *доза, например, радиации, которая может быть воспринята без вреда [20]*), *tolerance limit* (*лимит, который накладывается на допустимое отклонение параметров продукта [20]*) и *tolerance zone* (*обозначенная территория, в которой проституция разрешена властями [20]*). Последнее сочетание представляет определенный интерес при сопоставлении с русским выражением «*дом терпимости*», поэтому мы вернемся к нему, когда обратимся к обзору значений русской лексики *терпимость*.

Таким образом, выделяется четыре основных значения лексики *tolerance*, которые можно обозначить как 1) *стойкость / выносливость*, 2) *разрешение / допущение*, 3) *терпимость / снисходительность* и 4) *допустимое отклонение*.

Для поиска словарных дефиниций русских лексем *толерантность* и *терпимость* использовались «Большой толковый словарь» [2] и «Толковый словарь Ушакова» [14].

В «Большом толковом словаре» приводятся три значения лексики *толерантность*:

1. Иммунологическое состояние организма, при котором он не способен синтезировать антитела в ответ на введение определенного антигена при сохранении иммунной реактивности к другим антигенам. Проблема толерантности имеет значение при пересадке органов и тканей.

2. Способность организма переносить неблагоприятное влияние того или иного фактора среды.

3. Терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению.

Как можно заметить, в значении *стойкость / выносливость толерантность* используется только в специальных областях – медицине и биологии, а общее употребление, в отличие от лексемы *tolerance*, отсутствует. Кроме того, полностью отсутствуют второе и четвертое значения слова *tolerance* – *разрешение / допущение (со стороны властей)* и *допустимое отклонение (в технике)*. Третье значение можно сопоставить со значением *терпимость / снисходительность*. Таким образом, обращаясь к использованию лексемы *толерантность* в общеупотребительном значении, мы ограничиваемся лишь смыслом «*терпимость*».

Лексема *терпимость* в «Толковом словаре Ушакова» имеет два значения:

1. Отвлеч. сущ. к терпимый во 2 знач.
2. Свойство, умение терпимо относиться к чему-нибудь, терпеть что-нибудь.

Кроме того, после определений лексического значения указано сочетание «*дом терпимости*» (*публичный дом*) [14]. В данном случае значение слова *терпимость* соответствует значению *tolerance* в сочетании *tolerance zone*. Примечательно, что в русском языке такое выражение является калькированным переводом с французского *maison de tolerance*. Интересно отметить, что французское слово *tolerance* переведено на русский язык именно как *терпимость*. Причем, если в русский язык слово *толерантность* напрямую проникло из латинского (в «Современном толковом словаре» читаем: «*от лат. tolerantia – терпение*»), то в английский оно пришло опосредованно через старофранцузский (*via Old French from Latin tolerantia, from tolerare – OED* [20]). Очевидно, что слово *tolerance* начинает активно использоваться во французском языке раньше, чем в английском или русском. Вероятно, что ранее (в XVIII–XIX веках), при частых контактах русского языка с французским, значение лексемы *толерантность* было не таким, как в настоящее время, при влиянии английского языка. Однако подобные предположения требуют проведения диахронических исследований, а в

данной работе мы концентрируемся на синхроническом описании языковых явлений.

Прилагательное *терпимый* во втором значении определяется как «*такой, что можно, должно терпеть*» [14].

Иными словами, в первом значении *терпимость* является свойством объекта (напр., *терпимая погода*), а во втором – субъекта (напр., *веротерпимость народа*). Второе значение слова *терпимость*, как и третье значение слова *толерантность*, можно отнести к категории «*forebearance*» (*терпимость / снисходительность*). Кроме того, можно провести параллель между первым значением слова *терпимость* (как свойства объекта) и значением *стойкость / выносливость* (если что-то является терпимым, то это можно выстоять / вынести). Однако ни у одного из двух русских слов не указано значений *позволение / допущение* и *допустимое отклонение*. Таким образом, у лексем *толерантность* и *терпимость* присутствуют лишь два из четырех значений лексемы *tolerance*, причем одно из них у двух русских лексем не совпадает. Очевидно, такие различия будут наблюдаться и при конкретных актуализациях данных лексем. В этом можно убедиться, если задействовать анализ контекстов употребления, взятых из языковых корпусов.

3. Корпусный анализ

Для поиска контекстов употреблений исследуемых лексем использовались «Корпус современного американского английского языка» (Corpus of Contemporary American English) и «Национальный корпус русского языка». Корпус английского языка содержит 520 миллионов слов (20 миллионов слов за каждый год с 1990 по 2015) и является самым большим и используемым корпусом английского языка в свободном доступе. Общий объем основного корпуса русского языка составляет 265 401 717 слов. Для анализа методом сплошной выборки было отобрано и проанализировано 100 контекстов, содержащих лексему *tolerance* и по 50 контекстов, содержащих лексемы *толерантность* и *терпимость*.

При выборе контекстов мы не исключали также и специальные издания (например, медицинские или философские журналы). Целью являлось разделить все контексты на группы согласно словарным значениям и сопоставить между собой употребления английской и русских лексем.

Что касается статистических данных, то всего в американском корпусе оказалось 6651 вхождение со словом *tolerance*, из них большинство относится к темам «философия / религия» (59,49 на 1 млн), «религия» (34,19 на 1 млн), «медицина» (32,53 на 1 млн), «история» (32,42 на 1 млн) и «новости (СМИ)» (32,36 на 1 млн). Самое частое употребление зафиксировано в 2000 (18,19 на 1 млн), 1996 (17,87 на 1 млн) и 2012 (17,60 на 1 млн) годах. Частое употребление слова *tolerance* в 1996 году характерно для СМИ. В подобных контекстах *tolerance* часто используется с выражением «same-sex marriages» (однополое браки). Возможно, такой скачок актуализаций данной лексики связан с принятием в 1996 «Закона о защите брака», запрещающим однополые браки, и его активным обсуждением в СМИ.

После распределения контекстов по словарным значениям наблюдается следующая картина:

1) *стойкость / выносливость (endurance)* – 30 контекстов из 100 (из них 17 относятся к первой группе – общему употреблению, а остальные 13 к специальному – к области медицины / физиологии / биологии);

2) *разрешение / допущение (permission)* – 21 контекст из 100;

3) *терпимость / снисходительность (forebearance)* – 42 контекста из 100;

4) *допустимое отклонение (an allowable amount of variation)* – 7 контекстов из 100.

Далее рассмотрим несколько особенностей и примечательных примеров, относящихся к каждой из выделенных групп.

1. *Стойкость / выносливость (endurance)*.

Значения лексики *tolerance*, относящиеся к данной группе можно разделить на стойкость по отношению к физическим раздражителям

лям с одной стороны и моральным неудобствам с другой. В первом случае *tolerance* используется в таких сочетаниях, как *tolerance for sounds, smells, and touches* (непереносимость звуков, запахов и прикосновений); *tolerance of the heart rate monitor* (способность терпеть монитор сердечного ритма); *exercise tolerance* (непереносимость спортивных упражнений); *tolerance for high-impact sports* (непереносимость активных видов спорта); а во втором – *tolerance for anything that's not what we want* (способность вынести то, что мы не хотим); *tolerance for risk* (стойкость к риску); *tolerance for ambiguity*; *tolerance for uncertainty* (способность вынести неопределенность); *stress tolerance* (стойкость к стрессу). Как видно, в данном случае все слова, используемые в сочетании с *tolerance*, обладают отрицательной коннотацией в данном контексте, то есть такие действия или явления могут нанести физический вред или способствовать некомфортному существованию. Примечательно, что ни в одном из данных примеров не представляется возможным при переводе использовать слово *толерантность* (будет ошибкой сказать: *толерантность к спортивным упражнениям / толерантность к риску*). Иногда представляется возможным употребить слово *терпимость* в первом значении (как свойство объекта): *терпимость риска / терпимость звуков, запахов и прикосновений*. В некоторых случаях, кроме того, возможно использовать глагол *терпеть*: *способность терпеть то, что мы не хотим*. Сходным образом перед некоторыми существительными возможно использовать прилагательное *терпимый*: *терпимые звуки, запахи и прикосновения / терпимый риск*. Одним из примечательных примеров является следующее предложение: *Otherwise, our love is mere tolerance, and we become enablers, not evangelizers.* – С другой стороны, наша любовь – это всего-навсего терпимость, и мы становимся пособниками, а не проповедниками евангелия. В данном случае от выбора значения слова *tolerance* меняется ракурс предложения: в значении «терпение или непереносимость трудностей / чего-то неприятного» понятна его отрицательная коннотация, особенно при сопоставлении со словом *love* (любовь). Если бы слово *tolerance* здесь использовалось

в значении «снисходительность к чужим мнениям / отсутствие строгости при осуждении других / широта взглядов», то оно казалось бы не совсем уместным в данном контексте, так такие практики тоже относятся к религиозным ценностям, о которых здесь идет речь.

Если обратиться к использованию слова *tolerance* в контекстах из области медицины, то практически во всех случаях его возможно перевести на русский язык словом *толерантность* в первом или втором значении: *They were followed and tested, chiefly for tolerance of the drug, over the next 10 weeks.* – За ними наблюдали и проводили анализы, главным образом на толерантность к медикаменту, в течении 10 недель. Иная картина наблюдается, если рассматривать контексты из области биологии. Во многих из них адекватнее будет передать на русский язык слово *tolerance* как *стойкость / устойчивость*: *heat tolerance* (*устойчивость к высоким температурам*), *cold tolerance* (*морозоустойчивость*), *drought tolerance* (*засухоустойчивость*). Слово *терпимость* не представляется возможности использовать ни в одном из данных контекстов. В значении медицинского термина представляет интерес следующий пример метаязыкового использования лексемы *tolerance*: *In medical terms we hear the word referring to transplanted organs: liver tolerance, heart tolerance. Here, the organ is an alien, a guest in the original body.* – В медицинском значении мы часто слышим это слово по отношению к пересаженным органам: *толерантность к печени, толерантность к сердцу*. В этом случае орган – это пришелец, гость в своем теле. Такая метафора и перенос значений слова (медицинское значение переносится на значение «терпимость / снисходительность к чужим практикам, мнениям») является важным показателем осмысления данной лексемы и интереса к ее значению пользователей языка.

2. Позволение / допущение (*permission*).

В таком значении *tolerance* чаще всего встречается в сочетании *zero tolerance* или *zero tolerance policy* – *нулевая терпимость / полная нетерпимость; политика полной нетерпимости*. Наиболее частыми объектами такой политики являются *corruption* (*коррупция*),

discrimination (дискриминация), *racism* (расизм), *disorder* (беспорядок), *drinking and driving* (вождение в нетрезвом виде). Примечательно, что некоторые из этих слов выступают контекстуальными антонимами самого слова *tolerance* (см. таблицу ниже), но уже в значении «терпимость / снисходительность к чужим нениям и практикам». То есть, фраза «*zero tolerance for intolerance*» теряет свою парадоксальность, если учесть, что в первом случае *tolerance* употребляется в значении *разрешение / допущение*, а во втором – *терпимость / снисходительность*.

3. Терпимость / снисходительность (*forebearance*).

Это значение является единственным, которое совпадает у всех трех анализируемых лексем. При рассмотрении примеров актуализации лексемы *tolerance* в данном значении удалось выявить довольно большое количество ее контекстуальных синонимов и антонимов. В таблице 1 приведены наиболее часто встречающиеся объекты, субъекты, антонимы и синонимы слова *tolerance*.

Таблица 1.

Субъекты	Объекты	Синонимы	Антонимы
Islamic religion (исламская религия)	other religions (другие религии)	peace (мир) understanding (понимание)	militarism (милитаризм)
Muslims (мусульмане)	differences (различия)	democracy (демократия)	bullying (травля)
Christian tradition (христианская традиция)	(sexual) diversity (сексуальное разнообразие)	respect (уважение)	discrimination (дискриминация)
Christians (христиане)	persons with AIDS (люди, больные СПИДом)	compassion (сострадание)	prejudice (предубеждения)
society (общество)	immigrants (иммигранты)	openness (открытость)	racism (расизм)
political culture (политическая культура)	foreigners (иностранцы)	dialog (диалог) solidarity (солидарность)	chauvinism (шовинизм)
democrats (демократы)	other cultures (другие культуры)	recognition (признание)	nationalism (национализм)
	the others (другие)	justice (справедливость)	bigotry (нетерпимость)
	outsiders («чужие»)	equality (равенство)	
	dissent (инакомыслие)	empathy (сочувствие)	
		compromise (компромисс)	
		pluralism (плюрализм)	
		civility (вежливость) human rights (права человека)	

4. Допустимое отклонение (*an allowable amount of variation*).

В этом значении *tolerance* употребляется в технических контекстах, например: *1% tolerance and 0.5% optimization* (1% допустимое отклонение и оптимизация на 0,5%).

мого отклонения и 0,5% оптимизации); *the tolerance was set at <1 in the model* (в модели допустимое отклонение было установлено на отметке <1).

Для сопоставления обратимся к примерам актуализации русских лексем *толерантность* и *терпимость*.

В национальном корпусе русского языка обнаруживается 433 вхождения слова *толерантность* и 1381 вхождение слова *терпимость*. Из 50 контекстов употребления лексемы *толерантность* ни в одном не выявлено значение *стойкость / переносимость* (в медицинском или физиологическом смысле). Возможно, это объясняется отсутствием в корпусе специальных текстов, посвященных данным темам. Распределение контекстов по темам выглядит следующим образом: 27,02% приходится на сферу политики и общественной жизни, 15,01% – на религию, 14,55% – науку и технологию, 7,62% – искусство и культуру.

В большинстве контекстов (43) слово *толерантность* используется в значении *терпимость / снисходительность*, однако, в некоторых можно проследить значения *позволение / допущение* (4) и *стойкость / выносливость* (3) в общем смысле. Такое наблюдение представляет особый интерес, так как два последних значения отсутствуют в русско-русских толковых словарях. Примеры таких значений приведены ниже:

стойкость / выносливость: *В конце концов, наша толерантность чаще всего лишь вышколенное умение закрывать глаза на очевидные вещи ради того, чтобы не случилось каких-либо более страшных вещей.*

В данном случае на значение «*способность переносить / терпеть боль или трудности*» [ср.: 21] указывает сочетание «*более страшные вещи*», то есть «*очевидные вещи*», по отношению к которым испытывается толерантность, являются нежелательными или неприятными.

позволение / допущение: *Но все должно иметь пределы! А ее толерантность не имеет пределов.*

Полная толерантность: *молись кому хочешь, главное – не забывай, что ты японец, и не выпадай из социума.*

Невиданный разгул толерантности невольно вызывает к жизни конспирологические концепции о сговоре.

В данных случаях наличие указанного значения подтверждается возможностью заменить выражения с лексемой *толерантность* на выражения с такими словами как *позволительно / разрешено* без изменения смысла: *она позволяет слишком многое; разрешено молиться кому хочешь; невиданная вседозволенность.*

Для сравнения с англоязычными контекстами приведем таблицу, содержащую субъекты, объекты, контекстуальные синонимы и антонимы *толерантности*:

Таблица 2.

Субъекты	Объекты	Синонимы	Антонимы
американское общество	религии культуры	диалог уважение	отсталость раскол
русское общество	традиции других народов	политкорректность мир	
Европа	расы убеждения чужое мнение русские другие	веротерпимость сочувствие терпимость демократия равноправие совесть миролюбие разнообразие плюрализм болезнь	

Кроме контекстуального синонима с отрицательной коннотацией (*болезнь*) обращают на себя внимание следующие контексты употребления, где толерантность также оценивается отрицательно:

Причем данный системный дефект американского общества решать с нынешним уровнем толерантности будет крайне сложно.

Но чиновник демонстрирует фантастическую толерантность: стекла вставляет, а на мусорные горы не обращает внимания.

Кроме того, во многих случаях говорится об отсутствии толерантности в русской культуре, и о традициях толерантности в других странах:

Нынешние Соединенные Штаты – это страна, где идея толерантности и равенства возведена в абсолют.

Российское общество пока не очень толерантно.

Швейцария – первая страна, которая в современном мире ассоциируется с понятием толерантности.

Примечательно, что такой факт находит свое выражение и в англоязычных контекстах:

I wish we could be more compassionate with one another and adopt some of the tolerance I witnessed while in the country that gave us the Statue of Liberty.

Я бы хотел, чтобы мы проявляли друг к другу больше сочувствия и переняли немного толерантности, которую я наблюдал в стране, подарившей нам Статую Свободы [речь идет о Франции].

С предыдущим связано также такое наблюдение: если в англоязычных контекстах нередко говорится об исторических традициях, связанных с толерантностью, в русских подчеркивается некоторая ее чуждость и современность:

A rediscovery of the Christian tradition of tolerance and interreligious dialogue [...]

Открытие заново христианской традиции толерантности и межрелигиозного диалога [...]

[...] for promoting the values of tolerance, democracy, human rights and good governance that I believe are universal

[...] за распространение ценностей толерантности, демократии, прав человека и хорошего правительства, которые мне кажутся универсальными.

Не выглядят ли все эти поиски исторических оснований слишком архаичными на фоне нынешней толерантности и политкорректности?

Возможно, это была его личная толерантность, как сказали бы сейчас.

Что касается лексемы *терпимость*, ее частотность (1381 вхождение) на половину превышает частотность лексемы *толерантность*. В 50 рассмотренных контекстах не было выявлено значений, отно-

сящихся к объекту, однако, среди значений, относящихся к субъекту, также возможно выделить *позволение / допущение* (3), *стойкость / выносливость (боли / чего-то неприятного)* (10) и *снисходительность / широта взглядов* (37). Примечательно, что первые два из них отсутствуют в словаре, так же, как и соответственные значения слова *толерантность*. В качестве примеров можно привести следующие контексты:

стойкость / выносливость: *Таким образом, финансовые власти, кажется, добились своего, установив экспериментальным путем порог терпимости граждан к глубине девальвации национальной денежной единицы.*

Можно осознавать силовое превосходство зла и лжи, но терпеть это, не выходя из пространства действия этих сил – и тогда это терпимость.

позволение / допущение: *Среди требований демонстрантов была легализация наркотиков и выдача каждому участнику разрешения на безвизовое перемещение по всему миру. Отчет организаторов об акции хорошо отражает контекст безразличной терпимости властей, столь контрастирующий с современным периодом.*

Во многом такое положение вещей связано с терпимостью к распространению наркокультуры в богемной среде.

снисходительность / широта взглядов: *Так что мы учимся в семье многому: характеру, твердости... и в то же время уступчивости, мягкости, терпимости.*

Восстанавливаются навыки общения, терпимость к чуждому мнению.

Таким образом, значения лексем *толерантность* и *терпимость* в принципе совпадают. Однако в случае *терпимости* отсутствуют контексты с указанием на новизну и чуждость данного понятия, а также на то, что оно более характерно для других культур (американской / европейской). Что касается коннотаций, то в некоторых случаях *терпимость* также оценивается отрицательно:

[...] нельзя было ослаблять бдительность и проявлять снисходительность и терпимость к малейшим вражеским проискам.

контекст безразличной терпимости властей (см. пример выше).

Однако в большинстве случаев наблюдается положительная оценка слова *терпимость*, например:

Если все не могут думать одинаково, то, без сомнения, гораздо полезнее, благоразумнее и соответственное духу христианства – относиться с терпимостью к этим отпавшим частям, нежели стремиться к их насильственному слиянию.

Устойчивость глобального информационного общества основывается на стимулирующих развитие человека демократических ценностях, таких как свободный обмен информацией и знаниями, взаимная терпимость и уважение к особенностям других людей.

Выводы

1. Выявлены следующие словарные значения лексем *tolerance*, *толерантность* и *терпимость*:

tolerance: 1) *стойкость / выносливость (endurance)*, 2) *позволение / допущение (permission)*, 3) *терпимость / снисходительность (forebearance)* и 4) *допустимое отклонение (an allowable amount of variation)*;

толерантность: 1) *стойкость / переносимость (в медицине и физиологии)*, 2) *терпимость / снисходительность*;

терпимость: 1) *выносливость (как качество объекта)*, 2) *снисходительность / широта взглядов*.

2. При анализе контекстов употреблений слов *толерантность* и *терпимость* выявляются также значения *позволение / допущение* и *стойкость / выносливость*, не указанные в словарях. Данный факт может служить указанием на изменение значений слов вследствие влияния английского языка. Иными словами, в некоторых контекстах лексема *толерантность* используется в значении английского слова *tolerance*, и такие же значения переносятся на лексему *терпимость*, которая выступает ее синонимом. Из-за тонкой грани между значениями *стойкость / выносливость (по отношению к боли / чему-то неприятному)* и *терпимость / снисходительность (по отношению к чужим практикам / мнениям, которые не являют-*

ся вредными, а лишь отличными от собственных) адресант может неверно воспринять коннотацию предложения. Например, в данном контексте: *хваленая европейская толерантность, похоже, трещит по швам – вон как швейцарцы поднялись на дыбы против минаретов* можно воспринять *толерантность* как способность к стойкости, выносливости, и, соответственно, сделать вывод о негативной оценке «*минаретов*», то есть мигрантов и представителей иных культур. Хотя в данном случае лексема *толерантность* использована в значении *терпимость / снисходительность*, и толерантность к мигрантам в данном случае будет означать «*терпимость, принятие чужих мнений и практик (не негативных, а отличных от собственных)*». Возможно, этот факт выступает одной из причин негативной оценки *толерантности* во многих русскоязычных контекстах.

Список литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Икар, 2009. 448 с.
2. Большой толковый словарь русского языка // Под ред. Кузнецова С.А. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (Дата обращения: 27.08.2016).
3. Голев Н.Д. Толерантность как вектор антиномического бытия языка // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*: Коллективная моногр. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 172–187.
4. Дунев А.И. Толерантность и интенциональность орфографии в текстах современной рекламы // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*: Коллективная моногр. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 165–172.
5. Ермакова О.П. Толерантность и некоторые особенности русского менталитета // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*: Коллект. моногр. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 124–132.
6. Жукова И.Н., Лебедько М.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М.: Флинта, 2013. 358 с.
7. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Полис (Политические исследования)*, 1997 №4. URL:

- http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/I/1997-4-2-Ingelheart_Postmodern.pdf (дата обращения: 20.01.2016).
8. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. Харьков: Гуманитарный центр, 2013. 436 с.
  9. Попова Т.В. Толерантность русского словообразования (на материале новообразований конца XX века) // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 132–153.*
  10. Перцев А.В. Современный миропорядок и философия толерантности // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 29–51.*
  11. Михайлова О.А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 99–111.*
  12. Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2000. 110 с.
  13. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.
  14. Трубина Е.Г. Повествование и наука: от вражды к толерантности // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 59–83.*
  15. Хомяков, М.Б. Толерантность и ее границы: размышления по поводу современной англо-американской теории // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 15–29.*
  16. Шмелев А.Д. Терпимость в русской языковой картине мира // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 111–124.*
  17. Back L. Multicultural Conviviality in the Midst of Racism's Ruins // *Journal of Intercultural Studies. 2016. Vol. 37 (5), pp. 517–532.*
  18. Harris A. Rethinking Youth Conviviality: The Possibilities of Intercultural Friendship Beyond Contact and Encounter // *Journal of Intercultural Studies. 2016. Vol. 37 (5), pp. 501–516.*
  19. Meer N. How does Interculturalism Contrast with Multiculturalism? // *Journal of Intercultural Studies. 2012. Vol. 33 (2), pp. 175–196.*

20. Oxford Dictionary, Thesaurus, and Wordpower Guide. Oxford University Press, New York. 2001. 1641 p.
21. Wassendorf S. Settling in a Super-Diverse Context: Recent Migrants' Experiences of Conviviality // *Journal of Intercultural Studies*. 2016. Vol. 37 (5), pp. 449–463.
22. Wise A. Convivial Labour and the 'Joking Relationship': Humour and Everyday Multiculturalism at Work // *Journal of Intercultural Studies*. 2016. Vol. 37 (5), pp. 481–500.

Список источников

1. Брагина Л., Серебряков А. Когда предложат играть дедушек, уйду в продюсеры // *Труд-7*, 2011.02.10.
2. Киселев Д. Европейская толерантность перестала работать // *Вести недели*, 2016.03.27.
3. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>. (дата обращения: 27.07.2016).
4. Рахимов М. Нам не нужна толерантность, нам нужна интеграция и взаимоуважение // *Новости Федерации*, 2016.03.31.
5. Юрьев Е. Страна падает в демографическую яму, которая беспрецедентна в нашей истории // *РБК Daily*, 2011.03.17.
6. Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 20.07.2016).

References

1. Azimov Je.G., Shhukin A.N. *Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam)* [New Dictionary of Methodological Terms]. М.: Ikar, 2009. 448 p.
2. Kuznecov S.A. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Big Dictionary of Russian Language]. SPb.: Norint, 1998. <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed: 27.08.2016).
3. Golev N.D. Tolerantnost' kak vektor antinomicheskogo bytiya yazyka [Tolerance as the Vector of the Antinomies Being of Language]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and Linguoculturological Problems of Tolerance]: Collective Monograph. 2005, pp. 172–187.

4. Dunev A.I. Tolerantnost' i intentsional'nost' orfografii v tekstakh sovremennoy reklamy [Tolerance and Intentionality of Orthography in the Texts of Modern Advertisements]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and Linguoculturological Problems of Tolerance]: Collective Monograph. 2005, pp. 165–172.
5. Ermakova O.P. Tolerantnost' i nekotorye osobennosti russkogo mentaliteta [Tolerance and Some Features of Russian Mentality]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and Linguoculturological Problems of Tolerance]: Collective Monograph. 2005, pp. 124–132.
6. Zhukova I.N., Lebed'ko M.G. *Slovar' terminov mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Dictionary of Terms of Interkultural Communication]. Moscow: Flinta, 358 p.
7. Inglehart R. Postmodern: menyayushchiesya tsennosti i izmenyayushchiesya obshchestva [Postmodern: Changing Values and Changing Societies]. *Polis (Politicheskiye issledovaniya)* [Political Studies]. 1997, no. 7. http://www.polisportal.ru/files/File/publication/Starie_publicakcii_Polisa/I/1997-4-2-Ingleheart_Postmodern.pdf (accessed: 20.01.2016).
8. Matheson D. *Media-diskurs. Analiz media-tekstov* [Media Discourses. Analysing Media Texts]. 2013, Harkov: Gumanitarny centr, 436 p.
9. Popova T.V. Tolerantnost' russkogo slovoobrazovaniya (na materiale novoobrazovaniy kontsa XX veka) [Tolerance of Russian Word-Building (on the Material of New-Built Words of the Late XXth century)]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and Linguoculturological Problems of Tolerance]: Collective Monograph. 2005, pp. 132–153.
10. Pertsev A.V. Sovremennyy miroporyadok i filosofiya tolerantnosti [Modern World Order and the Philosophy of Tolerance]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and Linguoculturological Problems of Tolerance]: Collective Monograph. 2005, pp. 29–51.
11. Mikhaylova O.A. Tolerantnost' i terpimost': vzglyad lingvista [Tolerance and Indulgence: View of a Linguist]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and Linguocul-

- turological Problems of Tolerance]: Collective Monograph. 2005, pp. 99–111.
12. Sternin I.A., Shilikhina K.M. *Kommunikativnye aspekty tolerantnosti* [Communicative Aspects of Tolerance]. Voronezh: Voronezhsky gos. un-t, 2000, 110 p.
  13. Ushakov D.N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Language]. M.: OGIz; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov., 1935–1940.
  14. Trubina E.G. Povestvovanie i nauka: ot vrazhdy k tolerantnosti [Narrative and Science: From Hostility to Tolerance]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and Linguoculturological Problems of Tolerance]: Collective Monograph. 2005, pp. 59–83.
  15. Khomyakov M.B. Tolerantnost' i ee granitsy: razmyshleniya po povodu sovremennoy anglo-amerikanskoj teorii [Tolerance and its Borders: Speculations on the Modern Anglo-American Theory]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and Linguoculturological Problems of Tolerance]: Collective Monograph. 2005, pp. 15–29.
  16. Shmelev A.D. Terpimost' v russkoj yazykovoj kartine mira [Tolerance in the Russian Linguistic World Picture]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and Linguoculturological Problems of Tolerance]: Collective Monograph. 2005, pp. 111–124.
  17. Back L. Multicultural Conviviality in the Midst of Racism's Ruins. *Journal of Intercultural Studies*. 2016. Vol. 37 (5), pp. 517–532.
  18. Harris A. Rethinking Youth Conviviality: The Possibilities of Intercultural Friendship Beyond Contact and Encounter. *Journal of Intercultural Studies*. 2016. Vol. 37 (5), pp. 501–516.
  19. Meer N. How does Interculturalism Contrast with Multiculturalism? *Journal of Intercultural Studies*. 2012. Vol. 33 (2), pp. 175–196.
  20. Oxford Dictionary, Thesaurus, and Wordpower Guide. Oxford University Press, New York. 2001. 1641 p.
  21. Wassendorf S. Settling in a Super-Diverse Context: Recent Migrants' Experiences of Conviviality. *Journal of Intercultural Studies*. 2016. Vol. 37 (5), pp. 449–463.

22. Wise A. Convivial Labour and the 'Joking Relationship': Humour and Everyday Multiculturalism at Work. *Journal of Intercultural Studies*. 2016. Vol. 37 (5), pp. 481–500.

Sources

1. Bragina L., Serebryakov A. Kogda predlozhat igrat' dedushek, uydu v prodyusery [When play offer grandparents, go to the producers]. *Trud-7*, 2011.02.10.
2. Kiselev D. Evropeyskaya tolerantnost' perestala rabotat' [European tolerance ceased to work]. *Vesti nedeli*, 2016.03.27.
3. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [The Russian National Corpus]. <http://www.ruscorpora.ru/>
4. Rakhimov M. Nam ne nuzhna tolerantnost', nam nuzhna integratsiya i vzaimouvazhenie [We do not need tolerance, we need integration and mutual]. *Novosti Federatsii*, 2016.03.31.
5. Yur'ev E. Strana padaet v demograficheskuyu yamu, kotoraya bespretsedentna v nashey istorii [Country falls into the demographic hole, which is unprecedented in our history]. *RBK Daily*, 2011.03.17.
6. Corpus of Contemporary American English. <http://corpus.byu.edu/coca/>

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Диденко Вероника Викторовна, аспирант каф. лингвистики и межкультурной коммуникации
Дальневосточный Федеральный Университет
ул. Суханова, 8, г. Владивосток, Приморский край, 690091,
Российская Федерация
monikumulo@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Didenko Veronica Viktorovna, Post-Graduate Student of the Dept. of Linguistics and Intercultural Communication
Far Eastern Federal University
8, Sukhanova Str., Vladivostok, Primorsky Krai, 690091, Russian Federation
monikumulo@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-174-185

УДК 81'322.5

АДАПТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВОГО МЕХАНИЗМА В СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЕ

Измайлов А.З., Абдуллаева З.Р., Багдасарова И.Ю.

Коммуникативный процесс, выявляющий характер и сущность языковой личности, продолжает оставаться одним из самых актуальных вопросов прикладной лингвистики. Для выяснения особенностей индивидуального языкового проявления в контексте речевого взаимодействия необходимо, в первую очередь, определить те условия, которые способствуют достижению речевого равновесия между участниками диалогического общения. Новизна предлагаемой статьи заключается в том, что механизм языковой адаптации рассматривается в соотношении с адаптогенным (фоновым) состоянием самой коммуникативной среды (ситуации) и коммуникативными намерениями речевых оппонентов. Выводы работы заключаются в определении трех основных факторов, так или иначе влияющих на движение адаптивного языкового механизма в направлении достижения равновесного положения всех участников речевого процесса, а именно: благоприятный эмоциональный фон диалога, речевая статусность участников и вариативное использование ими экспрессивно-вербального потенциала.

***Цель.** Предлагаемая вниманию статья рассматривает термины «субъективно-личностная вариативность» или «коммуникативная компетентность» с точки зрения экспрессивно-вербального потенциала говорящего. Авторы статьи ставят целью выяснить особенности проявления адаптивных языковых возможностей речевого субъекта в постоянно меняющихся условиях коммуникативного процесса.*

***Метод или методология проведения работы.** Проводимый в работе анализ языкового материала базируется на индуктивном*

методе анализа: от конкретных языковых фактов к установлению системных взаимоотношений между ними и формулированию на этой основе теоретических положений и выводов.

Результаты. Результатом работы является переосмысление понятия «субъективно-личностной вариативности», данного Б.Ю. Норманом, в контексте диалогической ситуации. Выясняется сущность процесса адаптации при спонтанном взаимодействии коммуникантов, направленном на передачу исходного смысла. Авторы выводят понятие адаптогенности речевой ситуации как одной из важнейших условий проявления адаптивности речевого субъекта и определяют ее основные параметры.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в качестве дополнительного материала при изучении курсов: «Языкознание», «Теория языка» и «Психолингвистика».

Ключевые слова: механизм речевой адаптивности; субъективно-личностная вариативность; адаптогенность речевой ситуации; социально-коммуникативная среда; речевая статусность; речевая толерантность; речевая агрессия.

LANGUAGE MECHANISM ADAPTABILITY IN SOCIAL COMMUNICATIVE ENVIRONMENT

Izmailov A.Z., Abdullaeva Z.R., Bagdasarova I.Yu.

The communicative process, being capable of revealing the nature and essence of the language persona, continues to be one of the most pressing issues of applied linguistics. In order to determine the characteristics of the individual language manifestations in the context of verbal interaction, it is necessary to define the conditions that contribute to achieving speech balance between dialogue counterparts. The novelty of the article is that the mechanism of language adaptation is considered in relation to the adaptogenic (background) state of the communication environment (situation) itself and speech opponents' commu-

nicative intentions. The conclusion of the study includes determination of three major factors, that one way or another affect the movement of the language adaptive mechanism towards the equilibrium position of all the speech process counterparts, namely: a favorable emotional background of the dialogue, the participants' speech status and their variable use of expressive verbal potential.

Purpose. *The study considers the terms 'subjective-personal variability' or 'communicative competence' from the point of view of the speaker's expressive-verbal potential. The authors are aimed to determine the characteristics of the way the speech subject's adaptive language capabilities manifest themselves in ever-changing conditions of the communicative process.*

Method and methodology of work. *The analysis of the linguistic material is based on an inductive method, i.e. the analysis of particular language facts followed by establishing the system of relations between them and further formulation of theoretical propositions and conclusions.*

Results. *The concept of 'subjective-personal variability', proposed by B.Ju. Norman, gets its reinterpretation in the context of dialogue situation. It is the essence of the adaptation process in terms of the spontaneous interaction of communicants, aimed at transferring of the original meaning, that is found out. The authors derive the concept of adaptogenic characteristic of the speech situation as one of the most significant conditions for the manifestation of adaptability of the speech subject and determine its basic parameters.*

Practical implications. *The results of the study can be used as a source of additional material while teaching linguistics, theory of language, psycholinguistics.*

Keywords: *speech adaptability mechanism; subjective-personal variability; adaptogenic characteristic of the speech situation; social-communicative environment; speech status; speech tolerance; speech aggression.*

Возможности проявления языкового механизма в социально-коммуникативной сфере являются практически неисчерпаемыми. В одной из работ Б.Ю. Нормана свойство адаптивности языкового

механизма, обусловленное его экспрессивно-вербальным потенциалом, обозначается как «субъективно-личностная вариативность» или «коммуникативная компетентность» и включает следующие основные характеристики: 1) наличие индивидуального запаса разнообразных лингвистических и экстралингвистических приемов для актуализации когнитивной, эмоционально-экспрессивной и прикладной функций коммуникации; 2) ситуативно-адаптивное варьирование средствами коммуникации в процессе реального диалогического общения; 3) корректировка нормативности высказывания с учетом действующих правил речевого этикета [6, с. 147].

Указанное определение ключевого понятия Б.Ю. Норманом представляется нам наиболее адекватным в контексте настоящего исследования, поскольку отражает изменчивую сущность коммуникативного процесса, который, в свою очередь, отражает существенный характер многоуровневых и неоднозначных взаимоотношений между языком и социумом.

Реализация речевой адаптивности (как способности) в контексте спонтанного диалога, предполагает некие ограничения семантического свойства (умаление исходного смысла для целей быть наиболее адекватно и точно воспринятым собеседником), что, в конечном итоге, не может не накладывать отпечаток на полную и озвученную финальную структуру [12, с. 123]. Триггерным фактором, запускающим механизм речевой адаптивности в его самых разнообразных проявлениях, является сама речевая ситуация, ее адаптогенность, или, другими словами, уровень ее стрессовости. Чем выше уровень адаптогенности речевой ситуации, тем ярче проявляется способность (или отсутствие таковой) языкового субъекта к моделированию глубинной (базовой) речевой конструкции.

Речевая адаптивность как характеристика речевого субъекта складывается из трех основных составляющих: 1) коммуникативно-вербальной; 2) эмоционально-волевой и 3) компетентностной. Выделить преимущество какого-либо одного из названных компонентов не представляется возможным по той простой причине, что в зависимости от конкретной речевой ситуации указанные компонен-

ты могут играть доминантную либо субординативную роль. Скорее следует отметить, что для достижения устойчивого речевого статуса в окружающей коммуникативной среде необходимо сбалансированное наличие в субъекте всех трех компонентов [3, с. 12].

Что касается речевой статусности участников диалогического общения, то она проявляется как в количественном (квантитативный), так и в качественном (эмоционально-экспрессивном) аспектах. Количественный (квантитативный) аспект отражает объем речевого высказывания каждого из коммуникантов, в то время, как качественный (эмоционально-экспрессивный) отражает выполнение целевой установки диалога (разумеется, при наличии последней). В том случае, если характер взаимодействия коммуникантов не способствует запуску механизма речевой агрессии, можно говорить о толерантности в архитектонике данного диалога (диалогической ситуации) [13, с. 78]. Речевая толерантность может представлять собой результат усилий обоих коммуникантов или одного из них по преодолению назревающей конфликтной ситуации как, например, в следующем примере:

“Winslow had suddenly awakened from his dream. That braid that bound his decent black coat – it was a trifle loose – caught against the catch of the shop door, and was torn away. This suddenly turned his wretchedness to wrath. ...then with a spiteful clutch tore the braid looser, and went in to Minnie.

“Here,” he said with infinite reproach; “look here! You might look after a chap a bit.”

“I didn’t see it was torn,” said Minnie.

“You never do,” said Winslow, “until things are too late.”

“Minnie looked suddenly at his face. “I’ll sew it now, Sid, if you like.”

“Let’s have breakfast first,” said Winslow, “and do things at their proper time.” [10, p. 23]

Участник диалога (Winslow) находится в подавленном состоянии и используя незначительный повод (tearing away the braid of his coat), готов демонстрировать аффективное речевое поведение по отношению к другому участнику (Minnie). Реплика Минни (в особен-

ности последняя) направлена на ослабление возможной конфликтной ситуации. Технически это достигается выражением намерения выполнить действие по исправлению ситуации (*I'll sew it now*), прямого обращения (*Sid*) и вводной преференциальной конструкции, используемой по отношению к собеседнику (*if you like*). Уровень адаптогенности продемонстрированного отрывка достаточно низок и этот факт позволяет решить ситуативную речевую проблему минимумом речевых средств (Минни использует только одну конструкцию). При этом необходимо отметить сохранение общего позитивного эмоционального фона диалога (об этом свидетельствует последняя приглашающая фраза Сида) и сохранение речевой статусности участников.

Развитие диалогической ситуации, часто происходит по инициативе одного из участников (активного коммуниканта), в то время как у другого (пассивного коммуниканта) есть выбор по определению собственной позиции, как к предмету разговора, так и к личности говорящего (т.е. активного коммуниканта). При этом определяющим фактором для достижения конструктивного общения является именно личностное взаимоотношение участников. Приведем пример:

«Ральф вдруг шагнул к нему:

– Я же тебе велел. Я велел тебе список составить.

– А как? – орал в неистовстве Хрюша. – Один то я как?

Они две минутки посидели и в море посигали, по лесу разбежались, все подевались куда-то. Откуда же я разберусь-то, который кто?

Ральф провел по белым губам.

– Значит, ты не знаешь, сколько нас тут должно быть?» [2, с. 231].

Пассивный коммуникант (*Хрюша*) изначально занимает субординативную речевую позицию (низкий речевой статус). Он вынужден оправдываться и для этого использует широкий арсенал имеющихся в его распоряжении речевых средств: повторяющихся конструкций, риторических вопросов, эмоционально-усилительных слов. Коммуникативная задача *Хрюши* заключается в том, чтобы доказать свою невиновность в создании ситуации, и он достигает ее, о чем свиде-

тельствует последняя фраза Ральфа, которой он как бы нейтрализует эмоциональное состояние своего оппонента. Адаптогенность данной ситуации выше, чем в предыдущей и, следовательно, требует от ее участников использования больших средств для своего разрешения, тем не менее, и в данной ситуации конфликта удастся избежать. При этом большая инициатива в разрешении речевых задач принадлежит активному оппоненту.

Когда участники речевого диалога являются представителями разных социальных слоев и, соответственно, имеют разный уровень вербального интеллекта (высокий уровень адаптогенности речевой ситуации), задача создания речевого равновесия еще более усложняется. При этом выполнение такой задачи может осознаваться только одним из участников (при отсутствии намерения уравновесить ситуацию обеими участниками диалога просто не получается). В качестве наглядного примера подобной речевой ситуации мы использовали отрывок из пьесы «Что случилось в зоопарке» Э. Олби., участниками которой являются два человека. Коммуникативной целью инициатор диалога, Джерри, является самовыражение и самоутверждение. Он – активный коммуникант и, соответственно, задает тему и тональность разговора:

«Джерри (молча смотрит на Питера, пока тот, смущенный, не поднимает на него глаза). Может, поговорим? Или вам не хочется?»

Питер (с явной неохотой). Нет... отчего же.

Джерри. Я вижу, вам не хочется.

Питер (кладет книгу, вынимает трубку из рта. Улыбнувшись). Нет, право же, я с удовольствием.

Джерри. Не стоит, раз вам не хочется.

Питер (наконец решительно). Нисколько, я очень рад.

Джерри. Это, как его... Сегодня славный денек.

Питер (без всякой надобности воззрившись на небо). Да. Очень славный. Чудесный.

Джерри. А я был в зоопарке.

Питер. Да, кажется, вы уже говорили... не правда ли? [8, с. 201].

Его оппоненту, Питеру, приходится не просто быть пассивным слушателем, но и реагировать ожидаемым образом. Питер, является не просто, выходящим из другого класса, но и речевым антагонистом Джерри. Темы, навязываемые Джерри, не воспринимаются Питером на глубинном уровне. Сказанное может быть отнесено и к вербальному потенциалу Джерри (грубая, ненормативная лексика), которая также не находит речевого отклика у Питера. В результате взаимного непонимания и нежелания достигнуть речевого равновесия ситуация перерастает в конфликт и заканчивается гибелью одного из участников. Таким образом, можно сделать вывод о том, что механизм защитной языковой адаптации в данном случае не сработал.

Необходимо помнить также о том, что речевая статусность не всегда является прямым следствием социальной статусности. Другими словами, более высокое социальное положение одного из коммуникантов, не всегда тождественно обязательному преимущественному положению последнего в речевом акте. Речевое преимущество, безусловно, является следствием глубокого знания обсуждаемого предмета (компетентностный компонент) и экспрессивных речевых средств языка-участника (коммуникативно-вербальный компонент).

Говоря о проявлении в диалогической речи языковой адаптации нельзя обойти вниманием и такую форму субъективного речевого проявления как молчание [5, с. 81]. Последнее, по нашему убеждению, может репрезентировать акцентуированное отношение к собеседнику и в этом смысле часто представляется более красноречивым, чем любое из возможных высказываний [16, р. 102]. Для наглядности можно привести отрывок из Евангелия от Матфея, где Иисус говорит с Пилатом:

Иисус предстал перед наместником. «Ты “царь иудеев”»? – спросил Его наместник. «Так говоришь ты», – ответил Иисус.

Но когда старшие священники и старейшины стали обвинять Его, Иисус ничего не отвечал им.

«Ты что, не слышишь? – говорит Ему тогда Пилат. – Смотри, сколько против тебя обвинений!»

Но Иисус не сказал ни слова в ответ, чем очень удивил наместника [2, с. 1094].

Как видим из примера, молчание Иисуса предворяется фразой, которая, с одной стороны, показывает, что Пилат имеет право на собственное или навязанное окружающими мнение (проявление речевой толерантности), а с другой, обозначает речевую позицию Говорящего. Этот, поистине уникальный образец молчания, абсолютно лишенный эмоционального свойства (агрессии, антипатии и т.п.), коммуникативная цель которого состоит в том, чтобы показать бессмысленность продолжения разговора в заданном ключе.

Делая вывод, можно заключить, во-первых, что процессу развертывания адаптивного механизма речевого субъекта способствуют многочисленные факторы внешнего порядка (условия, в которых развертывается диалог), которые могут быть благоприятными или неблагоприятными для целей достижения ситуативного диалогического равновесия. Во-вторых, на указанный процесс влияет речевая статусность говорящих и состояние их взаимоотношений в момент речевого процесса. И, наконец, в-третьих, эффективность действия языкового механизма в каждом конкретном случае индивидуализируется экспрессивно-вербальным потенциалом каждого из участников, а также умением вариативно использовать данный потенциал для достижения поставленной задачи.

Список литературы

1. Антонов А.В. Информация: восприятие и понимание. Киев: Наукова Думка, 1988. 184 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., Российское Библейское Общество, 2012. 1407 с.
3. Голдинг У. «Шпиль» и другие повести. М.: Прогресс, 1981. 448 с.
4. Измайлов А.З. Языковая креативность личности: монография. Смоленск: Изд-во «Смоленская городская типография», 2011. 97 с.
5. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во УГУ, 1991. 171 с.
6. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Издательство МПУ «Народный учитель», 2001. 282 с.

7. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 351 с.
8. Олби Э. Смерть Бесси Смит и другие пьесы. М.: Прогресс, 1976. 307 с.
9. Ощепкова В.В. Образность в семантической системе языка. М.: Изд-во МОПИ им. Н.К. Крупской, 1989. 53 с.
10. Пинкер Стивен. Язык как инстинкт. М.: Едиториал УРСС, 2004. 456 с.
11. Сборник рассказов американских писателей. М.: Международные отношения, 1978. 192 с.
12. Шелякин М.А. Язык и человек. К проблеме мотивированности языковой системы. М.: Флинта-Наука, 2005. 296 с.
13. Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1992. 286 с.
14. Banks K.L. Living English. London: Hodder, 1983. 282 p.
15. Charleston, Britta M. Studies on the emotional and affective means of expression in English. London. Oxford university press, 1979. 297 p.
16. Scovel T. Psycholinguistics. Oxford University Press, 2010. 135 p.

References

1. Antonov A.V. *Informacija: vosprijatie i ponimanie* [Information: Perception and understanding]. Kiev: Naukova Dumka Publ., 1988. 184 p.
2. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [The Holy Scriptures comprising the Old Testament and the New Testament]. Moscow, Russian Bible Society, 2012. 1407 p.
3. Golding U. «*Shpil'*» i drugie povesti [The Spire and other stories]. Moscow: Progress, 1981. 448 p.
4. Izmailov A.Z. *Jazykovaja kreativnost' lichnosti* [Person's language creativity]. Smolensk: Smolenskaja gorodskaja tipografija Publ., 2011. 97 p.
5. Murzin L. N., Shtern A. S. *Tekst i ego vosprijatie* [Text and its perception]. Sverdlovsk: UGU Publ., 1991. 171 p.
6. Neljubin L.L. *Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'* [Defining linguistic dictionary]. Moscow: MPU "Narodnyj uchitel'" Publ., 2001. 282 p.
7. Norman B.Ju. *Grammatika govornjashhego* [Speaker's grammar]. St. Petersburg: SPbGU Publ., 1994. 351 p.

8. Olbi Je. *Smert' Bessi Smit i drugie p'esy* [The death of Bessie Smith and other plays]. Moscow: Progress, 1976. 307 p.
9. Oshhepkova V.V. *Obraznost' v semanticheskoj sisteme jazyka* [Figurality in language semantics]. Moscow: MOPI Publ., 1989. 53 p.
10. Pinker Steven. *Jazyk kak instinct* [The language instinct]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 456 p.
11. *Sbornik rasskazov amerikanskih pisatelej* [A miscellany of American stories]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1978. 192 p.
12. Sheljakin M.A. *Jazyk i chelovek. K probleme motivirovannosti jazykovoj sistemy* [Language and man. Revisiting the problem of language system motivation]. Moscow: Flinta-Nauka, 2005. 296 p.
13. Shtern A.S. *Perceptivnyj aspekt rechevoj dejatel'nosti* [Perceptive aspect of speech activity]. SPb.: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet Publ., 1992. 286 p.
14. Banks K.L. *Living English*. London: Hodder, 1983. 282 p.
15. Charleston, Britta M. *Studies on the emotional and affective means of expression in English*. London. Oxford university press, 1979. 297 p.
16. *American English today: el (??): McGraw-Hill Book Company*⁷ (прошу перепроверить данные по источнику)16. Scovel T. *Psycholinguistics*. Oxford University Press, 2010. 135 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Измайлов Антон Зелимханович, доцент департамента «Антикризисное управление и финансы», кандидат филологических наук

Институт экономики и антикризисного управления

ул. Вавилова, 53, корп. 3, г. Москва, 117312, Российская Федерация

Arolan705@yandex.ru

Абдуллаева Зульфия Рагимовна, ассистент кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий

Национальный исследовательский технологический университет МИСиС (Московский институт стали и сплавов)

ул. Ленинский проспект, 4, г. Москва, 119049, Российская Федерация
zulya ru@mail.ru

Багдасарова Илона Юрьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий
Национальный исследовательский технологический университет МИСиС (Московский институт стали и сплавов)
ул. Ленинский проспект, 4, г. Москва, 119049, Российская Федерация
artameli@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Izmailov Anton Zelimkhanovich, Assistant Professor, Department of Anti-crisis Management and Finances, Candidate of Philological Sciences
Institute of Economics and Anti-crisis Management
53, Vavilova Str., 53, korpus 3, Moscow, 117312, Russian Federation
Arolan705@yandex.ru

Abdullaeva Zulfiya Ragimovna, Teaching Assistant, Department of Foreign Languages and Communicative Technologies
National University of Science and Technology MISIS (Moscow Institute of Steel and Alloys)
4, Leninskiy prospekt, Moscow, 119049, Russian Federation
zulya ru@mail.ru

Bagdasarova Iona Yurevna, Senior Teacher, Department of Foreign Languages and Communicative Technologies
National University of Science and Technology MISIS (Moscow Institute of Steel and Alloys)
4, Leninskiy prospekt, Moscow, 119049, Russian Federation
artameli@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-186-203

УДК 81'271=161.1

ЭТНОЯЗЫКОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МИРА: КОНЦЕПТ «МИЛОСЕРДИЕ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Кобякова Т.И., Галиуллина С.Д., Сунцова Н.Л.

В статье лингвистическая проблема взаимосвязи языка и мышления освещена с точки зрения лингвокультурологии и лингводидактики, основной задачей которых является формирование лингвокогнитивного сознания и национального менталитета личности. Цель работы – охарактеризовать понятие «милосердие» как концепт русской духовности и определить его место в русской лингвокультуре. Объектом исследования и материалом для анализа послужили лексемы русского языка (благотворительность и попечительство), образующие ядро концепта «милосердие», а предметом – русская языковая картина мира. Методологическая база: метод дескриптивного анализа, интроспективный, диахронический, синхронический и типологический и лингвистические методы.

Ключевые слова: благотворительность; лингвокультура; милосердие; концепт; попечительство; этносознание; языковая картина мира.

ETHNOLINGUISTIC PERCEPTION OF THE WORLD: CONCEPT OF “MERCY” IN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

Kobiakova T.I., Galiullina S.D., Suntsova N.L.

In this article the issue of interrelationship between language and consciousness is considered from the point of view of Cultural Science and Linguistics and its task is the formation of language consciousness and national mentality.

*The aim of the study is to describe the concept of “mercy” as belonging to Russian spirituality only and to define its place in the Russian linguistic culture. The lexemes of the Russian language (charity and guardianship) were taken as the **object** and material for analysis as they form the core of the concept of “mercy” and as the subject for the analyses was taken the Russian language picture of the world. **Methodology:** the method of descriptive analysis, introspective, diachronic, synchronic, and typological and linguistic methods.*

***Keywords:** charity’ linguoculture; mercy; concept; guardianship; ethnic awareness; linguistic worldview.*

1. Введение

Язык определяет национально-культурную специфику этноязыкового сознания личности, позволяющего ей стать полноправным членом этнокультурного сообщества. Этноязыковое сознание как неотъемлемый компонент познавательной деятельности человека определён нами в качестве инструмента этнокультурного воздействия, в процессе которого личность осознаёт свою этническую принадлежность. Высшая форма проявления этноязыкового сознания – это национальное языковое сознание (включает совокупность вербализованных с помощью слов-концептов в сознании личности энциклопедических знаний, которые отражают суть сформированных в процессе её социализации, практических связей и отношений и с предметным, и с научным миром). Национальное языковое сознание как основа национального менталитета определяет модель поведения и общения членов этноса, способы и формы их жизнедеятельности, обусловленной прежде всего духовным аспектом мировосприятия.

Теоретической базой для обоснования концепта как лингвокультурного знака стали основные положения когнитивной лингвистики, этнопсихолингвистики и лингвокультурологии, представленные в трудах Н.Ф. Алефиренко, А. Вежицкой, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, В.В. Красных, Д.С. Лихачева, А.Д. Шмелева, Ю.С. Степанова и других ученых.

В нашей работе мы рассматриваем слово-концепт прежде всего как феномен культуры, являющийся лингводидактической единицей, способствующей вхождению человека в мир языка и культуры. В своей структуре он концентрирует все этапы абстрагирования культурного, в том числе и художественного образа, и отражает в этноязыковом сознании личности культурный фон, созданный путем присвоения репрезентирующей единице (слову-наименованию концепта) вторичного значения. Структура вербализованного концепта как дидактически интегрированной и культурологически насыщенной языковой единицы представляет собой многомерное образование [2, 3, 12], которое способствует развитию когнитивного мышления личности [6]. Цель работы – представить понятие «милосердие» как концепт русской духовности и определить его место в русской лингвокультуре. Объектом исследования и материалом для анализа послужили лексемы русского языка с национально-культурным компонентом значения, а предметом – русская языковая картина мира.

2. Методы исследования

Методологическую базу исследования составляют: 1) метод дескриптивного анализа, с помощью которого произведён тщательный отбор литературы по поставленной в исследовании проблеме и её изучение для установления общих и частных закономерностей лингвистических и экстралингвистических факторов; 2) интроспективный метод, на основе которого построен основной способ изложения информации – принцип свободного изъяснения материала; 3) диахронический, синхронический и типологический методы, в совокупности позволившие сопоставить разные научные мнения по данной проблеме; 4) лингвистические методы: лексико-семантический, этимологический, морфологический и лингвокультурологический анализы, помогли определить внутреннее значение рассматриваемых слов-концептов; 5) так как исследование выполнено на стыке историографии и лингвистики, то использован приём междисциплинарной интеграции, включающий в себя историографический и лингвистический анализы.

3. Результаты исследования

Феномен милосердия – неотъемлемая часть функционирования общества, так как он представляет собой систему действий, направленных на благодеяния, на улучшении жизни членов социума и основанных на дружелюбии, любви и справедливости. Данный концепт в русской языковой картине мира, в первую очередь, образован семантическими полями «благотворительность» и «попечительство» и является ядерным в русской концептосфере «Духовность» [13, 23]. Он занимает ключевое место, так как отражает систему мировоззрения русского народа, основанную на христианской морали.

Включающий в себя прежде всего лингвокультурологический анализ синергетический подход к изучению данного культурного феномена наглядно показывают, что в результате расширения социальных практик милосердие-попечительство и милосердие-благотворительность стали неотъемлемой частью прогрессивного общества, с одной стороны, и глубинной интенцией человеческого сознания – с другой.

В русской лингвокультуре попечительство – социальный институт в рамках государственного управления и самоуправления по защите интересов несовершеннолетних и недееспособных лиц, которая регулируется гражданским и семейным законодательством и осуществляется на безвозмездной основе. Благотворительность, основанная на безвозмездной, добровольной материальной и моральной помощи, является только формой осуществления попечительства.

4. Обсуждение результатов исследования

4.1. Милосердие как лингвокультурный феномен русского этноязыкового сознания

Важный концепт русской духовности репрезентирован в русском языке словом «милосердие», которое является наивысшей нравственной ценностью, положительной и созидательной (А. Камю, Г. Марсель, Ж.-П. Сартр), воплощённой в действиях, направлен-

ных, с одной стороны, на удовлетворение интересов других людей, признании их как личности, с другой – на стремлении к собственному совершенству (Н.А. Бердяев, Л.И. Шестов).

В нашем исследовании феномен «милосердия» рассматривается как один из ядерных концептов русской лингвокультуры, его внутреннее наполнение составляет основу русского национального сознания – идею активного сострадания, реальной помощи нуждающимся, умения поделиться с ближним. Милосердие – это своеобразная система мировоззрения, основанная на самоотверженном альтруизме, органичная естественная потребность делать добро, которая не воспринимается ни дающим, ни принимающим как что-то особенное и требующее благодарности. Отсюда связь концепта «милосердие» с философией «соборности» (А.С. Хомяков), идея которой состоит в единении свободы духа, нравственно-го закона и всеобщей любви.

С точки зрения когнитивной лингвистики и лингвокультурологии представляется интересным рассмотреть внутреннее содержание слова «милосердие», вербализующего данный концепт в системе русского языка.

В дореволюционных справочных и энциклопедических изданиях «милосердие» определено в двух ипостасях: с одной стороны, – это Божье милосердие, проявляющееся в спасительной любви Бога ко всем людям, с другой – это милосердие человеческое, основанное на сострадании к ближнему [9; 15]. В современных толковых словарях «милосердие» трактуется как готовность прийти на помощь или простить кого-нибудь из сострадания и человеколюбия; это эмоционально-чувственная сфера человеческой деятельности – осознание человеком своих взаимоотношений с другими людьми, мотивов поведения своих поступков и действий [10; 16], соотнесённых с понятием справедливости [20, 21].

Слово заимствовано из старославянского языка, образовано с помощью суффикса *цј* от именного прилагательного *милосръдь* – *жалостливый, жаление, сострадание, жалость*. Прилагательное *милосръдь* – калька латинского прилагательного *misericors*, кото-

рое является сложением *miser* – достойный сожаления, милости и *cor*, родительный падеж единственного числа *cordis* – сердце [22]. Отсюда сохранившиеся в языке выражения *сестра милосердия*, *проявить милосердие*, *оказать милосердие*, *быть милосердным*. Особую функцию в составе данного слова-концепта играет корень *серд*, так как отражает суть милосердия – именно сердечность как основа духовного самосознания даёт возможность личности постичь идею милосердия. Об этом рассуждают Ф.М. Достоевский в романе «Преступление и наказание», Л.Н. Толстой в романе-эпопее «Война и мир», А.С. Пушкин в повести «Капитанская дочка». Для христианской добродетели сердечность – это духовное и душевное состояние человека, совмещающее и жалость (сострадание – сочувствие, вызываемое чьим-то несчастьем, горем), и милость (доброе, человеколюбивое отношение или благодеяние), и любовь (чувство самоотверженной и глубокой привязанности) ко всему, что окружает человека.

Формами проявления милосердия являются *благотворительность* как благодеяние, направленное на оказание бескорыстной услуги или помощи, и попечительство как социальный институт защиты личных и имущественных прав и интересов несовершеннолетних и малоимущих слоёв населения.

4.2. «Милосердие-благотворительность» в русской языковой картине мира

Возникнув на Руси с принятием христианства, «благотворительность» прошла долгий эволюционный путь. Вначале она имела форму *личной религиозной благотворительности*, в том числе *княжеской*, распространённым видом которой была милостыня (подавание нищему). Устав (X век), разработанный князем Владимиром, дело благотворительности закрепил за церковью, и, наряду с личной благотворительностью, начинает развиваться *приходская благотворительность* [5, 7]. Начиная с XII века на Руси появляются общественные организации, оказывающие попечительские услуги, – братчины или братские союзы. В этот период зарождается

Верховное попечение – партнёрство государства с общественностью – и впервые вводится должность блюстителей (проброобраз куратора, в последующем попечителя). Со времени христианизации Руси до петровских реформ дело общественной благотворительности находилось в руках духовенства.

В отечественной науке феномен благотворительности определён прежде всего как негосударственная, нередко институционализируемая, добровольная безвозмездная деятельность по оказанию материальной помощи нуждающимся физическим лицам и организациям [11, 19]. В современном социуме благотворительность многоаспектна: это и *филантропия*, и *спонсорство*, и *меценатство* [14].

В словарно-справочной литературе конца XIX – начала XX века под благотворительностью подразумевается: 1) проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить на помощь неимущему» [9, 15]; 2) система основанных на чувстве дружелюбия действий, имеющих целью оказания помощи слабым членам общества, лишённым по той или иной причине возможности собственными силами обеспечить себе минимум средств существования (подробно: С.Н. Южаков, П.Н. Милкоков «Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания» (С.-Петербург, 1901, Т.3)); 3) «приятный долг сердца, которое любит отчуждать свою собственность в пользу ближнего, то есть любить с ними делиться достоянием, услугами, сведениями и прочее» («Энциклопедический лексиконъ» (СПб., 1856)); 4) делание добра, благодеяние (см.: «Словарь церковно-славянского и русского языка» (СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1847, Т.1) и прочие). В таком значении слово впервые было употреблено русским писателем-сентименталистом Н.М. Карамзиным в романе «О Петре и Магилене» [18].

В современных толковых словарях русского языка под «благотворительностью» подразумевают благотворительную деятельность, то есть безвозмездные действия и поступки, направленные на общественную пользу, в том числе и материальную помощь неимущим [10, 16].

Слово «благотворительность» является производным от глагола «благотворить», которое пришло в русский язык как калька с древнегреческого в процессе восприятия христианской религии и византийской литературы [11, 17]. Этот факт подтверждается переводами литературных памятников XIII–XV веков (например, «Хроники Георгия Амартала», «Жития Варлаама и Иоасафа»), где феномен «благотворительства» связан с заботой праведного христианина о душе, «благо» означает восстановление райского общения с богом в будущей вечной жизни, с дачей милостыни нищим и подношением даров церкви (подробно: «Полный православный богославянский энциклопедический словарь». (СПб.: 1912, Т.1. (Репринт 1992 года издания П.П. Сайкина), Р.И. Аванесов и др. «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (М., 1988, Т.1), И.И. Срезневский «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (Репринт 1893 г.; М., 1989) и прочие).

Два корня составляют основу внутренней структуры данного слова-концепта: один из них старославянский -благ(о)- («добро, счастье, то, что хорошо»), а другой – общеславянский -твор(ить) – «делать прочным», в современном русском языке применительно к «благотворительности» глагол «творить» означает делать, совершать благопристойные, основанные на гуманизме и альтруизме поступки [4, 22].

Для нашего исследования особо значим корень -благ-, лежащий в основе многочисленных слов русского языка (ср.: *благостный, благодатный, благотворительный*, благо и др.), формирующих шкалу духовных ценностей не только русского, но и российского менталитета. При достижении блага человек обретает счастье и радость, потому как удовлетворяются его потребности. Условно различают: 1) блага естественные (результат стихийных природных процессов); 2) блага общественные (результатом деятельности человека); 3) блага материальные (пища, одежда и т.п.); 4) блага духовные (поступки людей и т.п.). А среди них абсолютное благо (Бог) и субъективное благо (добро, красота, радость и т.п.). В русском этносознании «благо» прежде всего ассоциируется с общеславянским понятием «добро», с помощью которого человек

оценивает свои поступки; это объективная характеристика предмета с точки зрения эмоционального одобрения, отражающая положительное «нравственное качество человека и его поступков» (ср.: *Земные блага* – все, что служит для удовлетворения материальных потребностей человека; *На благо* – действовать в интересах кого / чего-либо; для пользы; *Всех благ* – фамильярная форма прощания, выражающая пожелания благополучия (фразеологизмы) и прочие).

Итак, лингвистический и историографический анализ позволил раскрыть денотативное содержание слова «благотворительность» как формы милосердия: 1) *негосударственная, общественная деятельность* – занятие в конкретной сфере общественных отношений, не связанных с государством, осуществляемые, как правило, частными лицами; 2) *безвозмездная услуга* – действие, осуществляемое для удовлетворения чьих-либо нужд и потребностей и не требующее платы за оказанную помощь; 3) *бескорыстие* – отсутствие стремления к личной выгоде, наживе, обогащению; 4) *помощь* – содействие как способ сохранения жизнеспособности другого человека; 5) *финансовая поддержка* – снабжение денежными средствами.

4.3. «Милосердие-попечительство» как феномен русской духовности

В эпоху петровских реформ постепенно начинает оформляться государственная организационная форма попечительства и частной благотворительности.

На рубеже XVII–XVIII вв. заложены основы государственного и общественного призрения, которое основано на сострадании, религиозных верованиях, нравственных воззрениях, патриотизме, сознании гражданской солидарности между членами общества, желании получить признательность со стороны правительства, которое таким образом пыталось устранить социальную напряжённость. Сложившаяся правительственная практика предусматривала партнёрские отношения, когда ответственность со стороны государства и частных лиц была равной. Однако по этой же причине должность по-

печителей образовательных учреждений порой воспринималась как повинность [5, 7]. В XIX веке в России заложена уникальная модель правительственного попечения, которое стало оформляться как форма государственной службы и социального института, закреплённого нормативно-правовыми документами. В «Малом энциклопедическом словаре» [15] к отличительным особенностям попечительства относятся: 1) организация, которая может осуществляться двумя способами – по отношению к получающим помощь и к оказывающим её; 2) субъектом попечительства являются земства, учебные округа; 3) мотивы деятельности, проявляющиеся в осознании гражданской солидарности членами попечительской общины, общественный интерес, забота правительства о благе населения; 4) цель попечительства – разумное обеспечение нуждающихся и борьба с нищетой.

Этимологический анализ слов «попечительство», «попечение», «попечитель» указывает на тот факт, что они имеют один и тот же старославянский корень -пек- / -печ(а)- (в общеславянском языке означал «забота» [22] и восходят к заимствованному из польского языка в XVI веке «опека», которое буквально означало «управление» и являлось словообразовательной калькой латинского слова *procuratio* «опека, управление». В древнерусском языке было много заимствований с этим корнем, например, «печа», «печаль» – 1) забота, попечение (мирские печали); 2) грусть, скорбь [1, 4], «печальник» – попечитель, заступник, покровитель (о земле великой печальник) (И.И. Срезневский «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1902)), «печаловатиса», «печаловати», «печалою», «печися» – заботиться, хлопотать, просить, «опекувати», «опекальник» – забота, старание [1, 4]. В последующем слово «печися» трансформируется в новую форму «печься» (хлопоты и участие, беспокойное попечение, радушное беспокойство о ком или о чём-либо). Именно от слова «печися» образуется «попечение» (подробно: «Полный церковнославянский словарь» Г. Дьяченко, 1900), имеющее в современном русском языке синонимы – забота, курация, опе-

ка, покровительство, попечительство; призор, призрение, при-
смотр, радение, рачение (архаизмы) [1].

В дореволюционной научно-справочной литературе понятия «опека» и «попечительство» рассматриваются как тождественные. Например, в «Энциклопедическом словаре Русского bibliографического института Гранат» подчёркивается, что опека и попечительство – юридический институт, его цель – попечение о личности опекаемого и управление его имуществом. В «Настольном словаре для справок по всем отраслям знаний», изданном в 1864 году под редакцией В.Р. Зотова и Ф. Толля, уже отмечается разница в трактовании данных понятий: опекун – юридическое лицо, ответственное за сохранность имущества опекаемого; попечитель – человек, который, управляя имением, заботится о приращении достатка. В «Малом энциклопедическом словаре» [15] указано, что значения слов «попечение», «попечительство» и «попечители» соединялись с правомочием на управление имуществом, в отличие от терминов «опека» и «опекун». Это выборная «должность», так как попечители назначались сословными органами и обязательно утверждались властями. В последующем слово-концепт «попечительство» расширило своё лексическое значение – от заботы о судьбе конкретного лица к попечению о целых отраслях жизни общества.

Согласно современным толковым словарям русского языка, попечительство – это либо форма защиты личных и имущественных прав и интересов несовершеннолетних и некоторых других категорий граждан, либо в царской России учреждение для попечения о ком / или чём-нибудь. Слово «попечение» имеет два значения: во-первых, это забота, оказание помощи, наблюдение; во-вторых, внимание к потребностям, нуждам кого-либо, охрана чьих-либо интересов. «Попечитель» – 1) тот, кто заботиться, печётся о чьих-либо нуждах, потребностях; 2) лицо, в общественном порядке помогающее несовершеннолетним и недееспособным в защите их законных прав и интересов; 3) должностное лицо, руководившее некоторыми учреждениями, учебными заведениями и т.п. (в Российском государстве до 1917 года) [10, 16].

На основе проведённого историографического и лингвистического анализа выделим семы, составляющие ядро внутренней структуры слова «попечительство»: 1) забота (помощь) и правовая защита, оформленная, как правило, законодательно, 2) государственная деятельность, 3) государственная служба (должность), 4) социальный (общественный) институт (попечительства), 5) система мероприятий, 6) повинность – общественная или государственная обязанность граждан, 7) благотворительное учреждение [8].

5. Заключение

Неотъемлемой частью русской лингвокультуры большинство исследователей считают феномен милосердия. Лингвокультурологический анализ выявил идейное содержание данного концепта – это самоотверженность, доброжелательность, стремление к справедливому обществу, а главное – понимание другого человека и деятельное участие в его жизни.

В русском этносознании данный концепт прежде всего реализован двумя понятийно-семантическими полями – «милосердие-благотворительность» и «милосердие-попечительство», – построенных на идее сострадания и милости по отношению к страждущим. Изначально попечительство было формой благотворительности, но начиная с XIX века оформилось как социальный институт гражданского общества. Попечительство подразумевает систему законодательно оформленных, нормативно регулируемых действий по защите прав и интересов недееспособных лиц и их опеке, благотворительность основана на добровольном пожертвовании средств при оказании помощи, в том числе попечительстве, гражданам (не обязательно недееспособным).

Список литературы

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: Около 5 000 синонимических рядов. Более 20 000 синонимов: 7-е изд., стер. М.: Русские словари, 1999. 433 с.
2. Анохина С.З. Когнитивное исследование объектов в процессе зрительного восприятия (на материале разноструктурных языков): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2011. 180 с.

3. Анохина С.З. Языковая интерпретация объектов зрительного восприятия // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 1. С. 116–119.
4. Балалыкина Э.А. *Метаморфозы русского слова: учебное пособие.* М.: Флинта: Наука, 2012. 264 с.
5. Быков А.А. Социальная защита детей в Сибири в XIX – начале XX века // *Актуальные проблемы теории и практики социальной работы с семьями и детьми: сб. науч. тр.* Томск, 2010. С. 143–149.
6. Валиахметова Э.К. Когнитивность как основа сопоставления лексики // *Наука сегодня: теория и практика. Сборник научных трудов международной заочной научно-практической конференции.* Уфимский государственный университет экономики и сервиса. 2015. С. 128–130.
7. Галиуллина С.Д. Попечительство как форма государственной службы в Российской Империи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 9 (113). С. 327–332.
8. Галиуллина С.Д., Кобякова Т.И. Концепт «попечительство» в русской языковой картине мира // *Filologické vědomosti.* 2016. № 1. С. 20–24.
9. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.* М.: Русский язык, 1978–1980.
10. Ефремова Т.Ф. *Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: 2-е изд., стер.* М.: Русский язык, 2001. 1084 с.
11. Исмаилова С.А. *Благотворительность и меценатство: сравнительный анализ [Электронный ресурс]* / Научно-издательский центр «СОЦИОСФЕРА». URL: http://sociosphera.com/publication/journal/2014/167/blagotvoritelnost_i_mecenatstvo_sravnitelnyj_analiz (дата обращения 04.08.2015).
12. Кобякова Т.И., Сунцова Н.Л. О внутреннем содержании слова-концепта в лингводидактическом аспекте // Вестник научных конференций. 2016. № 1-4 (5). С. 63–66.
13. Кобякова Т.И. *Лексикографическое описание семантической структуры концептов русской духовности (на материале учебного слова-*

- ря) // Исследования по семантике: межвузовский научный сборник. Уфа, 2004. С. 263–274.
14. Логунова Е.Г. Феномен милосердия: опыт социально-философского анализа: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ижевск, 2010. 20 с.
  15. Малый энциклопедический словарь: в 4 т. / репринт. воспроизв. изд. Брокгауза-Ефрона. М.: Терра, 1994. 520 с.
  16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1996. 928 с.
  17. Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, конец XVIII – начало XX века: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 268 с.
  18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. Изд. 4-ое, стер. М.: ООО «Астрель-АСТ», 2003. 864 с.
  19. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11.08.1995 № 135-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Компьютерная справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495 (дата обращения 01.10.2016).
  20. Хайруллин В.И. Одна из классических концепций категории справедливости // Право и политика. 2000. № 12. С. 15.
  21. Хайруллин В.И. Справедливое общество или «утопизм» Достоевского // Государство и право. 2004. № 8. С. 100–105.
  22. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя: 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1975. 546 с.
  23. Kobiakova T.I., Suntsova N.L., Raemguzhina Z.M., Tumanova A.S., Fatkullina F.G. Russian Approach to the Problem of Correlation of Linguistic Consciousness and National State of Mind // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. № 6 S2, pp. 111–121. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n6s2p111

References

1. Abramov N. *Slovar' russkikh sinonimov i shodnyh po smyslu vyrazhenij: Okolo 5 000 sinonimicheskikh rjadov. Bolee 20 000 sinonimov*

- [Dictionary of Russian synonyms and similar expressions: About 5 000 synonymic rows. Over 20,000 synonyms]. Moscow: Russkie slovari, 1999. 433 p.
2. Anokhina S.Z. *Kognitivnoe issledovanie obektov v processe zritel'nogo vospriyatija (na materiale raznostrukturnyh jazykov)* [Cognitive study of objects in the process of visual perception (on the material of Languages of different structures): Synopsis of thesis. Ufa, 2011. 180 p.
  3. Anokhina S.Z. Jazykovaja interpretacija obektov zritel'nogo vospriyatija [Linguistic interpretation of the objects of visual perception]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. V. 15. no 1. Ufa, 2010, pp. 116–119.
  4. Balalykina Je.A. *Metamorfozy russkogo slova: uchebnoe posobie*. [Metamorphoses of the Russian word: study guide] M.: Flinta: Mauka, 2012. 264 p.
  5. Bykov A.A. Social'naja zashhita detej v Sibiri v HIIH – nachale HH veka [Social protection of children in Siberia in the XIX – early XX century]. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki sotsial'noy raboty s sem'jami i det'mi* [Actual problems of the theory and practice of social work with families and children]: collection of scientific works. Tomsk, 2010, pp. 143–149.
  6. Valiakhmetova E.K. Kognitivnost' kak osnova sopostavlenija leksiki [Cognition as the Basis of Comparison of Vocabulary]. *Nauka segodnja: teorija i praktika. Sbornik nauchnyh trudov mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Science Today: Theory and Practice. Collection of scientific works of the international correspondence scientific-practical conference]. Ufa State University of Economics and Service]. Ufa, 2015, pp. 128–130.
  7. Galiullina S.D. Popechitel'stvo kak forma gosudarstvennoy sluzhby v Rossiyskoy Imperii [Guardianship as a form of public service in the Russian Empire]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanitarian Sciences]. Tambov, 2012, pp. 327–332.

8. Galiullina S.D., Kobyakova T.I. Kontsept «popechitel'stvo» v russkoy yazykovoy kartine mira [The concept of “custody” in Russian language picture of the world]. *Filologické vědomosti*. 2016. № 1, pp. 20–24.
9. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Living Great Russian Language]. M.: Russian Language, 1978–1980.
10. Efremova T.F. *Novyy slovar' russkogo yazyka: tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New dictionary of the Russian language: definition – word-formation]. M.: Russian Language, 2001. 1084 p.
11. Ismaylova S.A. *Blagotvoritel'nost' i metsenatstvo: sravnitel'nyy analiz* [Charity and Philanthropy: a comparative analysis]. http://sociosphera.com/publication/journal/2014/167/blagotvoritelnost_i_mecenatstvo_sravnitelnyj_analiz (accessed 04.08.2015).
12. Kobyakova T.I., Suntsova N.L. O vnutrennem sodержanii slova-kontseptu v lingvodidakticheskom aspekte [On the internal content of the Wword concept in the linguo-didactic aspect]. *Vestnik nauchnykh konferentsiy* [Bulletin of Scientific Conference]. 2016. № 1–4 (5), pp. 63–66.
13. Kobyakova T.I. Leksikograficheskoe opisanie semanticheskoy struktury kontseptov russkoy dukhovnosti (na materiale uchebnogo slovary) [Lexicographic description of the semantic structure of the concepts of Russian spirituality (based on the dictionary)]. *Issledovaniya po semantike: mezhyuzovskiy nauchnyy sbornik* [Studies on semantics: interuniversity scientific collection]. Ufa, 2004, pp. 263–274.
14. Logunova E.G. *Fenomen miloserdiya: opyt sotsial'no-filosofskogo analiza* [The phenomenon of mercy: the Experience of socialphilosophical analysis]: Synopsis of thesis. Izhevsk, 2010. 20 p.
15. *Malyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Small encyclopedic dictionary]. M.: Terra, 1994. 520 p.
16. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. M., 1996. 928 p.
17. Ul'yanova G.N. *Blagotvoritel'nost' v Rossiyskoy imperii, konets XVIII – nachalo XX veka* [Philanthropy in the Russian Empire, the End

- of XVIII – beginning of XX century]; Synopsis of thesis. M., 2006. 268 p.
18. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian language]: Translated from German and added by O.N. Trubacheva. Moscow: Astrel-AST, 2003. 864 p.
19. Federal'nyy zakon «O blagotvoritel'noy deyatel'nosti i blagotvoritel'nykh organizatsiyakh» ot 11.08.1995 № 135-FZ [Federal Law “On Charitable Activity and Charitable Organizations” dated 11.08.1995 No. 135-FZ]. *Consultant Plus*: Computer Reference and Legal System. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495 (accessed 01.10.2016).
20. Khayrullin V.I. Odnа iz klassicheskikh kontseptsiy kategorii spravedlivosti [One of the Classic Concepts of Justice]. *Pravo i politika* [Law and Politics]. 2000. No. 12. P. 15.
21. Khayrullin V.I. Spravedlivoe obshchestvo ili “utopizm” Dostoevskogo [Just Society or “Utopianism” of Dostoevsky]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. 2004. No. 8, pp. 100–105.
22. Shanskiy N.M., Ivanov V.V., Shanskaya T.V. *Kratkiy etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Brief etymological dictionary of Russian Language]. M.: Prosveshchenie, 1975. 546 p.
23. Kobiakova T.I., Suntsova N.L., Raemguzhina Z.M., Tumanova A.S., Fatkullina F.G. Russian Approach to the Problem of Correlation of Linguistic Consciousness and National State of Mind. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. № 6 S2, pp. 111–121. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n6s2p111

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Кобякова Татьяна Ивановна, доцент, кандидат педагогических наук
Уфимский государственный нефтяной технический университет
ул. Космонавтов, 1, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450062,
Российская Федерация

Галиуллина Светлана Дмитриевна, профессор, доктор исторических наук, доцент

Уфимский государственный нефтяной технический университет

ул. Космонавтов, 1, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450062,

Российская Федерация

galiullinasd@ya.ru

Сунцова Нина Леонидовна, доцент, кандидат филологических наук

Уфимский государственный нефтяной технический университет

ул. Космонавтов, 1, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450062,

Российская Федерация

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kobiakova Tatyana Ivanovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Ufa State Petroleum Technological University

1, Kosmonavtov Str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450062,

Russian Federation

Galiullina Svetlana Dmitrievna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Ufa State Petroleum Technological University

1, Kosmonavtov Str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450062,

Russian Federation

galiullinasd@ya.ru

Suntsova Nina Leonidovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Ufa State Petroleum Technological University

1, Kosmonavtov Str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450062,

Russian Federation

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-204-215

УДК 81'38

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИАЛОГ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ, ОБРАЗНЫЙ СМЫСЛ, ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ М.А. ШОЛОХОВА)

Кочетова Л.П.

***Цель.** Цель проводимого изыскания заключается в выявлении закономерностей формирования образного смысла в речевом общении между персонажами. Раскрывается понятие художественного диалога как архе типической формы отражения повседневного взаимодействия в авторском универсуме, определяется конструктивная роль двусмысленности, противоречий, юмористического воспроизведения действительности и парадоксов в читательской интерпретации целостного литературного произведения. Делается вывод, что, конструируя художественный диалог, автор апеллирует к особой разновидности реализма и достоверности, репрезентируя такие языковые характеристики, которые признаются читателем как типичные, хотя и идеализированные для определенной речевой ситуации. Межличностное общение, имеющее место между персонажами, внедряется в общий коммуникативный процесс, неизменными участниками которого являются рассказчик и читатель.*

***Метод проведения работы.** В изыскании анализируются фрагменты художественных диалогов, отражающих личностные характеристики персонажей. Материалом исследования послужили примеры взаимодействия персонажей, извлеченные из второго тома романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Конкретная методика, применяемая в анализе речевого материала, является комплексной, сочетающей в себе элементы описательного, компонентного, прагматико-семантического методов.*

***Результаты.** В ходе развития художественного диалога актуализуются личностные характеристики говорящих персона-*

жей. Свойства личности участников речевого общения, их различное соотношение определяют авторский выбор языковых средств в процессе конструирования речевого общения, отражения вербального поведения взаимодействующих персонажей. Диалог конструируется автором таким образом, что разнообразные (психологические, интеллектуальные, социокультурные) свойства личности персонажей начинают оказывать влияние на общий ход конструируемого межличностного взаимодействия, определяют внешний контекст протекания диалога. В результате читатель, интерпретируя художественный диалог, восстанавливает разнообразные характеристики говорящего персонажа, использует план выражения в целях реконструкции плана содержания.

Область применения результатов. Изложенный материал может быть задействован в практическом курсе интерпретации художественного текста, в преподавании лингвистики текста и теории художественного повествования.

Ключевые слова: художественный диалог; персонаж; неоднозначность; противоречие; юмористическое воспроизведение действительности; парадокс; реагирующая реплика персонажа.

FICTIONAL DIALOGUE: PATTERN DESIGN, FIGURATIVE MEANING, LANGUAGE SPECIFICS (BASED ON M.A. SHOLOKHOV'S PROSE)

Kochetova L.P.

Purpose. *The purpose of the conducted research is revealing the pattern design of the figurative meaning forming in the characters' speech conversations. We develop the notion of fictional dialogue as the archetypical form of reflecting the daily life interaction in the author's universe. The article defines the constructive role of ambiguity, contradiction, humorous reality reproduction and paradox in the reader's interpretation of the coherent literary piece of work. The deduction is made that on constructing the fictional dialogue the author appeals to*

the specific form of realism and authenticity, representing the language characteristics which the reader admits as typical, though idealized for the particular speech situation. Interpersonal conversation taking place between the characters is embedded into the general communicative process where the narrator and the reader invariably take part.

Methodology. *The research analyzes the fictional dialogue fragments reflecting the characters' personal characteristics. The material for investigation is based on the examples of the characters' interaction taken from the second volume of M.A. Sholokhov's "And Quiet Flows the Don". The concrete methodology applied to the analysis of the speech material is characterized as a complex combination of the elements of descriptive, componental and pragmatic and semantic methods.*

Results. *In the course of fictional dialogue development, the speaking character's personal characteristics are actualized. The speech conversation partakers' features, their various correlation determine the author's choice of the linguistic means in the process of speech conversation constructing, reflecting the verbal behavior of the interacting characters. The author constructs the dialogue in such a way that various (psychological, intellectual, social and cultural) characters' personality features start to have influence upon the basic development of interpersonal interaction being constructed, as well as determine the external dialogic context. Thus, the reader interpreting the fictional dialogue uses the expression plan to reconstruct the content plan.*

Practical implications. *The material investigated can be used in the practical courses on literary text interpretation and in teaching text linguistics and fictional narrative theory.*

Keywords: *fictional dialogue; character; ambiguity; contradiction; humorous reality reproduction; paradox; character's reactive reply.*

В современных лингвистических концепциях текст анализируется преимущественно как самоорганизующаяся кибернетическая система, предполагающая решение многомерных задач в процессе интерпретации [4], [5], [10], [12]. Текст непрерывно регулирует функции своих конститuentов. В процессе восприятия текста адре-

сат соотносит актуализуемые в нем явления со своим общим фондом знаний языка, закономерностей реализации семантического содержания речевого произведения и исходных целей его реализации.

Р. де Богранд и В. Дресслер указывают, что, если в данном соотношении обнаруживается диспропорция, т.е. адресат оказывается неспособным объяснить те или иные текстовые явления с опорой на соответствующий опыт и компетенцию, стабильность текстовой системы нарушается, но может быть восстановлена посредством модификации знаний адресанта [14, с. 36]. В связи с этим в рамках коммуникативного сообщества действенными являются следующие две взаимозависимые тенденции:

- объем знаний, оптимальных для осознания текста, постоянно расширяется;
- уровень данных знаний предопределяет определенные границы на функциональные возможности текста.

В отношении последней тенденции создатель текста, как правило, не проявляет жесткой последовательности, поскольку текст, структура и содержание которого исчерпывающе соответствуют уровню читательских знаний о его функциональном потенциале, на практике обладает низкой информативностью. Факт наложения ограничений на структурно-содержательные потенции текста обладает значительными следствиями: процессы расшатывания и восстановления стабильности текстовой системы материализуются через проблемное столкновение с неизвестными текстовыми явлениями и их осознание в результате расширения знаний о функциональных возможностях текста [14, с. 36].

При этом интерпретация текста проливает свет на понимание авторской творческой манеры текстопорождения. Однозначной интерпретации со стороны адресата, как считают Р. де Богранд и В. Дресслер, не поддаются такие классы текстовых явлений, как двусмысленность, противоречия, юмористическое воспроизведение действительности и парадоксы [14, р. 37], которые, согласно нашим наблюдениям, частотно обнаруживаются в художественном диалоге, в частности, в рамках текста романа М.А. Шолохова «Ти-

хий Дон». При этом художественный диалог является архитипической формой репрезентации повседневного общения в авторском воображаемом универсуме. Ср. следующие фрагменты диалогов:

(1) «*А Аксинья при встречах смутно улыбалась, темнея зрачками, роняла вязкую тину слов: – Здорово, Гришенька! Как живешь-любимься с молодой женошкой? – Живем... – отделялся Григорий неопределенным ответом и норовил поскорее уйти от ласкового Аксиньиного взгляда*» [13, с. 239]: ответная диалогическая реплика персонажа характеризуется смысловой неопределенностью, не выявляет однозначного ответа на исходно заданный вопрос;

(2) «*Быстро пересек площадь, на развилке дорог остановился, перебирая в уме имена знакомых ребят, у кого можно было бы переночевать. Остановился на Михаиле Кошевом. Жил тот на отшибе, у самой горы; мать, сам Михаил, сестра-девка да двое братишек – вся семья. Вошел во двор, постучался в крохотное окошко саманной хаты. – Кто такой? – Михаил дома?*» [13, с. 243]: между стимулирующей и реагирующей репликами персонажей обнаруживается логическое противоречие, поскольку они не соотносятся в иллокутивном плане, между речевыми намерениями персонажей наблюдается явное смысловое несовпадение;

(3) «*– Гришка, а как же с Аксюткой? – А что? – Небошь, жалко кидать? – Я кину – кто-нибудь подымет, – смеялся тогда Гришка. – Ну, гляди, – и Петро жевал изжеванный ус, – а то женишься, да не в пору... – Тело заплывчиво, а дело забывчиво, – отиутился Гришка*» [13, с. 234]: в третьей реплике лексема *кидать* актуализуется в переносном значении, в последующей реагирующей реплике данная лексема воспринимается персонажем в прямом значении; в результате между диалогическими действиями персонажей обнаруживается языковая игра, моделирующая в общении комический эффект, который подкрепляется соответствующим смыслом пословицы, воспроизводимой персонажем в финальной реагирующей реплике;

(4) «*– Отступись, дед! – просил Тихон. – Я, дружок, рябых люблю. Мне шкалик не подноси, а рябую вынь да положи. **Что ни дюжей ряба – дюжей нашего брата, шельма, любит***» [13, с. 271]:

ответная диалогическая реплика персонажа содержит парадоксальное суждение, отражающее его уникальный жизненный опыт.

Образный смысл, ярко проявляющийся в вышеприведенных фрагментах диалогического общения персонажей, проливает свет на то, что модель текста как саморегулирующейся системы, предложенная Р. де Бограндом и В. Дресслером, не всегда оказывается действенной. Семантическая неопределенность, реализуемая в двусмысленных, противоречивых, комических и парадоксальных текстовых явлениях не блокируют интерпретативные процессы адресата, как полагают эти исследователи, а делают восприятие текста более увлекательным, являясь, фактически, центральным аспектом осознания отражаемой автором художественной действительности.

Если автор предоставляет персонажам право голоса, значит, у них возникает настоятельная потребность озвучивать информацию, важную для целостного понимания речевого произведения, что стимулирует читателя принимать активное участие в воссоздаваемой автором модели диалогического текста на правах неявного участника коммуникативного процесса. В рамках художественного текста наблюдается функциональное разграничение сфер диалога персонажей и повествования о персонажах, за которыми закрепляется различная степень репрезентации голосов, принадлежащих участникам воображаемых событий [2], [3], [9], [15].

М.М. Бахтин указывает на то, что язык, который используется персонажами, манера их речевой деятельности в вербальном и семантическом плане являются автономными феноменами (более подробно см. [6], [11]). Речь каждого персонажа основывается на уникальной индивидуальной системе воззрений на окружающий мир, отражает не авторскую манеру говорения, а авторский талант имитировать вербальную деятельность индивида, типичную для воспроизводимой художественной ситуации [8, с. 1085].

Порождая автономный образ персонажа, автор:

- осуществляет жесткий контроль над его повествовательным голосом;
- наделяет этот голос специфическими речевыми (фонетическими и грамматическими) характеристиками, которые до-

стоверно и типично соответствуют воспроизводимой художественной ситуации;

- прибегает к актуализации тех или иных текстовых явлений в целях создания семантической неопределенности в речи персонажей.

В этом отношении, как представляется, теория текста Р. де Богранда и В. Дресслера обладает двумя ценными исследовательскими находками, а именно тем, что теоретики именуют такими понятиями, как:

- «воспроизведение художественной ситуации»: элементарная реакция на ситуацию, в которой производитель текста повествует о чем-либо; имеет место, когда различные участники ситуации (персонажи) выявляют противоположные взгляды на то, что происходит [14, p. 165];
- «осуществление авторского контроля над этой ситуацией»: производитель текста отмечает тот или иной объект в ситуации или событие и делает его темой текста; это дискурсивное действие, которое изменяет текущий ход ситуации, когда автор делает попытку направить ситуацию к реализации определенной цели [14, p. 123].

Полагаем, что указанные понятия оказываются ключевыми в объяснении того, как организуются и упорядочиваются художественные тексты. Вместе с тем, функция голоса рассказчика (за которым скрывается имплицитный автор [1], [7]) усматривается в обеспечении беспристрастного освещения воспроизводимой в тексте ситуации. В противовес данному мнению мы считаем, что голос рассказчика в рамках художественного текста является механизмом контроля над процессом обмена диалогическими репликами между персонажами, обеспечения читателя актуальной текстовой информацией для оптимальной переработки отдельно взятого неоднозначного явления в воспроизводимой диалогической ситуации.

В романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» голос рассказчика воспроизводит художественную ситуацию в качестве стратегии обеспечения информации, актуальной для читательской интерпретации обмена диалогическими репликами между персонажами.

Так, образ Григория Мелихова является одним из центральных в тексте романа, а поэтому его диалогические реплики воспроизводятся рассказчиком в минимальном объеме, получая детализацию исключительно в случаях отражения поведенческих, эмоциональных и вербальных реакций персонажа на происходящие события, характер взаимоотношений с другими персонажами. Ср.:

(5) «— ... ты его берегись. Остерегайся. Мне переказывали казаки, дескать, пьяный Степан грозился: как первый бой — даст тебе пулю. — Ага. — Он тебе не простит. — Знаю» [13, с. 324]: рассказчик воспроизводит ответные реакции персонажа в минимальном объеме, поскольку для их читательской переработки не требуются привлечения каких-либо дополнительных параметров воспроизводимой ситуации, эта ситуация ясна из текущего общения персонажей и предшествующего хода развития художественного повествования;

(6) «Аксинья, кинув мешок, по шею зарылась в сено. — То-то благодать! Подрагивая от холода, Григорий прилег рядом. От мокрых Аксиньиных волос тек нежный волнующий запах. Она лежала, запрокинув голову, мерно дыша полуоткрытым ртом. — Волосы у тебя дурнопьяном пахнут. Знаешь, этаким цветком белым... — шепнул, наклонясь, Григорий» [13, с. 43]: реагирующая реплика персонажа сопровождается введением контекста ее реализации, речевой манеры произнесения реплики; рассказчик прерывает диалог персонажей повествованием, в котором содержатся внешние факты относительно действий участников общения.

Таким образом, автор речевого произведения, бессознательно учитывая позицию текста как особой кибернетической системы, одновременно пренебрегает данной позицией. В связи с этим в сферу актуальных интересов исследователей попадают проблемы, связанные с функционированием диалога как независимой переменной художественного текста. Художественный диалогический, несомненно, привлекает читательское внимание, а поэтому автор призван задавать процессу обмена речевыми репликами между персонажами оптимальную тональность, сопровождать иницилируемые персонажами высказывания оптимальной фоновой информацией.

Читатели воспринимают художественный диалог как проявление значимой коммуникации, которая оказывается релевантной для интерпретации целостного текста. Адресанты признают, что персонажи – в процессе общения друг с другом – занимают в тексте сильную смысловую позицию, их диалогические реплики выявляют исчерпывающую информацию о психологической и языковой личности персонажа. Художественный диалог фиксирует, как тот или иной персонаж концептуализует текущие события, преломляет свой экзистенциальный опыт во всех возможных типах речевого взаимодействия.

Список литературы

1. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Когнитивный подход к исследованию неявного знания // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 30–33.
2. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Контрастивное взаимодействие образов автора и персонажа в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 936–942.
3. Амирханян В.В., Кудряшов И.А. Образ персонажа в аспекте семантической структуры целостного художественного текста // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: Материалы V-ой Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Донское книжное издательство, 2015. С. 118–124.
4. Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Герменевтический анализ текста: когнитивные основания // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 7. С. 109–113.
5. Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Парадоксальность авторского мышления в аспекте когнитивной поэтики (на материале прозы Б. Поплавского) // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 576–579.
6. Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Концепция хронотопа М.М. Бахтина в аспекте проблемы взаимодействия языка и мышления // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 817–823.
7. Котова Н.С., Кудряшов И.А. Проблема выражения точки зрения автора и персонажа-рассказчика в художественном тексте // European Social Science Journal. 2013. № 8-1(35). С. 235–242.

8. Котова Н.С., Кудряшов И.А. Эпистемический статус собеседников и эвиденциальные средства его манифестации в диалогическом взаимодействии // В мире научных открытий. 2015. № 11.2(71). С. 1084–1095.
9. Котова Н.С., Кудряшов И.А. Лингвофилософская прагматика VS. когнитивная прагматика: два взгляда на одну и ту же проблему // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 817–823.
10. Кудряшов И.А. Роман Б. Поплавского «Домой с небес» как форма социального дискурса: лексико-синтаксическая перспектива // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2013. № 15. С. 133–138.
11. Кудряшов И.А., Клеменова Е.Н. Диалогическая педагогика М.М. Бахтина и методы вузовского обучения // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 3(59). С. 53–73.
12. Предложение и текст: системность и функциональность. Коллективная монография. Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2015. 412 с.
13. Шолохов М.А. Тихий Дон. М.: АСТ, 2015. Т.2. 928 с.
14. Beaugrande R., Dressler W. Introduction to text linguistics. L.: Longman, 1981. 325 p.
15. Kudryashov I.A. Character and author images as the central literary text categories // Вопросы. Ответы. Гипотезы: наука XXI века: Сборник научных докладов. Варшава: Sp. z.o.o. «Diamond trading tour», 2014. С. 113–114.

References

1. Azarova O.A., Kudrjashov I.A. Kognitivnyj podhod k issledovaniju nejavnogo znanija [Cognitive approach to implicit knowledge investigation]. *Kognitivnye issledovanija jazyka*. no 21 (2015): 30-33.
2. Azarova O.A., Kudrjashov I.A. Kontrastivnoe vzaimodejstvie obrazov avtora i personazha v hudozhestvennom tekste [Contrastive interrelations between the author and character's images in the literary text]. *Kognitivnye issledovanija jazyka*. no 25 (2016): 936-942.
3. Amirhanjan V.V., Kudrjashov I.A. Obraz personazha v aspekte semanticheskoy struktury celostnogo hudozhestvennogo teksta [Character's image in the aspect of the coherent literary text semantic structure]. *Jazyk i pravo:*

- aktual'nye problemy vzaimodejstvija: Materialy V-oj Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* [Language and law: actual problems of interaction: Proceedings in the International scientific-practical conference]. Ros-tov-na-Donu: Donskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2015, pp. 118–124.
4. Klemenova E.N., Kudrjashov I.A. Germenevtičeskij analiz teksta: kognitivnye osnovanija [Hermeneutic text analysis: cognitive basics]. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*. no 7 (2013): 109–113.
  5. Klemenova E.N., Kudrjashov I.A. Paradoksal'nost' avtorskogo myshlenija v aspekte kognitivnoj pojetiki (na materiale prozy B. Poplavskogo) [Author's thinking paradoxicality in the aspect of cognitive poetics (on the material of B. Poplavsky's prose)]. *Gumanitarnye i social'nye nauki*. no 2 (2014): 576–579.
  6. Klemenova E.N., Kudrjashov I.A. Konceptcija hronotopa M.M. Bahtina v aspekte problemy vzaimodejstvija jazyka i myshlenija [M.M. Bakhtin's chronotope conception in the aspect of language and thinking interaction problem]. *Kognitivnye issledovanija jazyka*. no 25 (2016): 817–823.
  7. Kotova N.S., Kudrjashov I.A. Problema vyrazhenija točki zrenija avtora i personazha-rasskazchika v hudozhestvennom tekste [The issue of author and character-narrator's point of view expression in the literary text]. *European Social Science Journal*. № 8–1(35) (2013): 235–242.
  8. Kotova N.S., Kudrjashov I.A. Jepistemičeskij status sobesednikov i jevidencial'nye sredstva ego manifestacii v dialogičeskom vzaimodejstvii [Interlocutors' epistemic status and evidential means of its manifestation in dialogic interaction]. *V mire nauchnyh otkrytij*. no 11.2(71) (2015): 1084–1095.
  9. Kotova N.S., Kudrjashov I.A. Lingvofilosofskaja pragmatika VS. kognitivnaja pragmatika: dva vzgljada na odnu i tu zhe problemu [Linguophilosophical pragmatics VS. cognitive pragmatics: two views on the same problem]. *Kognitivnye issledovanija jazyka*. no 25 (2016): 68–74.
  10. Kudrjashov I.A. Roman B. Poplavskogo «Domoj s nebes» kak forma social'nogo diskursa: leksiko-sintaksičeskaja perspektiva [B. Poplavsky's novel "To Home from the Heaven" as a form of the social discourse: lexical and syntactic perspective]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogičeskoj lingvistiki*. no 15 (2013): 133–138.

11. Kudryashov I.A., Klemenova E.N. Dialogicheskaja pedagogika M.M. Bah-tina i metody vuzovskogo obucheniya [M.M. Bakhtin's pedagogies and the methods of higher education methods] *Sovremennyye issledovanija social'nyh problem*. no 3(59) (2016): 53–73.
12. *Predlozhenie i tekst: sistemnost' i funkcional'nost* [Sentence and text: consistency and functionality]. Rostov-na-Donu: AkademLit, 2015. 412 p.
13. Sholokhov M.A. *Tihij Don* [And quiet flows the Don]. M.: AST, 2015. Vol.2. 928 p.
14. Beaugrande R., Dressler W. Introduction to text linguistics. L.: Longman, 1981. 325 p.
15. Kudryashov I.A. Character and author images as the central literary text categories. *Voprosy. Otvety. Gipotezy: nauka XXI veka: Sbornik nauchnyh dokladov* [Questions. Answers. Hypotheses: the science of XXI century]. Varshava: Sp. z.o.o. «Diamond trading tour», 2014: 113–114.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кочетова Людмила Павловна, соискатель кафедры теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации

*Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
ул. Большая Садовая, 105 / 42, г. Ростов-на-Дону, 344006, Рос-
сийская Федерация Россия
igalk@rambler.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kochetova Ludmila Pavlovna, Seeker of Candidate Degree, Language Theory and the Russian Language Department, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication

*Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University
105/42, Bolshaya Sadovaya Str., 105 / 42, Rostov-on-Don, 344006,
Russian Federation Russia
igalk@rambler.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-216-225

УДК 81

БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ЭТОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ МИШЕНЕЙ РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ И СРЕДСТВА ЕЕ АКТУАЛИЗАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Полякова А.А.

Основная цель нашего исследования состоит в изучении этофизиологических мишеней речевой манипуляции и средств ее речевой реализации на примере политического дискурса. В данной статье рассматривается такая этофизиологическая мишень манипуляции, как «безопасность».

Объектом исследования являются предвыборные агитационные речи кандидатов на пост главы США Д. Трампа и Х. Клинтон. Особенности реализации этофизиологических мишеней на эторецептивном уровне составляют предмет данного исследования.

Для достижения основной цели исследования послужили следующие методы: метод структурного моделирования для интерпретации речевого намерения, интерпретативный метод, метод интроспекции и понятийного анализа.

Результаты исследования вносят определенный вклад в развитие теории манипулятивного речевого поведения в политическом дискурсе и в предвыборном агитационном дискурсе как его разновидности. Практическая значимость исследования предполагает возможность использования его результатов в вузовских лекционных курсах по общему языкознанию, теории грамматики и стилистики, теории дискурса, а также при руководстве дипломными и курсовыми работами.

Ключевые слова: безопасность; манипуляция; этофизиологические мишени; предвыборная кампания.

**SECURITY AS ONE OF THE MAIN
ETHOLOGICAL AND PHYSIOLOGICAL TARGETS
OF THE SPEECH MANIPULATION AND MEANS
OF ITS SPEECH ACTUALISATION
IN THE POLITICAL DISCOURSE**

Polyakova A.A.

The aim of our research is to analyze ethological and physiological targets of the speech manipulation and means of its actualization as based on the political discourse. Such aetophysiological target as “security” is analyzed in this paper. The study subject is the pre-election agitational speeches of the candidates for presidency Donald Trump and Hillary Clinton, whereby we can research aspects of the ethological and physiological targets actualization.

The basis of the research is the structural modelling method for interpreting the speech intention, interpretative method, method of introspection and conceptual analyse. The results of the study contribute to the development of the theory of manipulative speech behavior in the political discourse and in the pre-election agitational discourse as its subtype.

The results may be used in lecture courses on general linguistics, theory of grammar and stylistics, theory of discourse as well as for graduate and course papers supervision.

***Keywords:** security; manipulation; ethological and physiological targets; pre-election campaign.*

Целостное, единое государство представляет собой гарант безопасной и стабильной жизни человека, и политика, которая ведется лидером страны в отношении социальной сферы, экономики, внешней и внутренней безопасности, напрямую влияет на жизнь гражданина, на его успешное и стабильное существование [1, с. 6]. При выборе главы государства именно эти аспекты жизни в качестве мишеней манипуляции массовым реципиентом могут подвергаться основному воздействию [6, с. 90]. Настоящее исследование

посвящено анализу манипулятивного воздействия кандидатов на пост главы государства на сознание электората, а также речевым способам влияния на мысли и сознание массового реципиента для достижения запланированного перлокутивного эффекта, который заключается в завоевании наибольшего доверия электората и получении большинства голосов в день выборов [4, с. 15]. То, насколько убедительнее будут обращения кандидатов, затронут ли их предвыборные программы действительно актуальные проблемы населения – станет поворотным моментом для исхода голосования. Одной из ключевых посылок нашего исследования является тот факт, что при агитационной работе продуцент затрагивает определенные инстинкты реципиента – мишени манипуляции, которые отражают насущные потребности электората. Проанализировав современные реалии жизни населения, мы выделили основные аспекты манипулятивного воздействия в политическом дискурсе:

- социальная политика (образование, медицина, пенсионный вопрос);
- экономика;
- безопасность (внешняя политика, проблема миграции) [2, с. 27].

Кроме социальной политики, экономического положения государства, первостепенное, на наш взгляд, значение имеет безопасность населения, поскольку она определяет жизнеспособность человека. Потребность человека в безопасности представляет собой внутреннюю и приоритетную цель, которая не ограничивается инстинктом самосохранения, а связана также с намерением обеспечить безопасность своих близких и общество в целом. На сегодняшний день, ввиду различных природных катаклизмов, реальных угроз со стороны терроризма, военных действий различного характера для многих стран основной задачей стало обеспечение безопасности человека [7, с. 490].

Большое влияние на психологию человека, его мысли и мировоззрение оказывает внешняя политика государства, о которой докладывает лидер страны. Хорошо продуманные и подготовленные

обращения продуцента, освещающие оценку внешних действий других государств, выражение своего мнения по этому поводу также способствуют формированию у реципиента подобного отношения к этим странам, сходного с отношением продуцента. Некоторые государства, бывшие некогда союзниками, могут восприниматься реципиентом в качестве врага, способного нарушить безопасность их страны [5, с. 56].

Другая сторона вопроса о безопасности касается проблемы миграции населения с Востока. До настоящего момента мир стремился к глобализации и интеграции, к свободе границ между странами, теперь, в условиях продолжительных войн на Ближнем Востоке и в следствии этого постоянного потока беженцев, для европейских стран это обернулось внутренним кризисом, который стал одним из факторов кризиса экономики, а также негативно повлияло на безопасность местного населения. Поэтому, для большинства кандидатов вопрос обеспечения безопасности является обязательным пунктом предвыборной программы. Лишь правильно выстроенная политика, социальная организация и поддержка со стороны социума способны решить проблему безопасности, которая обязательно найдет отклик в сознании реципиента, поскольку затрагивает основной инстинкт – инстинкт самосохранения [3, с. 30].

Нами были рассмотрены предвыборные речи кандидатов на пост президента США Хиллари Клинтон и Дональда Трампа и проанализированы их предложения по решению проблем внутренней и внешней безопасности страны. Основной научный интерес для нас представляют те лексические средства, употреблением которых продуцент может иметь воздействие на массового реципиента и актуализировать соответствующие мишени манипуляции.

Необходимо отметить, что вопрос безопасности освещается кандидатами практически во всех публичных выступлениях и дебатах Трампа и Клинтон, это объясняется важностью и срочностью решения данной проблемы, которая влияет на многие аспекты жизни граждан США.

Рассмотрим некоторые примеры из агитационных речей Хиллари Клинтон.

a) So we have a third fight: to harness all of America's power, smarts, and values to maintain our leadership for peace, security, and prosperity.

No other country on Earth is better positioned to thrive in the 21st century. No other country is better equipped to meet traditional threats from countries like Russia, North Korea, and Iran – and to deal with the rise of new powers like China.

No other country is better prepared to meet emerging threats from cyber attacks, transnational terror networks like ISIS, and diseases that spread across oceans and continents.

As your President, I'll do whatever it takes to keep Americans safe [8].

Хиллари Клинтон делает ставку на силу и мощь страны, ее ценности и интеллект, которые сохраняют лидерство Америки и обеспечат миру безопасность и процветание. В период предвыборной агитации, когда основное внимание уделяется будущему страны, на массового реципиента хорошо воздействуют слова о мощи и силе их государства, поэтому лексем-ассоцианты (*power, smarts, leadership, prosperity*) создают хорошую основу для достижения планируемого перлокутивного эффекта, который также может быть достигнут благодаря лексемам-номинантам (*peace, security*). Традиционно можно встретить в речи оратора мнение о своей исключительности, которое выражается с помощью гиперболы “*no other country on Earth*”, включающего в себя название нашей планеты, что звучит достаточно убедительно. Особая сила воздействия этого выражения проявляется в анафорическом повторе, которым мы наблюдаем в данном отрывке. Хиллари Клинтон позиционирует действия США как наиболее оснащенную и имеющую определенную стратегию для борьбы в XXI веке с «традиционными» угрозами со стороны России, Северной Кореи, Ирана и Китая. Можно сказать, о том, что продуцент, говоря об этих странах, создает образ врага США, тем самым воздействуя на продуцента.

Продуцент также убеждает массового реципиента в готовности отразить кибератаки, ИГИЛ и новые болезни. Лексем-ассоциан-

ты (*cyber attacks, transnational terror networks, ISIS, diseases*) вызывают у людей чувство тревоги, опасности и незащищенности, однако повтор выражения “*No other country is better positioned/equipped/prepared*” дает людям уверенность в том, что государство способно защитить их.

При победе на выборах 2016 Клинтон уверяет избирателей, что сделает все, что угодно, чтобы американцы были в безопасности. Данное предложение имеет мощный эмоциональный посыл, особую роль здесь играет производное наречие “*whatever*” и сужающая лексема-номинант “*Americans*”, что демонстрирует заботу кандидата не о стране в целом, а о ее жителях.

Что касается Дональда Трампа, то проблему безопасности политик поднимает с вопроса об эмиграции.

b) We agreed on the importance of ending the illegal flow of drugs, cash, guns, and people across our border.

We will build a great wall along the southern border. The most basic duty of government is to defend the lives of its citizens [9].

Упомянув большой поток эмигрантов со стороны Латинской Америки и, следовательно, незаконный ввоз наркотиков и оружия, Трамп предлагает построить стену вдоль южной границы, которая бы ограничила доступ в США. Для того, чтобы убедить массового реципиента в правильности избранных мер по решению проблемы эмиграции, необходимо грамотно подойти к выбору лексических средств, которые найдут отклик у аудитории и смогут оказать необходимый перлокутивный эффект. На наш взгляд, в речи Трампа каждое слово имеет свое значение и выполняет свою функцию. Во-первых, большинство предложений оратора начинается с местоимения “*we*”, которое служит объединению оратора, его команды с электоратом. Осознанность важности решения проблемы эмиграции выражена глаголом “*agreed*” и лексемой-ассоциантом “*importance*”. Лексемы-ассоцианты (*illegal flow of drugs, cash, guns, people across our border*) порождают в сознании реципиента чувство незащищенности, опасности и уязвимости, но продуцент заверяет, что решение этой проблемы состоит в строительстве стены, что выражается глаголом действия и

лексемой-ассоциантом (*we will build a great wall*). Само по себе слово “*wall*” имеет внутренние семы «что-то прочное», «крепкое» и «стабильного», что дает людям чувство уверенности и безопасности, а в сочетании с определением “*great*”, можно предположить, что данные слова оратора будут иметь большую силу убеждения. Не менее убедительно звучат слова политика об основной обязанности правительства, которая заключается в защите жизней граждан страны. На сознание массового реципиента эффективно воздействуют лексемы, указывающие, что государство ему что-то должно и обязано. В данном примере словосочетание “*duty of government*” сочетается с определением в превосходной степени “*the most basic*”. Глагол действия “*defend*” в отношении к лексемам-номинантам (*the lives of its citizens*) не может не воздействовать на сознание реципиента, поскольку создает чувство уверенности в безопасной жизнедеятельности.

c) I also believe that we could find common ground with Russia in the fight against ISIS. Immediately after taking office, I will ask my generals to present to me a plan within 30 days to defeat and destroy ISIS. We will defeat Radical Islamic Terrorism, just as we have defeated every threat we have faced in every age before [10].

Что касается отношения к России, то позиция Трампа кардинально отличается от позиции его оппонента Клинтон. По крайней мере на словах. Основное отличие состоит в том, что Д. Трамп видит в России союзника в борьбе с ИГИЛ. Однако в речи можно найти определенное противоречие: с одной стороны, глагол мышления “*believe*” подчеркивает уверенность оратора, но с другой, сочетание модального глагола со смысловым “*could find*” сеет некую неуверенность в конечном результате объединения с Россией против ИГИЛ. Далее речь продуцента можно назвать смелой, поскольку Трамп обещает не только победить терроризм, но и ставит определенный срок – 30 дней для победы над ИГИЛ. Речь продуцента очень уверена, у массового реципиента может не остаться сомнений в том, что все будет действительно так, как говорит политик. Мишень манипуляции «безопасность» актуализируется благодаря наречию “*immediately*”, лексеме-ассоцианту “*plan*”, которая ассоциируется с конкретными

действиями, имени числительному “30 days” и употреблению синонимичных глаголов действия “*destroy*” и “*defeat*”. Финальную точку в своем выступлении Трамп ставит повтором глагола “*defeat*”, напоминая о том, что их государство вновь даст отпор любой угрозе, как это было и до этого (*We will defeat Radical Islamic Terrorism, just as we have defeated every threat we have faced in every age before*).

Таким образом, как показывают результаты анализа агитационных речей кандидатов на пост главы США Хиллари Клинтон и Дональда Трампа, мишень манипуляции «безопасность» является одним из наиболее популярных аспектов для воздействия на сознание массового реципиента на эторецептивном уровне этофизиологических мишеней. В таблице 1. мы привели примеры актуализации мишени «безопасность» посредством языковых средств.

Таблица 1.

**Актуализация этофизиологической мишени «безопасность»
языковыми средствами**

Средство актуализации мишени «безопасность»:	Пример:
глаголы действия	<i>destroy, defeat, defend, build, believe, find;</i>
лексемы-номинанты	<i>peace, security, Americans, lives of citizens;</i>
лексемы-ассоцианты	<i>power, smarts, leadership, prosperity, cyber attacks, transnational terror networks, ISIS, diseases, illegal flow of drugs, cash, guns, people across our border, great wall, plan, importance;</i>
определения	<i>positioned, equipped, prepared, great, the most basic</i>

Список литературы

1. Базылев В. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса. Политический дискурс в России – 2: Материалы раб. совещ. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 6–8.
2. Водак Р. Язык. Дискурс. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
3. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. 2-е издание. М.: Флинта, 2008. 176 с.
4. Кудинов О. Большая книга выборов. М.: Издательство «Арт Бизнес Центр», 2003. 663 с.

5. Матвейчев О., Новиков В. Предвыборная кампания: практика против теории. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. 186 с.
6. Цуладзе А.М. Политические манипуляции, или Покорение толпы. М.: Книжный дом «Университет», 1999. 144 с.
7. Шабров О. Выборы и технологии избирательных кампаний // Политология: Учебник. Изд. 2-е, доп. и перераб. / Под общ. ред. В.С. Комаровского. М.: Изд-во РАГС, 2006. С. 489–502.
8. Полный текст предвыборной кампании Хиллари Клинтон, 2015. <http://time.com/3920332/transcript-full-text-hillary-clinton-campaign-launch/> (дата обращения: 10.11.2016).
9. Речь Дональда Трампа о нетерпимости к нелегальным эмигрантам, 2016. <http://www.vox.com/2016/8/31/12743880/donald-trump-immigration-policy-speech-transcript> (дата обращения: 12.11.2016).
10. Речь Дональда Трампа в Филадельфии о национальной безопасности, 2016. <http://thehill.com/blogs/pundits-blog/campaign/294817-transcript-of-donald-trumps-speech-on-national-security-in> (дата обращения: 16.11.2016).

References

1. Bazylev V. *K izucheniju politicheskogo diskursa v Rossii i rossijskogo politicheskogo diskursa. Politicheskij diskurs v Rossii* [The study of the political discourse in Russia and Russian political discourse. The political discourse in Russia] – 2: Materialy rab. soveshh. М.: Dialog-MGU, 1998, pp. 6–8.
2. Vodak R. *Jazyk. Diskurs* [Language. Discourse]. Volgograd: Peremena, 1997. 139 p.
3. Koptina, G.A. *Rechevoe manipulirovanie* [The speech manipulation]: text edition. М.: Flinta, 2008. 176 p.
4. Kudinov O. *Bolshaja kniga vyborov* [The big book of election]. М.: “Art biznes tsentr”, 2003. 663 p.
5. Matvejchev O., Novikov V. *Predvybornaja kampanija: praktika protiv teorii* [Pre-election campaign: practice versus theory]. Jekaterinburg: Uralskij universitet Publ., 2003. 186 p.

6. Tsuladze A.M. *Politicheskie manipulyatsii, ili Pokorenie tolpy* [Political manipulations or crowd conquest]. M.: Knizhnyiy dom «Universitet», 1999. 144 p.
7. Shabrov O. *Vyibory i tehnologii izbiratelnyih kampaniy* [Election and technologies of the pre-election campaign]. Politologiya: Uchebnik / V.S. Komarovskiy (ed.). M.: Izd-vo RAGS, 2006, pp. 489–502.
8. *Polnyj tekst predvybornoj kampanii Hillari Klinton* [The full text of Hillary Clinton's campaign speech], 2015. <http://time.com/3920332/transcript-full-text-hillary-clinton-campaign-launch/> (accessed October, 2016).
9. *Rech' Donal'da Trampa o neterpimosti k nelegal'nyim jemigrantam* [Donald Trump's speech on “zero tolerance” for undocumented immigrants], 2016. <http://www.vox.com/2016/8/31/12743880/donald-trump-immigration-policy-speech-transcript>.
10. *Rech' Donal'da Trampa v Filadel'fii o nacional'noj bezopasnosti* [Donald Trump's speech on national security in Philadelphia], 2016. <http://thehill.com/blogs/pundits-blog/campaign/294817-transcript-of-donald-trumps-speech-on-national-security-in>.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Полякова Алина Андреевна, преподаватель кафедры общеобразовательных и экономических дисциплин

Кумертауский филиал Оренбургского государственного университета

пер. Советский 2а, г. Кумертау, респ. Башкортостан, Российская Федерация

alina16polyakova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Polyakova Alina Andrejevna, Lecturer, Department of Economical and Educational Dicipines

Orenburg State University, Kumertau Branch

2a, Sovetskij Per., Kumertau, Bashkortostan, Russian Federation

alina16polyakova@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-226-233

УДК 808.51

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА КАК КРИТЕРИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Файзуллина Э.Ф.

Русский язык играет важную роль в деятельности духовных лидеров. Знание русского языка, основ ораторской речи, культуры и этики речевого общения позволят будущим проповедникам распространять религиозные знания.

Цель работы – описание речи проповедника как одного из элементов его профессиональной компетентности. Объектом исследования выступают речевые ошибки в текстах проповедей, звучащих на русском языке. Предметом исследования являются нарушения орфоэпических, лексических, грамматических норм устной речи.

Основу исследования образуют индуктивный метод, состоящий в сборе и фиксации конкретных языковых фактов с последующим их обобщением; дедуктивный метод, предполагающий проверку реальности языковых фактов на их соответствие (или несоответствие) наблюдаемым нормам, а также лингвистическое описание, необходимое для описания языковых выражений и языковых правил.

Речевые ошибки – это любые случаи отклонения от действующих языковых норм, которые влияют на эффективность общения, в связи с чем возникает риск быть недопонятым, а от этого зависит личный успех говорящего, в нашем случае, проповедника. Результаты работы свидетельствуют, что речевая культура религиозных деятелей, владеющих законами построения выступления, а главное – грамотной речью, является важным элементом профессиональной компетентности духовного лидера.

Результаты исследования должны быть учтены при утверждении единых религиозных образовательных стандартов высшей школы и способствовать введению в такие стандарты дисциплин, связанных с изучением русского языка, культуры речи, ораторского искусства.

Ключевые слова: русский язык; культура речи; исламские учебные заведения; религиозные стандарты.

CULTURE OF SPEECH AS THE CRITERION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF RELIGIOUS LEADERS

Faizullina E.F.

The Russian language plays an important role in the religious leaders's activities. The knowledge of the Russian language, basics of public speaking, culture and ethics of speech communication will contribute to spreading religious knowledge by future preachers.

The research basis is formed by the inductive method, as well as means of linguistics description.

The results of the study show, that speech culture of the religious leaders, who have skills of speech building, and, what is more important, of well-bred speech, is an important part of professional competence of the spiritual leader.

The research results should be taken into consideration while developing uniform religious standards for higher educational institutions and promoting adding into the educational standards disciplines, related to studying of Russian language, culture of speech, public speaking.

Keywords: Russian language; culture of speech; Islamic educational institutions; religious standards.

В современном российском обществе произошли существенные изменения в отношении к религии, а потому «...слово священника зазвучало не только ... перед прихожанами, но и по радио, по теле-

видению; представители духовенства выступают в парламенте, на митингах, на всевозможных презентациях...» [4, с. 136]. Следовательно, необходимым становится изучение языковой сущности и языковых принципов построения религиозных текстов. Активное развитие религиозных изданий, появление новых программ и публикаций, касающихся различных религиозных аспектов, требуют внимательного отношения к слову и его форме, что обязывает современного мусульманского религиозного деятеля обращаться не только к первоисточникам (Корану, хадисам, жизнеописаниям Пророка и т.д.), но и к справочной литературе по языку, быть искусным оратором, формирующим сознание добропорядочных граждан, распространяющим достоверные знания об исламе как религии мира и добра.

К сожалению, в современном обществе наблюдается тенденция к снижению уровня речевой культуры. Естественно, смысл фразы, в которой звучит речевой недочет или нарушена прописанная грамматикой норма, нам понятен, но такая речь отвлекает наше внимание, а в некоторых случаях и раздражает, не позволяя сосредоточиться там, где это необходимо. Нарушаются нормы как в печатных изданиях, так и в публичных выступлениях, в том числе и в выступлениях религиозных деятелей.

Безусловно, исламское религиозное образование – это образование, основанное на Коране и сунне, это изучение основ вероучения, Корана, хадисов, биографии Пророка, морально-этических норм ислама, правоведения (фикха), всеобщей истории, включая историю мусульманских народов, хорошее знание арабского языка и литературы. Многие ученые, в том числе М.Н. Аль-Атгас, И. Гаспринский, М.З. Закиев, М.И. Махмутов, подчеркивали и подчеркивают научную природу арабского языка как языка ислама. Но вместе с тем это и осведомленность в области гуманитарных наук, высокий уровень общего интеллектуального развития. Полагаем, что «обязательным является изучение других языков, способствующих взаимопониманию, упрочению мира и согласия между народами, исповедующими разные религии» [6]. Поэтому весьма

актуальным является изучение русского языка, который и сегодня сохраняет позиции языка межнационального общения.

Знания об исламе все чаще распространяются на русском языке в образовательных учреждениях, на курсах, нередко и в мечетях. Опрос среди студентов Казанского исламского университета показал, что, посещая пятничные и праздничные намазы, молодые люди не всегда понимают проповеди, читаемые на татарском языке. Полагаем, что прихожанам, не знающим татарского языка, проповедь на русском языке будет более доступна.

Обратим внимание на следующий факт: при изучении многих вышеперечисленных дисциплин, защите курсовых и выпускных квалификационных работ, на международных конференциях, проводимых в том числе и в исламских религиозных учебных заведениях, используется русский язык. Сборники статей, публикуемые по итогам конференций, выходят также на русском языке. Однако религиозные образовательные стандарты утверждаются в отсутствии дисциплин, связанных с изучением русского языка, культуры речи, ораторского искусства.

Между тем в проповедях, звучащих из уст имамов на русском языке, отмечаются нарушения норм русского литературного языка. Проведенный анализ выступлений мусульманских религиозных деятелей выявил типичные речевые ошибки (несмотря на богатый лексический запас, логичность и аргументированность выступлений, что, безусловно, говорит об опыте публичных выступлений). Выделим наиболее часто повторяющиеся ошибки в речи религиозных деятелей:

1. Ошибки, связанные с произношением слов и постановкой ударения: вероисповедАние (вместо вероисповЕдание); намерЕния (вместо намЕрения); бАлованный (вместо балОванный); исчерпАть (вместо исчЕрпать); новорОжденный (вместо новорождЕнный); обЛегчить (вместо облеГЧИть), Умерший (вместо умЕрший) и т.д.;

2. Ошибки, связанные с использованием разговорного варианта произношения некоторых слов: «щас» (вместо сейчас), «чо» (вместо что), «нету» (вместо нет);

3. Ошибки, связанные с употреблением в речи слов-сорняков или слов-паразитов: значит, как бы, короче, так сказать, это самое. («Он как бы женат»; «Ведь у них уже есть как бы дети!»; «Во время Рамадана будут, так сказать, разные трудности»); частиц «мол», «вот». («Думают, мол, прочитают намаз и все..»; «Вот у одного брата...», «Вот такой случай...»);

4. Ошибки, связанные с употреблением слов и словосочетаний в не-нормативном значении, с нарушением лексической сочетаемости: «вкусить вкус», «делайте благие дела», «если эти слова застрянут у нас в голове и в сердце...», «впервые познакомились с исламом» (вместо *впервые узнали об ис-ламе*), «не стоит делать напрасных обещаний» (вместо *давать обещаний*), «знания имеют большую роль» (вместо *играют роль*) и т.д.;

5. Ошибки, связанные с неправильным построением словосочетаний и предложений. Так, например, в проповеди, посвященной отношению к женщине, звучит: «..бьет и кричит на жену» (вместо *бьет жену и кричит на нее*). Или «хранить верность к мужу», «контролировать за учебой детей».

Стоит отметить, что рассматривались выступления проповедников в различных коммуникативных ситуациях, например, проповеди по случаю мусульманских праздников, когда хорошо подготовленная речь звучит в присутствии журналистов, представителей общественности, или пятничные проповеди для небольшого количества прихожан, во время которых слышна менее подготовленная речь, с большей свободой в выборе языковых средств; анализировались как небольшие «спонтанные» выступления, так и хорошо подготовленные проповеди; изучались тексты, разные по временной протяженности. При анализе учитывалось, что для публичной речи характерна спонтанность, а потому, естественно, встречаются некоторые отступления от строгих литературных норм. Нарушением признавалась лишь та ошибка, что приводила к искажению смысла высказывания.

Русский язык остается языком межнационального общения, удобным средством общения для представителей разных нацио-

нальностей, обучающихся в исламских религиозных учебных заведениях в том числе. Я.З. Гарипов, Р.В. Нуруллина приводят данные соцопросов, проведенных среди различных слоев населения. Выбор языка преподавания в исламских учебных заведениях, с точки зрения экспертов, обусловлен потребностями контингента: «Мы не недооцениваем татарский язык. Здесь учатся шакирды разных национальностей и из уважения к ним... Во-вторых, цель уроков – передать знания, надо, чтобы они понимали, используется способ более доступный. Третье – язык никак не связан с религией, если какой-то язык и связан с исламом, то это арабский...» [1, с. 231]. Таким образом, русский язык используется в преподавании как более понятный для большинства учащихся, в том числе иностранцев, зачастую изучавших его у себя на родине в рамках школьной программы.

Безусловно, религия, имеющая почти полуторатысячелетнюю историю, требует того, чтобы ее изучали. В отличие от политиков и журналистов, мусульманским религиозным деятелям предстоит огромная просветительская, «проповедническая работа ... по распространению истинно исламских идей, принципов, ценностей и знаний...» [2].

Способствовать этому, по нашему убеждению, будет и речевая культура религиозных деятелей, владеющих законами построения выступления (логикой изложения, актуальностью материала, эмоциональностью и убедительностью выступления, грамотной речью). Безусловно, эти знания являются одними из составляющих профессиональной компетентности духовного лидера.

Список литературы

1. Гарипов Я.З., Нуруллина Р.В. «Социализация мусульманской молодежи на примере учащихся мусульманских учебных заведений Республики Татарстан (часть 2)» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 5 (93). С. 231.
2. Доклад муфтия шейха Равиля Гайнутдина на семинаре «Мусульманское просветительство в современной России», 2016 г. URL: <http://islamforum.ru/threads/4102/> (дата обращения 16.11.2016).

3. Закон Республики Татарстан от 09 сентября 2004 г. “Об утверждении государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004–2013 годы”. URL: <http://www.an-tat.ru/docs/dok-ty/Programm-of-languages-RT.doc> (дата обращения 23.12.2016).
4. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты современного русского языка. М.: Наука, 1989. С. 136.
5. Рассуждения о профессиональном религиозном образовании, 2014 г. URL: <http://www.tarihi-mechet.ru/index.php> (дата обращения 28.10.2016).
6. Система исламского образования, 2014 г. URL: http://islameducation.net/islamic_pedagogs/structure.html (дата обращения 08.11.2016).

References

1. Garipov Ya.Z., Nurullina R.V. Sotsializatsiya musulmanskoj molodeji na primere uchashihsa musulmanskih uczebnyh zavedenij Respublika Tatarstan (chast 2) [Social adaptation of the Muslim youth as based on the students at Muslim educational institutions (part 2)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie social'nye peremeny*. 2009. № 5 (93). 231 p.
2. *Doklad muftija shejha Ravilja Gajnutdina na seminare “Musul'manskoe prosvetitel'stvo v sovremennoj Rossii”* [The report given by the mufti Rawil Gaynetdin at the seminar “Muslim enlightenment in today's Russia”], 2016. <http://islamforum.ru/threads/4102/> (Date of access 16.11.2016).
3. *Zakon Respubliki Tatarstan ot 09 sentjabrja 2004g. “Ob utverzhenii gosudarstvennoj programmy Respubliki Tatarstan po sohraneniju, izucheniju i razvitiju gosudarstvennyh jazykov Respubliki Tatarstan i drugih jazykov v Respublike Tatarstan na 2004–2013 gody”* [The law of the Republic of Tatarstan dated September 09, 2004 “On approval of the state program of the Republic of Tatarstan for the conservation, studying and development of the official languages of the Republic of Tatarstan and other languages in the Republic of Tatarstan for 2004–

- 2013”]. <http://www.an-tat.ru/docs/dok-ty/Programm-of-languages-RT.doc> (Date of access 23.12.2016).
4. Krysin L.P. *Sociolingvističeskie aspekty sovremennogo russkogo jazyka* [Sociolinguistic aspects of the contemporary Russian language]. M.: Nauka, 1989. P. 136.
  5. *Rassuzhdenija o profesional'nom religioznom obrazovanii* [Essays on professional religious education], 2014. <http://www.tarihi-mechet.ru/index.php> (Date of access 28.10.2016).
  6. *Sistema islamskogo obrazovanija* [The system of Islamic education], 2014. http://islameducation.net/islamic_pedagogics/structure.html (Date of access 08.11.2016).

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Файзуллина Эльмира Фоатовна, доцент кафедры филологии и страноведения, кандидат филологических наук
Российский исламский университет
ул. Газовая, 19, г. Казань, Республика Татарстан, 420048,
Российская Федерация
efkf@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Faizullina Elmira Foatovna, Docent, Department of Philology, Candidate of Philological Sciences
Russian Islamic Institute
19, Gazovaya Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420048, Russian Federation
efkf@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7-24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7-10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с.5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7-24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p.5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И КИТАЙ (1920–1923 гг.) Емельянова Е.Н.	7
--	---

ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАЗАНСКОЙ И ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИЙ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 г. Крапоткина И.Е., Салимова Д.А., Данилова Ю.Ю.	25
--	----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ПРОЕКТЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ Введенская Е.В., Ляуш Л.Б.	34
---	----

СПЕЦИФИКА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX СТОЛЕТИЯ Вознякевич Е.Е.	51
--	----

«РУССКАЯ ИДЕЯ» И. ИЛЬИНА КАК УТОПИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ Митина Н.Г.	63
---	----

ГЕРОИЗМ И РЕЛИГИОЗНЫЙ АСКЕТИЗМ КАК ФОРМЫ ПОДВИГА Неронова М.Ю., Неронов А.В.	80
--	----

АКТУАЛИЗАЦИЯ НАСЛЕДИЯ П.И. НОВГОРОДЦЕВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ Пономарёв А.М.	97
--	----

ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА И ГУМАННОСТЬ
В ФИЛОСОФИИ И.Г. ГЕРДЕРА

Самылов О.В., Симоненко Т.И. 106

СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ
КАК МЕХАНИЗМ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
РЕАЛЬНОСТИ

Смышляева Т.В., Обидина Ю.С. 115

О ПОНЯТИИ СОЦИОКОДА У М.К. ПЕТРОВА:
СМЫСЛ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМАТИКА

Соваков Б.Н. 129

МИФ В ТЕОРИИ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ
ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА

Шутова Т.Н. 142

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМ TOLERANCE,
ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ТЕРПИМОСТЬ В АНГЛИЙСКОМ
И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Диденко В.В. 151

АДАПТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВОГО МЕХАНИЗМА
В СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЕ

Измайлов А.З., Абдуллаева З.Р., Багдасарова И.Ю. 174

ЭТНОЯЗЫКОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МИРА:
КОНЦЕПТ «МИЛОСЕРДИЕ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Кобякова Т.И., Галиуллина С.Д., Сунцова Н.Л. 186

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИАЛОГ:
ЗАКОНОМЕРНОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ,
ОБРАЗНЫЙ СМЫСЛ, ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ М.А. ШОЛОХОВА)

Кочетова Л.П. 204

БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ЭТОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ МИШЕНЕЙ РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ И СРЕДСТВА ЕЕ АКТУАЛИЗАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Полякова А.А.	216
РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА КАК КРИТЕРИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ Файзуллина Э.Ф.	226
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	234

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

SOVIET RUSSIA AND CHINA (1920–1923) Emelyanova E.N.	7
---	---

THE NUMBER OF MEMBERS AND PROFESSIONAL EMPLOYMENT OF THE GERMAN POPULATION OF KAZAN AND VYATKA PROVINCES ON THE RESULTS OF THE NATIONAL POPULATION CENSUS OF 1897 Krapotkina I.E., Salimova D.A., Danilova Y.Y.	25
---	----

STUDIES IN PHILOSOPHY

HUMAN ENHANCEMENT PROJECTS: ORIGINS AND PERSPECTIVES Vvedenskaya E.V., Lyaush L.B.	34
---	----

SPECIFICS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN PROFESSIONAL ACTIVITY OF SCIENTIST IN RUSSIAN PHILOSOPHY OF XIX CENTURY Vozniakovich E.E.	51
--	----

“RUSSIAN IDEA” I. ILYIN AS UTOPIAN PROJECT Mitina N.G.	63
--	----

HEROISM AND RELIGIOUS ASCETICISM AS FEAT FORMS Neronova M.Y., Neronov A.V.	80
--	----

ACTUALIZATION OF THE HERITAGE OF P.I. NOVGORODTSEV: METHODOLOGICAL ASPECT Ponomarev A.M.	97
---	----

EDUCATION, CULTURE AND HUMANITY IN THE PHILOSOPHY OF J.G. HERDER Samylov O.V., Simonenko T.I.	106
STUDENT GOVERNMENT AS A MECHANISM FOR CONSTRUCTION SOCIOCULTURAL REALITY Smyshlyaeva T.V., Obidina Y.S.	115
SOCIO-CODE NOTION IN M.K.PETROV'S WORKS: SENSE, CONTENTS, CONSIDERATIONS Sovakov B.N.	129
MYTH IN JÜRGEN HABERMAS'S THEORY OF COMMUNICATIVE ACTION Shutova T.N.	142
STUDIES IN PHILOLOGY	
ANALYSIS OF MEANING OF THE TOLERANCE, ТОЛЕРАНТНОСТЬ AND ТЕРПИМОСТЬ LEXEMES (IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES) Didenko V.V.	151
LANGUAGE MECHANISM ADAPTABILITY IN SOCIAL COMMUNICATIVE ENVIRONMENT Izmailov A.Z., Abdullaeva Z.R., Bagdasarova I.Yu.	174
ETHNOLINGUISTIC PERCEPTION OF THE WORLD: CONCEPT OF "MERCY" IN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE Kobiakova T.I., Galiullina S.D., Suntsova N.L.	186
FICTIONAL DIALOGUE: PATTERN DESIGN, FIGURATIVE MEANING, LANGUAGE SPECIFICS (BASED ON M.A. SHOLOKHOV'S PROSE) Kochetova L.P.	204

SECURITY AS ONE OF THE MAIN ETHOLOGICAL AND PHYSIOLOGICAL TARGETS OF THE SPEECH MANIPULATION AND MEANS OF ITS SPEECH ACTUALISATION IN THE POLITICAL DISCOURSE Polyakova A.A.	216
CULTURE OF SPEECH AS THE CRITERION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF RELIGIOUS LEADERS Faizullina E.F.	226
RULES FOR AUTHORS	234

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «ЛитераПринт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, 6, офис 0-10
Подписано в печать и дата выхода: 30.12.2016. Заказ СИСП4-22016.
Тираж 5000. Усл. печ. л. 17,39. Формат 60×84/16